

ЭДУАРД УСПЕНСКИЙ

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

ЭДУАРД
УСПЕНСКИЙ

ОБЩЕЕ
СОБРАНИЕ
ГЕРОЕВ
ПОВЕСТЕЙ,
РАССКАЗОВ,
СТИХОТВОРЕНИЙ
И ПЬЕС

ЭДУАРД УСПЕНСКИЙ

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ГЕРОЕВ

ПОВЕСТЕЙ, РАССКАЗОВ,
СТИХОТВОРЕНИЙ И ПЬЕС

ТОМ 9

Про Веру и Анфису

Следствие ведут
Колобки

1*

САНКТ ПЕТЕРБУРГ 1993

ББК 84.Р7
У77

Ответственный за выпуск серии
Неонила Самухина

Художественное оформление
Геннадия Никеева

Успенский Э. Н.

Полное собрание героев повестей, рассказов, стихотворений и пьес в десяти томах, том 9. Илл. Г. Лавренко, А. Ивашенцовой, оформл. Г. Никеева. С.-Петербург, Торгово-издательское товарищество «КОМЕТА», 1993, 208 с., илл. В переплете.

ISBN 5-7116-0019-2

В девятый том десятитомного собрания сочинений вошли все детективные истории про доблестных криминалистов Колобков, которых не может провести ни один прохвост и от которых не смог уйти ни один преступник. А также повесть о «Вере и Анфисе», рассказывающая о дружбе девочки Веры и обезьянки Анфисы и приключениях этого экзотического зверька в нашем большом городе, в семье Веры и в детском саду.

© Э. Успенский, 1993
© Иллюстрации Г. Лавренко, А. Ивашенцова, 1993
© Оформление Г. Никеева, 1993
© Торгово-издательское товарищество «Комета», 1993

У 4803010201-0019 без объявл. -93
ОБ7(03) 93

ПРО ВЕРУ И АНФISY

ПОВЕСТЬ ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

Художник Галина Лавренко

История первая

ОТКУДА АНФИСА ВЗЯЛАСЬ

В одном городе жила семья — папа, мама, девочка Вера и бабушка Лариса Леонидовна. Папа и мама были школьными учителями. А Лариса Леонидовна была директором школы, но на пенсии.

Ни в одной стране мира на одного ребёнка не приходится столько руководящих педагогических кадров! И девочка Вера должна была стать самой воспитанной в мире. Но она была капризной и непослушной. То цыплёнка поймает и начнёт пеленать, то соседнего мальчика в песочнице совком треснет так, что совок приходится в ремонт относить.

Поэтому бабушка Лариса Леонидовна всегда была рядом с ней — на короткой дистанции, в один метр. Как будто она телохранитель президента республики.

Папа часто говорил:

— Как я могу чужих детей учить математике, если я своего ребёнка воспитать не могу.

Бабушка заступалась:

— Это девочка сейчас капризная. Потому что маленькая. А вырастет, она не будет соседских мальчиков совком бить.

— Она их лопатой лупить начнёт, — спорил папа. Однажды папа шёл мимо порта, где корабли стояли. И видит: один иностранный матрос что-то всем прохожим предлагает в прозрачном пакете. А прохожие смотрят, сомневаются, но брать не берут. Папа заинтересовался, поближе подошёл. Матрос ему на чистом английском языке говорит:

— Дорогой господин товарищ, возьмите вот эту живую обезьянку. Её у нас на корабле всё время укачивает. А когда её укачивает, она всегда что-нибудь отвинчивает.

— А сколько надо будет за неё заплатить? — спросил папа.

— Нисколько не надо. Наоборот, я вам ещё и страховой полис дам. Эта обезьянка застрахована. Если с ней что случится: заболит или потеряется, вам страховая компания за неё целую тысячу долларов заплатит.

Папа с удовольствием взял обезьянку и дал матросу свою визитную карточку. На ней было написано:

«Матвеев Владимир Фёдорович — учитель.

Город Плёс на Волге».

А матрос ему свою визитную карточку дал. На ней было написано:

«Боб Смит — матрос. Америка».

Они обнялись, похлопали друг друга по плечу и договорились переписываться.

Папа пришёл домой, а Веры и бабушки нет. Они в песочнице во дворе играли. Папа обезьянку оставил и за ними побежал. Привёл их домой и говорит:

— Смотрите, какой я для вас сюрприз приготовил.

Бабушка удивляется:

— Если вся мебель в квартире вверх ногами, это сюрприз?

И точно: все табуретки, все столы и даже телевизор — всё вверх ногами поставлено. А на люстре обезьянка висит и электрические лампочки облизывает.

Вера как закричит:

— Ой, кис-кис, ко мне!

Обезьянка к ней сразу же прыгнула. Они обнялись, как две дурочки, головы друг другу на плечо положили и замерли от счастья.

— А как её зовут? — спросила бабушка.

— Не знаю, — говорит папа. — Капа, Тяпа, Жучка!

— Жучками только собак называют, — говорит бабушка.

— Пусть будет Мурка, — говорит папа, — или Зорька.

— Тоже мне кошку нашли, — спорит бабушка. — А Зорьками только коров зовут.

— Тогда я не знаю, — растерялся папа. — Тогда давайте думать.

— А чего тут думать! — говорит бабушка. — У нас в Егорьевске была одна заведующая роно — вылитая эта обезьянка. Звали её Анфисой.

И называли обезьянку Анфисой в честь одной заведующей из Егорьевска. И это имя к обезьянке сразу приклеилось.

Тем временем Вера и Анфиса друг от друга отлипли и, взявшись за руки, пошли в комнату девочки Веры всё там смотреть. Вера ей стала куклы свои показывать и велосипеды.

Бабушка в комнату заглянула. Видит — Вера ходит, большую куклу Лялю укачивает. А за ней по пятам Анфиса ходит и большой грузовик качает.

Анфиса вся такая нарядная и гордая. На ней шапочка с помпончиком, маечка на полпузика и на ногах резиновые сапожки.

Бабушка говорит:

— Пошли, Анфиса, тебя кормить.

Папа спрашивает:

— А чем? Ведь у нас в городе благосостояние растёт, а бананы не растут.

— Какие там бананы! — говорит бабушка. — Сейчас мы картофельный эксперимент проведём.

Она положила на стол колбасу, хлеб, варёную картошку, сырую картошку, селёдку, селёдочные очистки в бумажке и варёное яйцо в скорлупе. Посадила Анфису в высокий стул на колёсиках и говорит:

— На старт! Внимание! Марш!

Обезьянка как начнёт есть. Сначала колбасу, потом хлеб, потом варёную картошку, потом сырую, потом селёдку, потом селёдочные очистки в бумажке, потом варёное яйцо в скорлупе прямо со скорлупой.

Не успели оглянуться, как Анфиса с яйцом во рту заснула на стуле.

Папа её из стула достал и на диване перед телевизором посадил. Тут и мама пришла. Мама пришла и сразу сказала:

— А я знаю. К нам подполковник Готовкин заходил. Это он принёс.

Подполковник Готовкин был не военный подполковник, а милицейский. Он очень любил детей и всегда им дарил большие игрушки.

— Какая прелестная обезьянка. Наконец-то научились делать. Она взяла обезьянку в руки:

— Ой, такая тяжёлая. А что она умеет?

— Всё, — сказал папа.

— Глаза открывает? «Мама» — говорит?

Обезьянка проснулась, как маму обнимет! Мама как закричит:

— Ой, она живая! Откуда она?

Все вокруг мамы собрались, и папа объяснил, откуда обезьянка и как её зовут.

— Какой она породы? — спрашивает мама. — Какие у неё документы?

Папа визитную карточку показал:

«Боб Смит — матрос. Америка».

— Слава богу, хоть не уличная! — сказала мама. — А что она ест?

— Всё, — сказала бабушка. — Даже бумагу с очистками.

— А умеет ли она пользоваться горшком?

Бабушка говорит:

— Надо попробовать. Давайте проведем горшковый эксперимент.

Дали Анфисе горшок, она его немедленно на голову надела и стала похожа на колонизатора.

— Караул! — говорит мама. — Это катастрофа!

— Подождите, — возражает бабушка. — Мы ей второй горшок дадим.

Дали Анфисе второй горшок. И она сразу догадалась, что с ним надо делать.

И тогда все поняли, что Анфиса будет у них жить!

История вторая

ПЕРВЫЙ РАЗ В ДЕТСКИЙ САД

Утром обычно папа отводил Веру в детский сад в коллектив к детям. А сам отправлялся на работу. Бабушка Лариса Леонидовна шла в соседний ЖЭК кружком кройки и шитья руководить. Мама в школу уходила учительствовать. Куда Анфису девать?

— Как куда? — решил папа. — Пусть тоже в детский сад идёт.

У входа в младшую группу стояла старшая воспитательница Елизавета Николаевна. Папа ей сказал:

— А у нас прибавление!

Елизавета Николаевна обрадовалась и говорит:

— Ребята, какая радость, у нашей Веры родился братик.

— Это не братик, — сказал папа.

— Дорогие ребята, у Веры в семье сестричка родилась!

— Это не сестричка, — снова сказал папа.

А Анфиса к Елизавете Николаевне мордочкой повернулась.

Воспитательница совсем растерялась:

— Какая радость. У Веры в семье родился негритеёнок.

— Да нет же! — говорит папа. — Это не негритеёнок.

— Это обезьянка! — говорит Вера.

И все ребята закричали:

— Обезьянка! Обезьянка! Иди сюда!

— Можно ей побыть в детском саду? — спрашивает папа.

— В живом уголке?

— Нет. Вместе с ребятами.

— Это не положено, — говорит воспитательница. — Может быть, ваша обезьянка на лампочках висит? Или всех колотит

половником? А может, она любит цветочные горшки по комнате рассыпать?

— А вы её на цепочку посадите, — предложил папа.

— Ни за что! — ответила Елизавета Николаевна. — Это так непедагогично!

И решили они так. Папа оставит Анфису в детском саду, но будет через каждый час звонить — спрашивать, как дела. Если Анфиса начнёт горшками бросаться или с половником за дирек-

тором бегать, папа её сразу заберёт. А если Анфиса будет себя хорошо вести, спать, как все дети, тогда её навсегда оставят в детском саду. Возьмут в младшую группу.

И папа ушёл.

Дети окружили Анфису и стали ей всё давать. Наташа Грищенкова дала ей яблоко. Боря Голдовский — машинку. Виталик Елисеев дал ей зайца одноухого. А Таня Федосова — книжку про овощи.

Анфиса всё это брала. Сначала одной ладошкой, потом второй, потом третьей, потом четвёртой. Так как стоять она уже не могла, она легла на спину и по очереди стала свои сокровища в рот засовывать.

Елизавета Николаевна зовёт:

— Дети, за стол!

Дети сели завтракать, а обезьянка осталась на полу лежать. И плакать. Тогда воспитательница взяла её и за свой воспитательный стол посадила. Так как лапы у Анфисы были подарками заняты, пришлось Елизавете Николаевне её с ложечки кормить.

Наконец дети позавтракали. И Елизавета Николаевна сказала:

— Сегодня у нас большой медицинский день. Я буду учить вас чистить зубы и одежду, пользоваться мылом и полотенцем. Пусть каждый возьмёт в руки учебную зубную щётку и тюбик с пастой.

Ребята разобрали щётки и тюбики. Елизавета Николаевна продолжала:

— Взяли тюбик в левую руку, а щётку в правую. Грищенкова, Грищенкова, не надо зубной щёткой сметать крошки со стола.

Анфисе не хватило ни учебной зубной щётки, ни учебного тюбика. Потому что Анфиса была лишняя, незапланированная. Она увидела, что у всех ребят есть такие интересные палочки со щетиной и такие белые бананчики, из которых белые червячки вылезают, а у неё нет, и захныкала.

— Не плачь, Анфиса, — сказала Елизавета Николаевна. — Вот тебе учебная банка с зубным порошком. Вот тебе щётка, учись.

Она начала урок.

— Итак, выдавили пасту на щётку и стали чистить зубы. Вот так, сверху вниз. Маруся Петрова, правильно. Виталик Елисеев, правильно. Вера, правильно. Анфиса, Анфиса, ты что делаешь? Кто тебе сказал, что зубы надо чистить на люстре? Анфиса, не посыпай нас зубным порошком! А ну-ка, иди сюда!

Анфиса послушно слезла, и её привязали полотенцем к стулу, чтобы она успокоилась.

— Теперь переходим ко второму упражнению, — сказала Елизавета Николаевна. — К чистке одежды. Возьмите в руки одёжные щётки. Порошком вас уже посыпали.

Тем временем Анфиса раскачалась на стуле, упала вместе с ним на пол и побежала на четырёх лапках со стулом на спине. Потом влезла на шкаф и там села, как царь на троне.

Елизавета Николаевна говорит ребятам:

— Смотрите, у нас царица Анфиса Первая появилась. На троне сидит. Придётся нам её заякорить. Ну-ка, Наташа Грищенкова, принеси мне из гладильной самый большой утюг.

Наташа принесла утюг. Он был такой большой, что она по дороге два раза упала. И проводом от электричества Анфису к утюгу привязали. Её скакательность и бегательность сразу резко упали. Она стала ковылять по комнате, как старушка столетней давности или как английский пират с ядром на ноге в испанском плену в средние века.

Тут телефон зазвонил, папа спрашивает:

— Елизавета Николаевна, как там мой зверинец, хорошо себя ведёт?

— Пока терпимо, — говорит Елизавета Николаевна, — мы её к утюгу приковали.

— Утюг электрический? — спрашивает папа.

— Электрический.

— Как бы она его в сеть не включила, — сказал папа. — Ведь пожар будет!

Елизавета Николаевна трубку бросила и скорее к утюгу.

И вовремя. Анфиса его в самом деле в розетку вставила и смотрит, как из ковра дым идёт.

— Вера, — говорит Елизавета Николаевна, — что же ты за своей сестрёнкой не следишь?

— Елизавета Николаевна, — говорит Вера, — мы все за ней следим. И я, и Наташа, и Виталик Елисеев. Мы даже за лапы её держали. А она ногой утюг включила. Мы и не заметили.

Елизавета Николаевна вилку от утюга лейкопластырем забинтовала, теперь её никуда не включишь. И говорит:

— Вот что, дети, сейчас старшая группа на пение пошла. Значит, бассейн освободился. И мы с вами туда пойдём.

— Ура! — закричали малыши и побежали купальники хватать.

Они пошли в комнату с бассейном. Они пошли, а Анфиса плачет и к ним руки тянет. Ей никак с утюгом ходить нельзя.

Тогда Вера и Наташа Грищенкова ей помогли. Они вдвоём утюг взяли и понесли. А Анфиса рядом шла.

В комнате, где бассейн, было лучше всего. Там цветы росли в кадках. Везде лежали спасательные круги и крокодилы. И окна были до самого потолка.

Все дети как начали в воду прыгать, только водяной дым пошёл.

Анфиса тоже в воду захотела. Она к краю бассейна подошла и как свалится вниз! Только она до воды не долетела. Её утюг не пустил. Он на полу лежал, и проволока до воды не доставала. И Анфиса около стенки болтается. Болтается и плачет.

— Ой, Анфиса, я тебе помогу, — сказала Вера и с трудом утюг с края бассейна сбросила. Утюг на дно ушёл и Анфису утащил.

— Ой, — кричит Вера, — Елизавета Николаевна, Анфиса не выныривает! Её утюг не пускает!

— Караул! — закричала Елизавета Николаевна. — Ныряем!

Она как была в белом халате и в шлёпанцах, так с разбегу в бассейн и прыгнула. Вытащила сначала утюг, потом Анфису.

И говорит: — Эта меховая дурочка меня так измучила, будто я три вагона угля лопатой разгрузила.

Она завернула Анфису в простыню и всех ребят из бассейна достала.

— Всё, хватит плавания! Сейчас мы все вместе пойдём в музыкальную комнату и будем петь «Теперь я Чебурашка...»

Ребята быстро оделись, а Анфиса так мокрая в простыне и сидела.

Пришли в музыкальную комнату. Дети встали на длинную лавочку. Елизавета Николаевна села на музыкальную табуретку. А Анфису, всю спелёнутую, посадили на край рояля, пусть сохнет.

И Елизавета Николаевна начала играть:

Я был когда-то странной игрушкой безымянной...

И вдруг послышалось — БЛЯМ!

Елизавета Николаевна удивлённо смотрит по сторонам. Она это БЛЯМ не играла. Она снова начала:

Я был когда-то странной игрушкой безымянной,
К которой в магазине...

И вдруг снова — БЛЯМ!

«В чём дело? — думает Елизавета Николаевна. — Может быть, в рояле мышка поселилась? И по струнам стучит?»

Елизавета Николаевна крышку подняла и в пустой рояль полчаса смотрела. Никакой мышки.

И снова начинает играть:

Я был когда-то странной...

И снова — БЛЯМ, БЛЯМ!

— Ничего себе! — говорит Елизавета Николаевна. — Уже два БЛЯМа получилось. Ребята, вы не знаете, в чём дело?

Ребята не знали. А это Анфиса, завёрнутая в простыню, мешала. Она незаметно ножку высунет, сделает БЛЯМ по клавишам и ножку снова в простыню вдёрнет.

Вот что получилось:

Я был когда-то странной
БЛЯМ!
Игрушкой безымянной,
БЛЯМ! БЛЯМ!
К которой в магазине
БЛЯМ!
Никто не подойдет
БЛЯМ! БЛЯМ! БУХ!

БУХ получилось потому, что Анфиса довертелась и с рояля рухнула. И все сразу поняли, откуда эти БЛЯМ-БЛЯМы сыпались.

После этого в жизни детского сада было некоторое затишье. То ли Анфиска устала каверзничать, то ли за ней очень внимательно все смотрели, но за обедом она ничего не выкинула. Если не считать, что она тремя ложками суп ела. Потом спала тихо вместе со всеми. Правда, спала на шкафу. Но с простынёй и подушкой, всё как положено. Никаких горшков с цветами по комнате не рассыпала и со стулом за директором не бегала.

Елизавета Николаевна даже успокоилась. Только рано. Потому что после полдника было художественное вырезание. Елизавета Николаевна сказала ребятам:

— А сейчас все мы дружно возьмём ножницы и будем из картона вырезать воротнички и шапочки.

Ребята пошли дружно брать картон и ножницы со стола. Анфисе ни картона, ни ножниц не хватило. Ведь Анфиса как была незапланированная, так незапланированной и осталась.

— Мы берём картон и вырезаем кружочек. Вот так, — Елизавета Николаевна показала.

И все ребята, высунув языки, стали вырезать кружочки. У них получались не только кружочки, но и квадратики, треугольники и блины.

— А где мои ножницы?! — закричала Елизавета Николаевна. — Анфиса, покажи мне свои ладошки!

Анфиса с удовольствием показала чёрные ладошки, в которых ничего не было. А задние лапы спрятала за спину. Ножницы, конечно же, были там. И пока ребята вырезали свои кружочки и козырёчки, Анфиса тоже вырезала дырочки из подручного материала.

Все так увлеклись шапочками и воротничками, что не заметили, как час прошёл и родители стали приходить.

Забрали Наташу Грищенко, Виталика Елисеева, Борю Голдовского. И вот папа Веры пришёл, Владимир Фёдорович.

— Как тут мои?

— Хорошо, — говорит Елизавета Николаевна. — И Вера, и Анфиса.

— Неужели Анфиса ничего не натворила?

— Как не натворила? Натворила, конечно. Всех зубным порошком посыпала. Чуть пожар не устроила. В бассейн с утюгом прыгнула. На люстре качалась.

— Значит, не берёте её?

— Почему не берём? Берём! — сказала воспитательница. — Вот сейчас мы кружочки режем, а она никому не мешает.

Она встала, и все увидели, что её юбка в кружочках. И её длинные ноги из всех кружочков сверкают.

— Ах! — сказала Елизавета Николаевна и даже присела. А папа взял Анфису и отобрал у неё ножницы. Они у неё в задних лапах были.

— Эх ты, чучело! — сказал он. — Сама своё счастье испортила. Придётся тебе дома сидеть.

— Не придётся, — сказала Елизавета Николаевна. — Мы берём её в детский сад.

И ребята запрыгали, заскакали, заобнимались. Так они Анфису полюбили.

— Только обязательно принесите справку от врача! — сказала воспитательница. — Без справки в детский сад ни один ребёнок не пройдёт.

История третья

**КАК ВЕРА И АНФИСА
В ПОЛИКЛИНИКУ ХОДИЛИ**

Пока у Анфисы справки от врача не было, её в детский сад не брали. Она дома оставалась. И Вера с ней вместе дома сидела. И, конечно, с ними сидела бабушка.

Правда, бабушка не столько сидела, сколько по хозяйству бегала. То в булочную, то в гастроном за колбасой, то в рыбный магазин за селёдочными очистками. Анфиса эти очистки больше всякой селёдки любила.

И вот суббота наступила. Папа Владимир Фёдорович в школу не пошёл. Он взял Веру и Анфису и в поликлинику с ними отправился. Справку получать.

Веру он за руку вёл, а Анфису для маскировки решил в коляску посадить. Чтобы детское население со всех микрорайонов не сбегалось.

Если кто-то из ребят замечал Анфиску, то за ней очередь выстраивалась, как за апельсинами. Уж больно ребята в городе любили Анфиску. Но она тоже времени даром не теряла. Пока ребята вокруг неё крутились, брали её на руки, передавали друг другу, она к ним в карманы лапки засовывала и все оттуда вытаскивала. Передними лапками ребёнка обнимет, а задними у ребёнка карманчики чистит. И все вещички она в защечных мешках прятала. Дома у неё изо рта вынимали ластик, значки, карандашники, ключи, зажигалки, жвачки, монетки, соски, брелки, патроны и перочинные ножички.

Вот они к поликлинике подошли. Вошли внутрь, в вестибюль. Вокруг всё белое и стеклянное. На стенке висит весёлая история

в стеклянных рамочках: что с одним мальчиком было, когда он ядовитые грибы съел.

И другая история — про дяденьку, который сам себя лечил народными средствами: сушёными пауками, примочками из свежей крапивы и грелкой из электрического чайника.

Вера говорит:

— Ой, какой дяденька смешной! Сам больной, а курит.

Папа ей объяснил:

— Это он не курит. Это у него под одеялом грелка вскипела.

Вдруг папа закричал:

— Анфиса, Анфиса! Не облизывай плакаты! Анфиса, зачем ты в урну засунулась?! Вера, возьми веник и подмети, пожалуйста, Анфису.

У окна в кадке огромная пальма стояла. Анфиса как ее увидела, так к ней и бросилась. Обняла пальму и в кадку встала. Папа пробовал её увести — ни за что!

— Анфиса, отпусти, пожалуйста, пальму! — строго говорит папа.

Анфиса не отпускает.

— Анфиса, Анфиса! — еще строже говорит папа. — Отпусти, пожалуйста, папу.

Анфиса и папу не отпускает. А руки у неё — как будто тиски из железа. Тут на шум пришёл врач из соседнего кабинета.

— В чем дело? А ну-ка, обезьянка, отпусти дерево!

Но обезьянка дерево не отпускала. Врач попытался её отцепить — и сам прилип. Папа ещё строже говорит:

— Анфиса, Анфиса, отпусти, пожалуйста, папу, отпусти, пожалуйста, пальму, отпусти, пожалуйста, врача.

Ничего не получается. Тут главный врач пришёл.

— В чём тут дело? Почему хоровод вокруг пальмы? У нас что — пальмовый Новый год? Ах, здесь обезьянка всех держит! Сейчас мы её отцепим.

После этого папа уже так заговорил:

— Анфиса, Анфиса, отпусти, пожалуйста, папу, отпусти пальму, отпусти, пожалуйста, врача, отпусти, пожалуйста, главного врача.

Вера взяла и Анфису пощекотала. Тогда она всех отпустила, кроме пальмы. Она пальму всеми четырьмя лапами обняла, щекой к ней прижалась и плачет.

Главный врач сказал:

— Я недавно в Африке был по культурному обмену. Там много пальм видел и обезьянок. Там на каждой пальме обезьянка сидит. Они друг к другу привыкли. А ёлок там совсем нет. И белок.

Простой врач спросил папу:

— Зачем вы к нам обезьянку привели? Она заболела?

— Нет, — говорит папа. — Ей справка нужна в детский сад. Её надо исследовать.

— Как же мы её будем исследовать, — говорит простой врач, — если она от пальмы не отходит?

— Так и будем исследовать, не отходя от пальмы, — сказал главный врач. — Зовите сюда главных специалистов и заведующих отделениями.

И скоро к пальме все врачи подошли: и терапевт, и хирург, и ухо-горло-нос. Сначала у Анфисы кровь взяли на анализ. Она себя очень смело вела. Спокойно дала палец и смотрела, как у неё через стеклянную трубочку кровь из пальца берут.

Потом её врач-педиатр слушал через резиновые трубочки. Он сказал, что Анфиса здорова, как маленький паровозик.

Дальше надо было Анфису на рентген вести. Но как её поведешь, если её от пальмы не оторвать? Тогда папа и врач из рентгеновского кабинета Анфису вместе с пальмой в кабинет принесли. Поставили её вместе с пальмой под аппарат, и врач говорит:

— Дышите. Не дышите.

Только Анфиса не понимает. Она, наоборот, дышит, как насос. Очень врач с ней намучился. Потом как закричит:

— Батюшки, да у неё гвоздь в животе!! И ещё один! И ещё! Вы что её гвоздями кормите?!

Папа отвечает:

— Не кормим мы её гвоздями. И сами не едим.

— Откуда же у неё гвозди? — думает рентгеновский врач. — И как их из неё достать?

Потом он решил:

— А давайте дадим ей магнит на верёвочке. Гвозди к магниту прилипнут, и мы их вытащим.

— Нет, — говорит папа. — Не будем мы ей магнит давать. Она с гвоздями живёт — и ничего. А если она магнит проглотит, неизвестно ещё, что из этого выйдет.

В это время Анфиса вдруг по пальме вверх полезла. Она вверх полезла какую-то штучку блестящую крутить, а гвозди на месте остались. И тогда врач понял:

— Это же гвозди не в Анфисе, а в пальме были. На них нянечка свой халат вешала и ведро по ночам. — Он говорит: — Слава богу, ваш паровозик здоров!

После этого Анфису с пальмой снова в холл принесли. И все врачи на консилиум собрались. Они решили, что Анфиса очень здорова и что ей можно в детский сад ходить.

Главный врач прямо около кадки ей справку написал и говорит:

— Вот и всё. Можете идти.

А папа отвечает:

— Не можем. Потому что нашу Анфису от вашей пальмы можно только бульдозером оторвать.

— Как же быть? — говорит главный врач.

— Не знаю, — говорит папа. — Придётся или нам с Анфисой, или вам с пальмой расставаться.

Врачи все вместе встали в кружок, как команда КВН, и стали думать.

— Надо взять обезьянку — и всё тут! — сказал рентгеновский врач. — Она за сторожа будет ночью.

— Мы ей белый халат сошьём. И она будет нам помогать! — сказал врач-педиатр.

— Да, — заметил главный врач. — Она схватит у вас шприц с уколом, мы все будем за ней по всем лестницам и чердакам бегать. А потом она с этим шприцем на какого-нибудь папу с занавески свалится. А если она с этим шприцем в какой-нибудь класс забежит или детский сад, да ещё в белом халате!

— Если она в белом халате, со шприцем просто по бульвару пройдёт, все наши старушки и прохожие вмиг на деревьях окажутся, — сказал папа. — Отдайте нашей обезьянке вашу пальму.

В это время бабушка Лариса Леонидовна в поликлинику пришла. Она ждала, ждала Веру и Анфису. Их не было. Она забеспокоилась. И сразу сказала главному врачу:

— Если вы обезьянку заберёте, я тоже у вас останусь. Я без Анфисы жить не могу.

— Вот и хорошо, — говорит главный врач. — Это всё решает. Нам как раз уборщица нужна. Вот вам авторучка, пишите заявление.

Только смотрит — авторучки нет.

— Ничего, — говорит он. — Я сейчас кабинет открою, у меня там есть ещё одна.

Только смотрит — ключа нет. Папа ему объясняет:

— Ничего вы не откроете, ваши ключики-авторучки давно уже у нашей обезьянки за щекой.

Он открыл Анфисе рот и привычным движением оттуда достал авторучку, ключ от кабинета главного врача, ключ от кабинета, где рентген стоит, круглую печать для справок, круглое зеркальце врача ухо-горло-носа и свою зажигалку.

Как врачи все это увидели, они сказали:

— У нас своих неприятностей хватает, чтобы у нас ещё печати пропадали! Забирайте вашу обезьянку с нашей пальмой. Мы себе новую вырастим. У нас главный врач каждый год в Африку ездит по культурному обмену. Он семена привезёт.

Папа и врач-рентгенолог подняли пальму вместе с Анфисой и в коляску её установили. Так пальма в коляске и поехала. Когда мама пальму увидела, она сказала:

— По моим ботаническим сведениям, эта пальма называется Нефролепис широколистный бархатный. И растёт она в основном весной по одному метру в месяц. Скоро она наверх прорастет к соседям. И будет у нас Нефролепис многоэтажный. Станет наша Анфиса по этой пальме по всем квартирам и этажам лазить. Садитесь обедать, селёдочные очистки давно на столе.

История четвёртая

ВЕРА И АНФИСА ИДУТ В ШКОЛУ

Бабушка Лариса Леонидовна совсем с Верой и Анфисой измучилась, пока они в детский сад не ходили. Она говорила:

— Когда я директором школы была, я отдыхала.

Ей приходилось раньше всех вставать, завтрак для малышей готовить, гулять с ними, купать их, в песочнице с ними играть.

Она продолжала:

— У меня вся жизнь была тяжёлая: то разруха, то временные трудности. А сейчас совсем тяжело стало.

Она никогда не знала, что ждать от Веры и Анфисы. Допустим, она суп варит на молоке. А Анфиса на шкафу пол подметает. И суп у бабушки получается мусорный, а не молочный.

— А вчера вот как было. Вчера взялась полы мыть, всё водой залила. Анфиса стала мамины платки примерять. Другого времени у неё не нашлось. Платки на пол побросала, они мокрые стали, в тряпки превратились. Пришлось и платки, и Веру, и Анфису стирать. А силы у меня уже не те. Я лучше на вокзал пойду грузчиком... мешки с капустой таскать.

Мама её успокаивала:

— Ещё один день, и они в садик пойдут. Справка о здоровье у нас есть, нам надо только туфельки и передничек купить.

Наконец туфельки и передничек купили. И папа рано утром Веру с Анфисой торжественно повёл в детский сад. Вернее, это Веру повели, а Анфису в сумке понесли.

Подошли они и видят, что детский сад торжественно закрыт. И надпись висит большая-пребольшая:

«ДЕТСКИЙ САД ЗАКРЫТ НА ПРОРЫВ ТРУБЫ»

Надо бы детей и зверей снова домой вести. Но тогда бабушка из дома убежит. И папа сказал сам себе:

— А возьму-ка я их с собой в школу! И я буду спокоен, и для них развлечение.

Он взял девочку за руку, Анфисе приказал в сумку залезть — и пошёл. Только чувствует, что-то сумка тяжёлая. Оказалось, что Вера в сумку залезла, а Анфиса снаружи идёт, босичком. Папа Веру наружу вытряхнул, а Анфису в сумку засунул. Так удобнее стало.

К школе и другие учителя подошли с детьми, и завхоз Антонов с внуками Антончиками. Они тоже в этот трубопрорывательный детский сад ходили. Детей очень много получилось — десять человек, целый класс. Кругом школьники очень важные ходят или носятся как угорелые. Дети прилипли к своим папам и мамам — не отлепить. А учителям же надо на уроки идти.

Тогда самая старшая учительница Серафима Андреевна сказала:

— Мы всех детей в учительскую комнату отведём. И попросим Петра Сергеевича с ними посидеть. У него уроков нет, а педагог он опытный.

И детей повели в учительскую к Петру Сергеевичу. Это был директор школы. Он был очень опытный педагог. Потому что сразу сказал:

— Караул! Только не это!

Но родители и Серафима Андреевна стали просить:

— Пётр Сергеевич, ну пожалуйста. Всего лишь два часика!

В школе прозвенел звонок, и учителя в свои классы побежали уроки давать. Пётр Сергеевич с малышами остался. Он им сразу игрушки раздал: указки, глобус, коллекцию минералов Поволжья и ещё кое-что. Анфиса заспиртованную лягушку схватила и с ужасом стала рассматривать.

А чтобы малыши не скучали, Пётр Сергеевич начал им сказку рассказывать:

— В одном Министерстве народного образования жила-была баба Яга...

Вера сразу сказала:

— Ой, страшно!

— Пока ещё нет, — сказал директор. — Выписала она себе однажды командировку, села на метлу и полетела в один маленький городок.

Вера снова говорит:

— Ой, страшно!

— Да ничего подобного, — говорит директор. — Она не в наш город полетела, а в другой... В Ярославль... Прилетела она в одну школу, пришла в младшие классы...

— Ой, страшно! — продолжала Вера.

— Да, страшновато, — согласился директор. — И говорит: «Где у вас план внеклассной работы младшекласников?! Давайте его сюда, а то я вас всех съем!»

Вера тут своё лицо сморщила, как косточку персика, чтобы заплакать. Но директор раньше успел:

— Не плачь, девочка, никого она не съела!

— Никого?

— Никого. Все целы остались. Даже директора в этой школе не съела... До чего же вы, детсадовские, чувствительны! Если вас сказки пугают, что с вами правда жизни сделает?!

После этого Пётр Сергеевич детсадовцам книжки раздал и тетрадки. Читайте, смотрите, изучайте, рисуйте.

Анфисе очень интересная книга досталась: «План пионерской работы 6-го „А“». Анфиса читала, читала... Потом ей что-то не понравилось, и она этот план съела.

Потом ей муха не понравилась. Эта муха всё в окно стучалась, хотела разбить. Анфиса схватила указку — и за ней. Муха на лампочку села, Анфиса как по мухе хватить!.. В учительской стало темно. Дети закричали, заволновались. Пётр Сергеевич понял, что пришла пора решительных мер. Он вывел детей из учительской и стал по одному ребёнку в каждый класс запихивать. В классах такая радость началась. Представляете, только учитель сказал: «Сейчас мы с вами напишем диктант», а тут ребёнка в класс запихивают.

Все девочки охают:

— Ой, какой маленький! Ой, какой перепуганненький! Мальчик, мальчик, как тебя звать?

— Маруся.

Учитель говорит:

— Маруся, Маруся, ты чья? Тебя нарочно подбросили или ты заблудилась?

Маруся сама точно не уверена, поэтому начинает нос морщить, чтобы заплакать. Тогда учитель её на руки взял и говорит:

— Вот тебе кусочек мела, рисуй кошечку в углу. А мы будем диктант писать.

Маруся, конечно, начала карябать в углу доски. У неё вместо кошечки получилась табакерка с хвостом. А учитель начал диктовать: «Пришла осень. Все дети сидели в доме. Один кораблик плавал в холодной луже...»

— Обратите внимание, дети, на окончания слов «в доме», «в луже».

И тут Маруся как заплачет.

— Ты чего, девочка?

— Кораблик жалко.

Так и не удалось в четвертом «В» диктант провести.

В пятом «А» география была. И пятому «А» Виталик Елисеев достался. Он не шумел, не кричал. Он очень внимательно всё слушал про вулканы. А потом спросил у учительницы Грищенко-ковой:

— Булкан — он булки делает?

Вера и Анфиса были засунуты учителю Валентину Павловичу Встовскому на урок зоологии. Он четвероклассникам про животный мир средней полосы России рассказывал. Он говорил:

— У нас в лесах Анфисы не водятся. У нас водятся лоси, кабаны, олени. Из умных зверей встречаются бобры. Они живут у маленьких речек и умеют строить плотины и хатки.

Вера очень внимательно слушала и смотрела на картинки зверей по стенам.

Анфиса тоже очень внимательно слушала. А сама думала:

«Какая красивая ручка на шкафу. Как бы её облизнуть?»

Валентин Павлович стал про домашних зверей рассказывать. Он говорил Вере:

— Вера, назови нам домашнее животное.

Вера сразу сказала:

— Слон.

Учитель ей подсказывает:

— Ну почему слон? Слон в Индии бывает домашним животным, а ты назови наше.

Вера молчит и пыхтит. Тогда Валентин Павлович стал ей подсказывать:

— Вот дома у бабушки живёт такой ласковый с усами.

Вера сразу поняла:

— Таракан.

— Да нет, не таракан. А ласковый такой дома у бабушки живет... с усами и хвостом.

Вера тогда всё окончательно сообразила и сказала:

— Дедушка.

Все школьники так и грохнули. Сам Валентин Павлович не удержался и сдержанно улыбнулся.

— Спасибо тебе, Вера, и тебе, Анфиса, спасибо. Вы очень оживили наш урок.

А к Вериному папе на урок арифметики два Антончика были засунуты — внуки завхоза Антонова.

Папа немедленно их в дело пустил.

— Из пункта А в пункт Б идёт пешеход. Вот ты... как тебя зовут?

— Алёша...

— Ты, Алёша, будешь пешеход. А ему навстречу из пункта Б в пункт А идёт грузовик... Как тебя зовут?

— Серёжа Антонов!

— Ты, Серёжа Антонов, будешь грузовик. Ну-ка, как ты тарыхтишь?

Серёжа Антонов тарыхтел прекрасно. Чуть Алёшу не задавил. Ученики мигом задачу решили. Потому что всё стало ясно: как едет грузовик, как идёт пешеход и что встретятся они не в середине пути, а около первой парты. Потому что грузовик идёт быстрее в два раза.

Всё бы хорошо, но тут к школе подъехала комиссия из роно. Приехали люди, которые работу школы проверяют.

Подъехали, а от школы тишина идёт, как пар от утюга. Они сразу насторожились. Это были две тётки и один тихий начальник с портфелем. Одна тётка была длинная, как целых две. А другая низкая и круглая, как целых четыре. У неё лицо было круглое, глаза круглые и все другие части тела были как по циркулю.

Длинная тётка говорит:

— Как же это может быть, чтобы школа была такая тихая? Я за свою длинную жизнь такого не видела.

Тихий начальник предположил:

— Может быть, сейчас эпидемия гриппа происходит? И все школьники дома сидят? Вернее, лежат как один.

— Нет никакой эпидемии, — отвечает круглая тётка. — В этом году грипп вообще отменили. Я в газетах читала. Наши лучшие в мире врачи новое лекарство закупили и всем уколы сделали. Кого укололи, тот пять лет гриппом не болеет.

Тогда длинная тётка подумала:

— Может быть, здесь коллективный прогул и все ребята как один в кино сбежали «Доктора Айболита» смотреть? А может быть, учителя на уроки с дубинками ходят, всех учеников запугали и дети сидят тихие как мышки?

— Надо пойти и посмотреть, — сказал начальник. — Ясно одно: если в школе такая тишина, значит, в школе непорядок.

Вошли они в школу и в первый попавшийся класс засунулись. Смотрят, там ребята Борю Голдовского окружили и воспитывают:

— Ты почему, мальчик, такой неумытый?

— Я шоколад ел.

— Ты почему, мальчик, такой пыльный?

— Я на шкаф залезал.

— Ты почему, мальчик, такой липкий?

— Я на бутылке с клеем сидел.

— Давай, мальчик, мы тебя в порядок приведём. Умоем, причешем, курточку отчистим.

Комиссия в лице длинной тёти спрашивает:

— А почему это у вас на уроке посторонний?

Учительница в этом классе была Верина мама. Она говорит:

— Это не посторонний. Это — учебное пособие. У нас сейчас внеклассное занятие происходит. Урок труда.

Комиссия в этот раз в лице круглой тёти снова спрашивает:

— Какое такое внеклассное занятие? Как оно называется?

Верина мама, Наталья Алексеевна, говорит:

— Называется оно «Уход за младшим братом».

Комиссия сразу забуксовала, затихла. А тихий начальник спрашивает:

— И что этот урок по всей школе идет?

— Конечно. У нас даже лозунг есть, типа призыва: «Уход

за младшим братом полезен всем ребятам!»

Комиссия окончательно успокоилась. Тихо-тихо так на цыпочках к директору в учительскую пришла.

В учительской тишина и благодать. Учебные пособия лежат везде как положено. А директор сидит и ведомости на учеников заполняет.

Тихий начальник сказал:

— Мы вас поздравляем. Это вы здорово придумали с младшим братом. Мы теперь такое движение по всем школам начнём.

А длинная тётя сказала:

— С младшим братом — это всё прекрасно. А как у вас дела с внеклассной работой обстоят? Дайте мне скорее «План внеклассной работы младшекласников».

Пётр Сергеевич своё лицо сморщил, как косточку персика.

История пятая

ВЕРА И АНФИСА ЗАБЛУДИЛИСЬ

У папы и мамы Веры и у их бабушки была очень хорошая квартира — три комнаты и кухня. И бабушка всё время эти комнаты подметала. Она одну комнату подметёт, всё по местам расставит, а Вера с Анфисой уже в другой беспорядок наведут. Игрушки раскидают, мебель перевернут.

Хорошо было, когда Вера и Анфиса рисовали. Только у Анфисы привычка была — схватить карандаш и начать рисовать на потолке, сидя на люстре. У неё такие каляки получались — залюбуешься. После каждого сеанса хоть заново потолок бели. Поэтому бабушка со щёткой и зубной пастой после её уроков рисования со стремянки не слезала.

Тогда придумали карандаш для Анфисы на верёвочку привязывать к столу. Она очень быстро научилась верёвочку перекусывать. Верёвочку на цепочку заменили. Дело лучше пошло. Максимум вреда был в том, что Анфиса карандаш съедала и рот себе в разные цвета окрашивала: то в красный, то в зелёный, то в оранжевый. Как улыбнётся она такой разноцветной пастью, сразу кажется, что она не обезьянка, а инопланетянка.

Но всё равно Анфису все очень любили... Даже непонятно почему. Однажды бабушка говорит:

— Вера и Анфиса, вы уже большие! Нате вам рубль, идите в булочную. Купите хлеба — половину буханки и целый батон.

Вера очень обрадовалась, что ей дали такое важное поручение, и запрыгала от радости. Анфиса тоже запрыгала, потому что Вера запрыгала.

— У меня мелочь есть, — сказала бабушка. — Вот вам двадцать две копейки на батон и шестнадцать на буханку чёрного.

Вера батонные деньги взяла в одну руку, а буханочные в другую и пошла. Очень она боялась их перепутать.

В булочной Вера стала думать, какой батон взять — простой или с изюмом. А Анфиса сразу схватила два батона, а потом стала думать: «Ой, какие удобные! Кого бы ими треснуть по башке?»

Вера говорит:

— Нельзя хлеб руками трогать и размахивать им. Хлеб надо уважать. А ну, положи на место!

А Анфиса не помнит, где она их взяла. Вера сама тогда их на место положила и дальше думает, как ей быть, — бабушка ей про изюм ничего не говорила.

Кассирша на секунду отошла. Тут Анфиса как прыгнет на её место, как начнёт всем чеки выдавать километрами.

Люди смотрят на неё и не узнают:

— Посмотрите, как наша Мария Ивановна высохла! До чего же у кассирш в торговле работа трудная!

Вера увидела Анфису за кассой и из магазина её срочно вывела:

— Не умеешь ты себя вести как человек. Посиди здесь наказанная.

И прицепила её лапку к поручню у витрины. А к этому поручню собака была привязана неизвестной породы. Вернее, всех пород вместе. Анфиса и давай перед этой собакой выдрючиваться.

Из магазина кошка вышла. А собака всеми своими породами кошек терпеть не могла. Мало того, что кошка шла, да она еще такая важ-

ная, будто она — директор магазина или начальник главка по торговле сосисками.

Она глаза прищурила и так на собаку посмотрела, будто это не собака была, а так, принадлежность какая, пенёк или чучело.

Собака не выдержала, за сердце схватилась от такой пренебрежительности и как рванёт за кошкой! Даже поручень от магазина оторвала. А за поручень Анфиса держалась, а за Анфису Вера ухватилась. И все они вместе бегут.

Вообще-то, Вера с Анфисой никуда бежать не собирались, просто так вышло.

Вот мчится по улице процессия — впереди кошка, уже не такая прищуренная и важная, за ней собака всех пород, за ней поводок, потом поручень, за который Анфиса держится, а за Анфисой Вера бежит, еле поспевает со своими батонами в авоське.

Бежит Вера и боится своей авоськой какую-нибудь бабушку зацепить. Бабушку она не зацепила, а один школьник средних классов ей под горячую авоську попался.

И он тоже за ними побежал как-то боком, хотя никуда бежать не собирался.

Вдруг кошка увидела перед собой забор, а в заборе дырку для куриц. Кошка туда юрк! Собака с поручнем за ней, а Вера с Анфисой в дырку не влезли, они о забор стукнулись и остановились.

Среднеклассник от них отцепился и, ворча что-то среднеклассное, ушёл, уроки делать. А Вера и Анфиса одни остались посреди большого города.

Вера думает: «Хорошо, что у нас хлеб с собой. Мы сразу не погибнем».

И пошли они куда глаза глядят. А глаза у них глядели в основном на качели и разные плакаты на стенах.

Вот идут они себе, не торопятся, взявшись за руки, город рассматривают. А самим немного страшно: где дом? Где папа? Где мама? Где бабушка с обедом? Никому неизвестно. И Вера начинает немного поплакивать и повсхлипывать.

И тут к ним милиционер подошёл:

— Здравствуйте, юные граждане! Куда это вы идёте?

Вера ему отвечает:

— Мы идём во все стороны.

— А откуда вы идёте? — спрашивает милиционер.

— Мы идём из булочной, — говорит Вера, а Анфиса на батон в авоське показывает.

— Но вы хоть свой адрес знаете?

— Конечно, знаем. — Какая ваша улица?

Вера задумалась, а потом говорит:

— Первомайская улица имени Первого мая на Октябрьском шоссе.

— Понятно, — говорит милиционер, — а дом какой?

— Кирпичный, — говорит Вера, — со всеми удобствами.

Милиционер задумался, а потом говорит:

— Я знаю, где ваш дом искать. Такие мягкие батоны только в одной булочной продают. В Филипповской. Это на Октябрьском шоссе. Пошли туда, а там видно будет.

Он взял свой радиопередатчик в руки и сказал:

— Алло, дежурный, я тут двух детей нашёл в городе. Поведу их домой. Я временно свою будку покину. Пришли кого-нибудь вместо меня.

Дежурный ему ответил:

— Не буду я никого присылать. У меня полдивизии на картошке. Никто твою будку не утащит. Пусть так постоит.

И пошли они по городу. Милиционер спрашивает:

— Ты, девочка, читать умеешь?

— Умею, — говорит Вера.

— Что здесь написано? — он показал на один плакат на стене.

Вера прочитала:

«Для младших школьников! „Густоперченный мальчик“».

А этот мальчик был не густоперченный, а гуттаперчевый, резиновый значит.

— А ты не младшая школьница? — спросил милиционер.

— Нет, я в садик хожу. Я всадница. И Анфиса всадница.

Вдруг Вера закричала:

— Ой, это же наш дом! Мы уже давно пришли!

Они поднялись на третий этаж и встали у двери.

— Сколько раз звонить? — спрашивает милиционер.

— Мы до звонка не достаём, — говорит Вера. — Мы ногами стучим.

Милиционер ногами постучал. Бабушка выглянула и как испугается:

— Их уже арестовали! Что они такое натворили?

— Нет, бабуся, они ничего не натворили. Они заблудились. Получите и распишитесь. А я пошёл.

— Нет уж, нет уж! — сказала бабушка. — Какой невежливый! У меня суп на столе. Садитесь с нами есть. И чай пить.

Милиционер даже растерялся. Он был совсем новенький. Им в милицейской школе ничего об этом не рассказывали. Их учили, что с преступниками делать: как их брать, куда сдавать. А про суп и про чай с бабушками ничего не говорили.

Он всё-таки остался и сидел как на иголках, и всё свою рацию слушал. А по рации все время говорили:

— Внимание! Внимание! Всем постам! На загородном шоссе автобус с пенсионерами съехал в кювет. Пришлите грузовик-тягач.

— Ещё внимание. Свободную машину просят подъехать на улицу писателя Чехова. Там две старушки несли чемодан и сели на проезжей части.

Бабушка говорит:

— Ой, какие у вас интересные радиопередачи. Интереснее, чем по телевизору и по «Маяку».

А радио опять сообщает:

— Внимание! Внимание! Внимание! Грузовик-тягач отменяется. Пенсионеры сами вытащили автобус из кювета. И с бабушками всё в порядке. Проходивший отряд школьников отнёс чемоданы и бабушек на вокзал. Всё в порядке.

Тут все вспомнили, что Анфисы давно нет. Глядят, а она перед зеркалом крутится, милицейскую фуражку примеряет.

В это время радио говорит:

— Милиционер Матвеев! Чем вы заняты? Вы на посту?

Наш милиционер вытянулся и говорит:

— Я всегда на посту! Сейчас второе доем и к своей будке направляюсь.

— Второе будете дома доедать! — сказал ему дежурный. — Немедленно возвращайтесь на пост. Сейчас мимо американская делегация поедет. Надо им дать зелёную улицу.

— Намёк понял! — сказал наш милиционер.

— Это не намёк! Это приказ! — сурово ответил дежурный.

И милиционер Матвеев пошёл на свой пост.

С тех пор Вера свой адрес наизусть выучила: Первомайский переулок, дом 8. Рядом с Октябрьским шоссе.

История шестая

КАК ВЕРА И АНФИСА СЛУЖИЛИ УЧЕБНЫМ ПОСОБИЕМ

Никогда в доме не скучали. Анфиса всем работу задавала. То в холодильник залезет и вылезет оттуда вся в инее. Бабушка кричит:

— Белый чёртик из холодильника!

То в шкаф с одеждой заберётся и выйдет оттуда в новом наряде: пиджак удлинённый до земли, шарф на босу ногу, шляпа вязанная в форме женского носка, а сверху над всем этим лифчик укороченный в виде пояса.

Как она выберется из шкафа в этом наряде, как пройдёт по ковру с видом европейской манекенщицы, виляя всеми лапками, — хоть стой, хоть падай! А порядок в шкафу надо целый час наводить.

Поэтому Веру и Анфису при первой возможности на улицу выставляли. Очень часто с ними папа гулял.

Однажды гулял папа с Верой и Анфисой в детском парке. С ними гулял папин товарищ — учитель зоологии Встовский Валентин Павлович. И гуляла его дочка Олечка.

Папы беседовали, как два английских лорда, а дети скакали в разные стороны. Потом Анфиса взяла обоих пап за руки и стала на папах, как на качелях, качаться.

Впереди шёл продавец с воздушными шарами. Анфиса как раскачается, как схватится за шары! Продавец испугался и шары бросил. Анфису понесло на шарах по аллее. Еле-еле папы её догнали и от шаров отцепили. А три лопнутых шара у продавца

пришлось купить. Очень обидно покупать лопнутые шары. Зато продавец почти не ругался.

Тут Валентин Павлович говорит папе:

— Знаете что, Владимир Фёдорович, дайте мне, пожалуйста, Веру и Анфису на один урок. Я хочу лекцию для шестиклассников устроить о происхождении человека.

Папа на это отвечает:

— Анфису я тебе дам, а дочку ты свою возьми. У тебя такая же.

— И вовсе не такая, — говорит Встовский. — Моя совсем от обезьянки не отличается. Видишь, они обе на ветке вниз головой висят. А твоя Вера — девочка строгая. Сразу видно, что она умнее обезьянки. И будет большая польза для науки.

Папа ради этой пользы согласился. Только спросил:

— А какая будет лекция?

— Вот такая. В наш город бананы завезли. Я на стол банан положу, Анфиса его сразу схватит, а Вера будет спокойно сидеть. Я скажу ребятам: «Видите, чем человек от обезьяны отличается? Он думает, и думает не только о бананах, но и о том, как себя вести, — ведь кругом люди».

— Убедительный пример, — сказал папа.

А в город действительно завезли бананы, второй раз за эту пятилетку.

Это был просто праздник для города.

И действительно, все люди в городе покупали бананы. Кто в авоську, кто в полиэтиленовый мешок, кто просто в карманы.

И все люди приходили в дом к Вериным родителям и говорили: «Нам эти бананы не очень нужны, а ваша Анфиса без них пропадёт. Она по бананам скучает, как мы по солёным огурцам».

— Ешь, ешь, девочка... то есть зверюшка!

Папа укладывал бананы в холодильник, мама варила из них варенье, а бабушка Лариса Леонидовна сушила их над плитой, как грибы.

А когда Вера тянула руки к бананам, ей строго говорили:

— Это не тебе, это Анфисе принесли. Ты без бананов можешь, а она не очень.

Анфиса буквально была набита бананами. И спать она легла с бананом во рту и с бананом в каждой лапе.

А утром их на лекцию повели.

В классе был нарядный учитель Встовский и целых два класса шестиклассников. На стене висели всякие плакаты на тему: «Есть ли жизнь на Земле, и откуда она взялась».

Это были плакаты нашей раскалённой планеты, потом остывшей планеты, потом планеты, покрытой океаном. Потом были рисунки всякой морской микрожизни, первых рыб, чудовищ, выползающих на сушу, птеродактилей, динозавров и других представителей древнего зооуголка Земли. Короче, это была целая поэма о жизни.

Учитель Валентин Павлович посадил Веру и Анфису за свой стол и начал лекцию.

— Ребята! Перед вами сидят два существа. Человек и обезьяна. Сейчас мы эксперимент проведём. Чтобы увидеть разницу между человеком и обезьяной. Вот я достаю из портфеля и кладу на стол банан. Смотрите, что будет.

Он достал банан и на стол положил. И тут наступил щекотливый момент. Обезьянка Анфиса от банана отвернулась, а Вера — цап его!

Учитель Встовский был потрясён. Он никак не ожидал от Веры такого поступка. Но заготовленный вопрос у него с губ сорвался:

— Чем, ребята, человек от обезьяны отличается?

Ребята сразу закричали:

— Человек соображает быстрее!

Учитель Встовский сел на переднюю парту лицом к доске и за голову схватился. Караул! Но в этот момент Вера очистила банан и кусочек Анфисе протянула. Учитель сразу воскрес:

— Нет, ребята, не тем человек от обезьянки отличается, что думает быстрее, а тем, что он о других думает. О других заботится, о друзьях, о товарищах. Человек — существо коллективное.

Он повернулся к классу:

— Ну-ка, посмотрим все на плакаты! Скажите, на кого похож питекантроп?

Ребята сразу закричали:

— На завхоза Антонова!

— Нет. Он похож на человека. У него уже в руках топор. А топор — это уже средство коллективного труда. Им деревья рубят

для дома, сучья для костра. Люди у костра все вместе греются, песни поют. Учёные говорят, что человека создал труд. Они ошибаются. Человека создал коллектив!

Школьники даже рты пооткрывали. Ничего себе — их школьный учитель больше учёных знает!

А первобытные люди смотрят на шестиклассников и, кажется, им сами о себе рассказывают.

— Итак, в чём разница между человеком и обезьяной? — спросил учитель Встовский.

В классе был самый бестолковый мальчик, но самый шустрый, Вася Ермолович. Он кричит:

— Обезьяна в зоопарке сидит, а человек в зоопарк ходит!

Учитель Встовский огорчился. И дальше спросил:

— Есть другие мнения?

— Есть! — закричал твёрдый троечник Паша Гутионтов. — Человека воспитывает коллектив, а обезьяну — природа.

— Молодец! — успокоился учитель Встовский. Если твёрдый троечник усвоил материал, другие обязательно усвоят или потом, попозже поймут.

— Спасибо вам, Вера и Анфиса!

И класс завалил Веру и Анфису подарками: зажигалками, жвачками, шариковыми ручками, пистолетом с присосками, ластиками, пеналами, стеклянными шариками, лампочками, гайкой, подшипником и другими штучками.

Вера и Анфиса домой важные-преважные пришли. Ещё бы: из-за них целую лекцию читали! Они от этой важности про всякие безобразия забыли и целый день до вечера себя хорошо вели. А потом опять началось! Спали они в шкафу.

История седьмая

ВЕРА И АНФИСА ТУШАТ ПОЖАР (НО СНАЧАЛА ОНИ ЕГО УСТРАИВАЮТ)

Папа и мама по субботам работали в школе. Потому что школьники, бедные, по субботам учатся... А детский сад по субботам не работал. Поэтому Вера с Анфисой дома с бабушкой сидели.

Они очень любили по субботам дома сидеть с бабушкой. Сидела в основном бабушка, а они всё время прыгали и лазили. И ещё они любили телевизор смотреть. И играть в то, что по телевизору показывают.

Например, сидит бабушка и спит перед телевизором, а Вера и Анфиса её скотчем к стулу прибинтовывают. Значит, фильм идёт про шпионскую жизнь.

Если Анфиса на шкафу сидит, а Вера от неё веником из-под кровати отстреливается, значит, фильм про войну показывают. А если Вера с Анфисой танец маленьких лебедей танцуют, ясно, что идёт концерт художественной самодеятельности.

Однажды в субботу очень интересная передача была: «Прячьте спички от детей». Передача про пожары.

Анфиса как начало передачи увидела, пошла на кухню и спички нашла, и за щёку сразу засунула.

Спички мокрыми стали, никакой пожар ими уже не сделаешь. Ими даже газ зажечь нельзя. За промокание спичек может от бабушки влететь.

Вера говорит:

— Будем сушить.

Она взяла утюг электрический и стала по спичкам водить. Спички высохли, загорелись и задымились. Бабушка проснулась перед телевизором. Видит, в телевизоре пожар, а дымом в доме пахнет. Она подумала: «Вот до чего техника дошла! По телевизору не только цвет передают, но и запах».

Огонь разрастался. В доме совсем жарко стало. Бабушка снова проснулась:

— Ой, — говорит, — уже и температуру передают!

А Вера и Анфиса от испуга под кровать спрятались. Бабушка на кухню побежала, стала кастрюлями воду носить. Очень много воды вылила — три кастрюли, а пожар не стихает. Бабушка стала папе в школу звонить:

— Ой, у нас пожар!

Папа ей отвечает:

— У нас тоже пожар. Три комиссии понаехало. Из области, из района и из центра. Успеваемость и посещаемость проверяют.

Бабушка тогда стала вещи в подъезд выносить — ложки, чайники, чашки.

Тогда Вера из-под кровати вылезла и позвонила в пожарную команду по телефону 01. И говорит: — Дяди пожарные, у нас пожар.

— А где ты, девочка, живёшь?

Вера отвечает:

— Первомайский переулок, дом 8. Рядом с Октябрьским шоссе. Хыстой микрорайон.

Пожарный у товарища спрашивает:

— Хыстой микрорайон, это какой?

— Это восемнадцатый, — отвечает тот. — Других у нас нет.

— Девочка, жди нас, — сказал пожарный. — Выезжаем!

Пожарные запели свою противопожарную песню-гимн и бросились в машину.

А в доме стало совсем жарко. Уже занавески загорелись. Бабушка Веру за руку взяла и из квартиры тащит. А Вера упирается:

— Без Анфисы не пойду!

А Анфиса бежит в ванну, набирает воду в рот и на огонь прыскает.

Пришлось Анфисе цепочку показать. Она этой цепочки больше огня боялась. Потому что когда сильно хулиганила, её на эту цепочку на целый день привязывали.

Тогда Анфиса присмирела, и они с Верой стали в подъезде на подоконнике сидеть.

Бабушка всё в квартиру забегает. Войдет, возьмет ценную вещь — кастрюлю там или половник — и в подъезд выбегает.

А тут лестница пожарная к окну подъехала. Пожарный в противогазе окно растворил и на кухню со шлангом влез.

Бабушка сгоряча подумала, что это нечистая сила, и как стукнет его сковородкой. Хорошо, что противогазы со знаком качества делают, а сковородки старым методом, без госприёмки. Сковорода и развалилась.

А пожарный бабушку из шланга немного водой полил, чтобы успокоить, чтобы она не была такой горячей. И стал пожар тушить. Он быстро потушил.

Как раз в это время мама с папой домой из школы возвращаются. Мама говорит:

— Ой, кажется, в нашем доме у кого-то пожар! У кого это?

— Да это же у нас! — закричал папа. — Мне же бабушка звонила!

Он скорее вперёд побежал.

— Как здесь моя Вера? Как здесь моя Анфиса? Как здесь моя бабушка?

Славу богу, все были целы.

С тех пор папа спички от Веры, Анфисы и бабушки под замок прятал. А пожарной команде в книгу благодарностей благодарность написал в стихах:

Наши пожарные
Самые поджарые!
Самые стройные!
Самые достойные!
Лучший в мире пожарный рашен,
Ему любой пожар не страшен!

История восьмая

ВЕРА И АНФИСА ОТКРЫВАЮТ СТАРИННУЮ ДВЕРЬ

Каждый вечер папа и Лариса Леонидовна садились с Анфисой за стол и смотрели, что у неё за день накопилось в защёчных мешках.

Чего только там не было! И тебе часы ручные, и тебе пузырьки-флакончики, и однажды — даже свисток милицейский.

Папа сказал:

— А где сам милиционер?

— Он, наверное, не влез, — ответила мама.

Однажды папа с бабушкой смотрят, а из Анфисы большой старинный ключ торчит. Он медный и во рту не помещается. Просто как от таинственной старинной двери из сказки.

Папа посмотрел и говорит:

— Вот бы дверь найти к этому ключу. Там за ней, наверное, старинный клад с монетами.

— Нет, — сказала мама. — Там за этой дверью — платья старинные, зеркала красивые и украшения.

Вера подумала: «Хорошо бы за этой дверью тигрята были живые старинные или щенки сидели. Вот бы мы стали весело жить!»

Бабушка сказала маме и папе:

— Как бы не так. Я уверена, что за этой дверью телогрейки старые и тараканов сушёных мешок.

Если бы Анфису спросили, что за этой дверью, она бы сказала:

— Кокосовых орехов пять мешков.

— А ещё что?

— И ещё один мешок.

Папа долго думал и решил:

— Раз есть ключ, должна быть и дверь.

Он даже в школе такое объявление повесил в учительской комнате:

«Кто найдёт дверь от этого ключа, тому половина того, что за этой дверью».

Внизу под объявлением он ключ на верёвочке повесил. И все учителя объявление читали и вспоминали: не встречалась ли им где-нибудь эта самая дверь?

Пришла уборщица Мария Михайловна и говорит:

— Мне и всего, что за этой дверью стоит, даже даром не надо.

Учителя прислушались:

— А что же там такое стоит?

— Там скелеты стоят. И ерунда остальная.

— Какие скелеты? — заинтересовался учитель зоологии Валентин Павлович. — Я два раза скелеты выписывал, а мне всё не дают. Приходится строение человека на себе показывать. А у меня все пропорции неправильные.

Другие учителя прислушались. Верин папа тоже спрашивает:

— Мария Михайловна, а что это за ерунда остальная?

— Да так, — отвечает Мария Михайловна. — Глобусы какие-то, какие-то стрекоталки с ручками. Ничего интересного, ни одной метелки нет или тряпки для пола.

Тогда составила инициативная группа учителей. Они взяли ключ и говорят:

— Показывайте, Мария Михайловна, нам эту заветную дверь.

— Пошли, — говорит Мария Михайловна.

И она повела их в старое хозяйственное здание, где раньше спортзал был в царской гимназии. Там лестница шла вниз в котельную. А вверх она вела в старую обсерваторию. И под лестницей дверь старинная.

— Вот ваша дверь, — говорит Мария Михайловна.

Как дверь открыли — так все-и ахнули. Чего там только нет! И два скелета стоят, руками колышат. И чучело глухаря огромное, совсем неношеное. И какие-то приборы со стрелками. И даже три мяча футбольных.

Учителя закричали и запрыгали. Учительница физики, мамина подруга, молодая Лена Егорычева, всех даже обнимать стала:

— Смотрите, здесь машина для получения электростатического электричества! Да здесь вольтметров целых четыре штуки. А мы на уроках по старинке электричество на язык пробуем.

Валентин Павлович Встовский со скелетом даже вальс заплясал:

— Вот это скелеты. Со знаком качества! Один даже дореволюционный. Вот написано: «СКЕЛЕТЪ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ. Поставщикъ Его Величества Двора Семижновъ В. П.»

— Интересно, — говорит папа, — он двору скелеты поставлял или это скелет поставщика, когда он отпоставлялся уже?

Все стали думать над этой загадочной тайной.

И тут завхоз Антонов прибежал взволнованный. Он кричит:

— Не позволю! Это добро школьное, народное. Значит — ничьё.

Учителя заспорили с ним:

— Как это ничьё, если оно народное. Если оно народное, значит, оно наше.

— Если бы оно ваше было, оно бы давно износилось бы и испортилось. А здесь оно в полной сохранности ещё сто лет простоит.

Учителя его упрасивают всё это по кабинетам раздать. А он категорически против:

— Я сам завхоз, мой папа завхозом был, и дед мой школьным завхозом был ещё при гимназии. И мы все это копили.

Тут папа подошёл к нему, обнял и говорит:

— Дорогой ты наш Антонов Митрофан Митрофанович! Мы же не для себя просим, для ребят. Они станут лучше учиться, лучше себя вести. Пойдут в науку. Из них вырастут новые учёные, инженеры, крупные завхозы. Мы даже попросим вас на уроках труда им завхозность преподавать.

Завхоза Антонова давно уже никто не называл Митрофаном Митрофановичем, все его звали просто: «Куда это наш завхоз Антонов запропастился?» А когда он представил, как он будет завхозность преподавать, он вообще растаял:

— Ладно, берите всё. Для хороших людей ничего не жалко. Только берегите школьное добро!

Учителя пошли в разные стороны, кто с чем: кто со скелетом, кто с динамо-машиной для электростатического электричества, кто с глобусом размером метр на метр.

Митрофан Митрофанович к Вериному папе подошёл и говорит:

— А это для вас личный подарок. Большое беличье колесо. Когда-то при школе медвежонок жил, он в этом колесе кувыр-кался. Это колесо мой дедушка спаял. Пусть ваша Анфиса в нём крутится.

Папа очень благодарил Митрофана Митрофановича. А колесо домой отвез на школьной тележке. И первым делом в колесо, конечно, Вера залезла, а потом уже Анфиса.

С тех пор Вериной бабушке легче жить стало. Потому что Вера с Анфисой с колеса не слезали. То Вера внутри крутится, Анфиса поверху бежит. То наоборот, Анфиса внутри кривыми лапками перебирает, а Вера поверху семенит. А то обе они внутри болтаются, только прутья скрипят.

Когда Валентин Павлович Встовский к папе пришёл, он посмотрел на всё это и сказал:

— Жаль, что у меня в детстве такой штуки не было. Я бы тогда в пять раз спортивнее был. И все пропорции у меня были бы правильными.

История девятая

ТРУДОВОЙ ДЕНЬ В ДЕТСКОМ САДУ

Раньше Вера не любила ходить в детский сад. Она каждый раз писк устраивала:

— Папа, папочка, я лучше дома посижу. У меня так голова болит, что ноги не сгибаются!

— Чем же ты у нас больна, девочка?

— Присмертью.

— Вот в детском саду всё и пройдёт, вся присмерть твоя.

И верно, присмерть проходила, как только Вера в садик входила. И ноги у неё сгибались, и голова проходила. Самое трудное было до детского сада дойти.

А как Анфиса в доме появилась, Вера в садик легко ходить стала. И просыпаться стала легко, и про свою присмерть забыла, и из детского сада её забрать было почти невозможно.

— Ой, папочка, я ещё часика два поиграю!

И всё потому, что в саду была очень хорошая воспитательница Елизавета Николаевна. Она каждый день что-нибудь придумывала.

Сегодня она сказала детям:

— Ребята, у нас с вами сегодня очень трудный день. У нас сегодня будет трудовое воспитание. Мы будем с места на место кирпичи переносить. Вы умеете переносить кирпичи?

Вера спросила:

— А где у нас кирпичи?

— Ах да! — согласилась воспитательница. — Про кирпичи мы и забыли. Пусть у нас Анфиса будет кирпичом. Мы её будем

переносить. Ты, Анфиса, будешь у нас учебное пособие. То есть кирпичное пособие. Согласна?

Анфиса не понимает, что такое кирпичи, что такое учебное пособие. Но раз её спрашивают, она всегда говорит: «Угу».

— Итак, кирпичи можно переносить на носилках, можно перевозить на тачке. Дети, Виталик, возьмите маленькие носилочки и вместе с Верой перенесите Анфису. Дети так и сделали. Однако Анфиса была не совсем кирпичи. Воспитательница едва успела ей сделать замечание:

— Кирпичи, кирпичи, не скачите на носилках! Кирпичи, кирпичи, зачем вы взяли у Виталика шапочку. Кирпичи, кирпичи, вы должны лежать спокойно. Вот тебе раз! Кирпичи у нас на дереве сидят. Так, а теперь оставим кирпичи в покое, будем заниматься учебной краской здания. Прошу всех взять в руки кисти.

Воспитательница раздала всем кисти и ведра с краской.

— Внимание, дети! Это учебная краска. То есть обыкновенная вода. Будем учиться на маляра. Опустили кисть в краску и водим кистью по стене. Анфиса, Анфиса, тебе ведра не давали. Чем ты красишь забор?

Виталик Елисеев сказал:

— Елизавета Николаевна, она забор компотом красит.

— А где она его взяла?

— Его на окно в кастрюле выставили остывать.

— Караул! — закричала воспитательница. — Анфиса оставила детский сад без компота! Будем учиться обходиться без сладкого. А сейчас мы займёмся воспитанием Анфисы. Разберём её поведение, разберём её персональное дело.

Но персональное дело разобрать не удалось, потому что прилетели пчёлы.

— Караул! — закричала Елизавета Николаевна. — Пчёлы! Целый улей! Они прилетели на компот. Проводим учебное занятие — спасение от пчёл в походных условиях. От пчёл лучше всего спастись нырянием в бассейн. Бежим в бассейн и все как один ныряем.

Ребята побежали в бассейн все как один. Только Анфиса не побежала. Она этого бассейна ещё с прошлого раза боялась.

Пчёлы её немного покусали. У неё всю мордочку раздуло. Анфиса от пчёл в шкаф залезла. Сидит в шкафу и плачет.

Тут папа пришёл. И Елизавета Николаевна с мокрыми малышами вернулась. Папа спросил:

— Что это у вас? Дождик шёл?

— Да, кусачий дождик из пчёл.

— А почему у вас стали пчёлы летать?

— А потому, что у нас кое-кто компотом здания красит.

— Кто же это у вас компотом здания красит?

— Да одна ваша хорошая знакомая, такая загадочная дама-гражданка по имени Анфиса.

— А где же та загадочная дама-гражданка находится? — спросил папа.

— Скорее всего, она в шкафу сидит. Именно там и находится.

Папа шкаф открыл и видит: Анфиса сидит и хнычет.

— Ой, — говорит папа, — какая она толстенькая стала!

— Нет, она не толстенькая, — отвечает воспитательница. — Она пчелоукушенная.

— Я и не знаю, что делать, — говорит папа. — Может, её в зоопарк отдать?

Тут все дети как заплачут. Воспитательница говорит:

— Не плачьте, дети, вы и так мокрые.

Потом она говорит папе:

— Насколько я понимаю, наш детский сад с Анфисой не расстанется. Если она в зоопарк, то и мы в зоопарк. Дети, вы хотите в зоопарк?

— Хотим! — закричали дети.

— К слонам и удавам?

— Да.

— К бегемотам и крокодилам?

— Да.

— К лягушкам и кобрам?

— Да.

— Вы хотите, чтобы они вас съели, забодали, покусали?

— Хотим.

— Это очень хорошо. Но чтобы попасть в зоопарк, надо себя хорошо вести. Надо уметь мыть полы, убирать свою кровать, мыть чашки и ложки. Итак, приступаем к уборке пола.

— Ну что, ребята, — сказал папа Вере и Анфисе, — пойдём домой.

— Что ты, папа, — сказала в ответ Вера. — Сейчас только самое интересное начинается. Мы полы мыть будем.

История десятая

ВЕРА И АНФИСА ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ В СПЕКТАКЛЕ «ТРИ МУШКЕТЁРА»

В каждой школе бывает Новый год. И в школе, где работали Верины папа и мама, он тоже приближался.

Решили учителя этой школы подарок для ребят сделать — приготовить для них спектакль по книге писателя Дюма «Три мушкетёра».

Папа, конечно, главную роль играл — мушкетёра Д'Артаньяна. Он сам себе в производственных мастерских школы отковал шпагу. Бабушка Лариса сшила ему красивый мушкетёрский плащ с белым крестом на спине. Из трёх старых шляп он себе сделал одну, но очень красивую, со страусиновыми перьями из петуха.

В общем, папа стал мушкетёр что надо.

Учитель зоологии Валентин Павлович Встовский играл герцога Рошфора — такую тёмную неприятную личность, находящуюся на службе у кардинала Ришелье. А Ришелье играл завуч старших классов Павлёнок Борис Борисович.

Папа и Встовский целыми днями кричали друг другу: «Вашу шпагу, несчастный!» — и на шпагах сражались. Они так хорошо сражались, что два стекла в спортзале выбили и один стул в зрительном зале практически превратили в порошок. Завхоз Антонов, несмотря на всю свою любовь к папе и к искусству, минут пять ругался и сердился. А потом сказал:

— Стёкла я ещё вставлю. А стул склеить практически невозможно. Но попробовать надо.

Он стул в пакетик ссыпал
и домой унёс пробовать. Так
он школьную мебель любил.

Мама, конечно, королеву
Франции играла. Во-первых,
она очень красивая была. Во-
вторых, французский язык
прекрасно знала. В-третьих, у
неё платье красивое осталось
с тех пор, когда она невестою
была. Платье белое со звёзда-
ми. В таких только королевы
ходят, и то не на работу, а по
праздникам.

Королём Франции, конечно,
единогласно выбрали директо-
ра школы Петра Сергеевича
Окунькова. Он и представи-
тельный был, и строгий, как
настоящий король. А в другого
короля школьники просто бы
не поверили.

Всём учителям хорошие ро-
ли достались. Все после уроков
репетировали и репетировали.
Иногда мама с папой с собой
Веру и Анфису брали. Они в
углу сцены под роялем сидели.
Вера всё, замерев, слушала, а
Анфиса некоторых участников
пыталась за ногу схватить.

И иногда несоответствия
получались. Например, король
Франции Пётр Сергеевич
Окуньков говорит королевским
голосом:

— Где мой верный министр двора маркиз де Бурвиль?
Ему придворные в печали отвечают:

— Нет его. Отравленный вражеской котлетой, он ушёл на тот свет еще неделю назад. А в этот момент маркиз де Бурвиль, он же завхоз Митрофан Митрофанович Антонов, во всём своём маркизском облачении из старого школьного бархатного занавеса вдруг во весь рост шлёпается к ногам короля. Потому что он около рояля ходил, а Анфиса его за сапог схватила.

— Значит, плохо его отравили, — говорит строгий король Людовик Шестнадцатый, — если он пытается нам королевский совет сорвать своим неуклюжим падением. Увести его и отравить как следует!

Антонов потом на Анфиску ругается:

— Уберите этот зооуголок к бабушке. Сил нет его в школе терпеть.

— Мы бы убрали, — говорит мама, — но у бабушки нет сил этот уголок дома терпеть. Этот уголок нам чуть дом не спалил. Когда он здесь, нам спокойнее.

Но больше всего Анфису королевские подвески интересовали. Если помните, в «Трёх мушкетёрах» французский король королеве драгоценные подвески подарил на день рождения. Очень красивые подвески из бриллиантов. А королева была легкомысленной. Вместо того чтобы всё в дом, всё в дом, она эти подвески подарила одному герцогу Бекингемскому из Англии. Очень ей этот герцог нравился. А с королём у неё были прохладные отношения. А вредный и коварный герцог Ришелье — помните, Павлёнок Борис Борисович — всё королю рассказывал. И говорит:

— Спросите-ка, ваше величество, у королевы: «А где мои подвески?» Интересно, что она вам скажет. Сказать-то ей и нечего.

После этого и начиналось самое главное. Королева отвечает, что подвески в ремонте, ничего, мол, страшного. Скоро будут. И король говорит: «Пусть тогда они будут на вас. У нас скоро королевский бал состоится. Извольте в этих подвесках на бал прийти. А иначе я могу о вас плохо подумать».

Тогда королева просит Д'Артаньяна скакать в Англию, чтобы подвески привезти. Он скачет, подвески привозит, и всё хорошо кончается.

Так вот Анфису не столько спектакль интересовал, сколько эти подвески. Она с них буквально глаз не сводила. Ничего красивее Анфиса в жизни не видела. В её далёкой Африке такие подвески на деревьях не росли и местные жители их не носили.

А дальше вот что было.

Скоро Новый год почти пришёл. Папа с мамой стали в школу на праздник собираться. Нарядные костюмы надели, причесались. Папа стал шпагу прикреплять. Бабушка стала Веру и Анфису укладывать.

Вдруг мама говорит:

— А где подвески?

— Как где? — говорит папа. — Около зеркала лежали, в шкатулке. Мама говорит:

— Шкатулка есть, а подвесок нет.

— Значит, надо у Анфисы спрашивать, — решил папа. — Анфиса, Анфиса, иди сюда!

А Анфиса никуда не идёт. Сидит в своей кроватке, в половичок замоталась. Папа Анфису взял и на свет вынес. На стул под лампу посадил.

— Анфиса, открой рот!

Анфиса ни гугу. И рот не открывает. Папа попробовал ей рот силой открыть. Анфиса рычит.

— Ничего себе! — говорит папа. — Никогда с ней такого не было. Анфиса, отдай подвески, а то хуже будет.

Анфиса ничего не отдаёт. Тогда папа столовую ложку взял и стал столовой ложкой Анфисе зубы разжимать. Тогда Анфиса рот открыла, и эту ложку как соломинку перегрызла.

— Ого! — говорит папа. — С нашей Анфисой шутки плохи! Что будем делать?

— Чего делать? — говорит мама. — Придётся её с собой в школу брать. Времени у нас нет.

Тут Вера из кровати как закричит:

— И меня в школу! И меня в школу!

— Но ты же подвески не ела! — говорит папа.

— А я тоже могу съесть, — отвечает Вера.

— Чему ты ребёнка учишь! — возмущается мама. — Ладно, дочь, одевайся скорее. Бежим в школу на Новый год.

Бабушка говорит:

— Вы совсем с ума сошли! Детей на улицу ночью зимой! Да ещё в школу, в зрительный зал.

Папа на это сказал:

— А вы, Лариса Леонидовна, вместо того, чтобы ворчать, лучше бы тоже собирались. Мы всей семьёй в школу пойдём.

Бабушка ворчать не прекратила, но собираться стала.

— А горшок с собой брать?

— Какой горшок? — кричит папа. — Что, в школе туалетов, что ли, нет, что мы с собой начинаем горшки носить?

В общем, за полчаса до начала спектакля папа, мама и все остальные в школу пришли. Директор Пётр Сергеевич Людовик Шестнадцатый ругается:

— Вы что так долго? Мы из-за вас переволновались.

А завуч старших классов Борис Борисович Ришелье командует:

— Давайте детей скорее в учительскую, а сами на сцену! Мы последнюю репетицию проведём.

Бабушка детей и зверей в учительскую повела. Там на диванах много всяких костюмов и пальто лежало. Она Веру с Анфисой в эти костюмы запихнула.

— Спите пока. Когда будет самое интересное, вас разбудят.

И Вера с Анфисой заснули.

Скоро зрители собрались. Зазвучала музыка, и начался спектакль. Учителя играли просто прекрасно. Мушкетёры охраняли короля. И ещё всех спасли. Они были смелые и добрые. Гвардейцы кардинала Ришелье всячески злодействовали, всех подряд арестовывали и бросали за решётку.

Папа всё время сражался с герцогом Рошфором Встовским. От их шпаг даже искры летели. И папа в основном побеждал. Дела Ришелье шли всё хуже и хуже. И тут Ришелье узнал про подвески. Ему об этом сказала миледи — такая вредная женщина, завуч младших классов Серафима Андреевна Жданова.

И вот Ришелье подходит к королю и говорит:
— Спросите-ка, ваше величество, у королевы: «А где мои подвески?» Что она вам скажет? Сказать-то ей нечего.

Королеве и в самом деле сказать нечего. Она немедленно вызывает папу-Д'Артаньяна и просит:

— Ах, мой любезный Д'Артаньян! Скачите скорее прямо в Англию и привезите мне эти подвески. Иначе я погибла.

Д'Артаньян отвечает:

— Я этого не допущу! И все остальные мушкетёры не допустят! Ждите меня, и я вернусь!

Он выбежал за занавес, вскочил на коня и поскакал прямо в учительскую. Там он схватил за шиворот Анфиску — и снова на сцену. А на сцене уже дворец герцога Бекингемского. Богатые шторы, свечи, хрусталь, из дома принесённый. А герцог ходит грустный-прегрустный.

Д'Артаньян спрашивает его:

— Что вы, герцог, такой печальный? Случилось что?

Герцог отвечает:

— Да вот, были у меня бриллиантовые подвески французской королевы, да куда-то подевались. Д'Артаньян говорит:

— Я знаю эти подвески. Я как раз за ними приехал. Только вы, герцог, не печальтесь. Эти подвески ваша любимая обезьянка в рот себе запихнула. Я сам видел. Вернее, мне об этом ваши лакеи рассказали.

— А обезьянка где? — спрашивает герцог.

— Обезьянка на вашем письменном столе сидит, свечку ест.

Герцог обернулся, схватил обезьянку и подает её Д'Артаньяну:

— Дорогой мушкетёр, передайте эти подвески вместе с обезьянкой моей любимой французской королеве. Для неё сразу два подарка получится.

— А как зовут эту обезьянку? — спрашивает знаменитый мушкетёр.

— У неё такое красивое французское имя — Анфисон!

— О, я думаю, Анфисон очень понравится нашей королеве. Она так любит животных.

Папа схватил Анфисона и во Францию поскакал. А там уже королевский бал в самом разгаре. Королева ходит такая встревоженная — подвесок нет и не видно. Герцог Ришелье ходит довольный, руки потирает. А король все время спрашивает:

— Так где же подвески, дорогая? Что-то я их не вижу.

— Сейчас принесут, — отвечает королева и всё на дверь поглядывает.

И тут Д'Артаньян прискакал:

— Вот ваши любимые подвески, королева. Вам их ваша служанка прислала вместе с обезьянкой Анфисоном.

— А почему?

— Обезьянка их в рот запихнула и расстаться с ними не хочет. Королева обезьянку королю протягивает:

— Ваше величество, вот Анфисон с подвесками. Достаньте, если не верите.

А Анфисон рычит, как два барбоссона. Не хочет с подвесками расставаться. Король тогда говорит:

— Я-то верю, а вот Ришелье сомневается. Пусть он и проверят.

Передали Анфисона Ришелье. Только Ришелье хитрый. Он велел на подносе себе орехов килограмм принести и пару зажигалок. Анфисон как увидела эти богатства, подвески изо рта вынула и стала орехи запихивать.

Взял Ришелье слюнявые подвески двумя пальцами, на свет посмотрел и говорит: — Они! Ваша взяла, господа мушкетёры. Но мы ещё встретимся двадцать лет спустя.

Тут занавес опустился. Успех был оглушительным. Такой шум стоял, что даже Вера в учительской проснулась:

— Что, самое интересное началось?

А самое интересное-то кончилось. Но всё равно Вере много интересного досталось. Ей много подарков надарили и школьники, и учителя. Она хоровод вокруг елки с ребятами водила. А Анфиса на этой ёлке сидела, ёлочные игрушки облизывала.

История одиннадцатая

ВЕРА И АНФИСА УЧАСТВУЮТ В ВЫСТАВКЕ ДЕТСКОГО РИСУНКА

Однажды по всем школам прошло сообщение, что нужны детские рисунки. Что скоро будет всерайонная выставка детских рисунков. А потом и всегородская, а потом и Московская.

А уже из Москвы лучшие рисунки поедут на выставку детского рисунка в Рио-де-Жанейро.

Всем ребятам давалась полная воля — рисуй чем хочешь: углём, масляными красками, карандашами, вышивай. И на чём хочешь: на бумаге, на холсте, на дереве. Только тема у всех рисунков должна быть одна: «За что я люблю родную школу».

И вот в каждом классе были проведены уроки рисования на эту тему. А кто не успел на уроке, мог пойти в специальный класс для рисования и там работать уже по-настоящему.

Все ребята в школе зарисовали. Старшие ребята больше рисовали углём или карандашами. Малыши рисовали только маслом. Чем младше были ребята, тем увереннее они брались за работу, сразу шедевры создавали.

Вот какие картины через неделю появились на свет. Паша Гутионтов, когда узнал тему, сразу нарисовал столовую и румяные пирожки. Очень хорошая получилась картина, вкусная, никакого отношения к учёбе не имеющая.

Лена Логинова нарисовала такую картину: тонконогие грузчики несут что-то похожее на смесь концертного рояля с телевизором.

Завуч Серафима Андреевна спросила:

- Как твой рисунок называется?
- Очень просто. «Компьютер привезли».
- Разве компьютер такой? — спросила Серафима Андреевна. — Он же плоский, как пишущая машинка.

Лена сказала:

— А я думала, что он огромный. Раз про него так много говорят. — И всё-таки не хватало рисунков малышей. Поэтому два младших класса собрали в рисовальном классе, дали им на выбор чем рисовать и на чём рисовать и сказали:

— Рисуйте, создавайте. Прославляйте родную школу и Министерство просвещения.

Этот урок Верин папа проводил. Он Веру и Анфису с собой привел. Потому что дело было в субботу, когда детский сад закрыт.

Вера взяла цветные карандаши, большую бумагу и стала рисовать на полу.

— Вера, Вера, почему ты на полу рисуешь?

— А так удобнее. Со всех сторон рисовать можно.

Ах, как интересно в рисовальном классе! Сидят дети за столами и мольбертами и рисуют, рисуют, рисуют.

У кого природа яркая получается, в основном осень. Осень легче всего рисовать, больно она красочная — ни с какой другой погодой не спутаешь. У кого Чебурашка с цветами, у кого одни цветы без Чебурашки. У кого на рисунке ракета кривобокая в космос летит.

— Виталик, Виталик, почему ты ракету рисуешь? Надо «За что я люблю родную школу» рисовать!

Виталик Пряхин отвечает:

— А как же, я из школы прямо в космос полечу!

— А ты, Вика Елисеева, почему корову нарисовала на лугу? Разве это имеет к школе отношение?

— Конечно, имеет. Мы эту корову недавно проходили. Эта корова называется «Домашние животные».

— А кто это рядом такой круглый пасётся? Это сковородка?

— Нет. Это у меня утка пасётся.

— Очень хорошая утка, жёлтая. А почему у неё четыре ноги?

Вика задумалась:

— А сколько?

— Наверное, две.

— А у меня и утки две. Только одна позади другой стоит.

Папа к Вере подошёл:

— А ты, дочка, что рисуешь?

— «Мой папа ведёт детей в зоопарк».

— Рисуй, рисуй, девочка.

А что же Анфиса делала? Она утащила самую большую кисть. Потом у одного мальчика утащила тюбик с фиолетовой краской. И стала краску на язык пробовать.

Краска оказалась невкусной. И Анфиса долго плевалась на свой мольберт. У неё такие фиолетовые звёзды по белому фону получились. Когда фиолетовая краска кончилась, Анфиса красную свистнула. В этот раз она уже умнее была. Она красную краску на кисточку выдавила, как все ребята делали.

И надо же, тут большая муха в класс залетела, противная. И прямо на бумагу к Анфисе уселась. Анфиса как треснет по ней кисточкой. У неё сразу красное солнце с лучами на рисунке появилось. Яркое, свободное, а муха на другой мольберт перелетела.

«Ах так, — думает Анфиса, — я тебе покажу!»

И снова по мухе хлоп! А мальчик, на чей мольберт муха села, совсем не собирался солнце рисовать. Он, наоборот, рисовал «Я иду в школу в зимний день». И вдруг у него пол зимнего дня жаркое солнце озарило.

Мальчик как расстроится. Как заплачет. А муха давай перелетать с места на место. Анфиса давай эту муху колотить. Куда бы муха ни села, Анфиса своей кисточкой хлоп! На мальчика сядет — Анфиса хлоп, на девочку сядет — Анфиса хлоп! Тут муха на папу села, Анфиса и папу хлоп!

Скоро все дети в рисовальном классе были красной краской помечены, как куры в загородном поселке пригородного типа.

Короче, бросились все на Анфису, схватили за руки, за ноги и за веревочку к мольберту привязали. От нечего делать Анфиса стала уже серьёзнее рисовать. И травку зеленую нарисовала, и

каких-то муравьишек с чемоданами, и огурец в разрезе. И ещё рисовала и рисовала и кисточкой, и брызганьем, и руками.

— А что у тебя, Вера, выходит? — спросил папа.

— Зоопарк.

Папа смотрит. Головастики дети на тонких спичках идут. А вокруг разные испуганные хищники в клетках: тигры там, полосатые львы морковного цвета. И слон маленький-маленький в верхнем углу.

— А почему слон такой крошечный? Он что, карликовый?

— Нет. Он обыкновенный. Просто до него далеко идти.

Папа все рисунки ребят собрал и в большую папку для бумаг положил. Последний рисунок он взял у Анфисы.

— Как же мы его, Анфиса, назовём?

— У-у-у! — отвечает Анфиса.

Папа посмотрел на рисунок внимательно, увидел там над землёй между звёздами и солнцем ладошка нарисована очень тонкой руки. И папа сказал:

— Назовем мы этот рисунок «Добрая рука учителя».

И тоже рисунок в папку положил.

Здесь наш рассказ про Веру и Анфису подходит к концу. Много, много с ними ещё приключений было. Обо всём не расскажешь. Но если вы очень захотите, вы напишите мне письмо, я тогда расскажу ещё кое-что. Потому что я очень дружу с их папой, Владимиром Фёдоровичем. А пока я хочу рассказать вам, чем закончилась эта последняя история про конкурс детского рисунка.

Все рисунки из школы отправили сначала на районную выставку, потом лучшие рисунки из района поехали на городскую.

И городская, и районная выставки пользовались успехом. Люди ходили, рассматривали всё и говорили:

— Ах, какая красивая ракета!

— Ах, какая красивая корова!

— Ах, какая красивая утка на четырёх ногах!

Но больше всех восхищала яркая весёлая картина «Добрая рука учителя».

Вот это рисунок! Всё на нём есть: и солнце, и звёзды, и трава, и дети с чемоданами.

— И учитель своей рукой зовёт детей к светлому солнцу.

— Видите. Он даже ночью зовёт их к свету.

Хотя Анфиса никого никуда не звала, а просто муху хотела прихлопнуть и краской невкусной плевалась.

А потом рисунки за рубеж уехали, в жаркий город Рио-де-Жанейро. И там тоже «Добрая рука учителя» произвела хорошее впечатление. Все её отмечали и хвалили. А главный устроительный художник сказал:

— Мне очень нравится эта рука. Я бы даже с удовольствием пожал её. Я считаю, что эта рука заслужила первый приз.

Но другие устроительные художники заспорили. Они говорили, что автор увлёкся символизмом, попал под влияние импрессионистов и слишком усилил световую гамму в контрастной манере. Хотя Анфиса ничем подобным не увлекалась, ни подо что не попадала и совсем ничего не усиливала в контрастной манере. Она просто муху гоняла и краску невкусную выплевывала.

В результате всех споров ей дали третье почётное место. И её рисунок получил приз «Хрустальная ваза с цветовыми разводами».

Скоро эта ваза в Москву приехала, а из Москвы в Анфисин город. На вазе подпись «А н ф и с о н М а т ф е е ф. СССР». И вот эту вазу в школу принесли. Собрали всех юных художников и объявили:

— Ребята! У нас случилась большая радость. Наш рисунок «Рука учителя» занял третье место в международной выставке в Рио-де-Жанейро. Автор этого рисунка — Анфисон Матфееф!

Директор школы Пётр Сергеевич сказал:

— Я даже не знал, что у нас такой ученик есть. Прошу этого достойного юношу выйти на сцену.

Но на сцену никто не вышел, потому что такого достойного юноши Анфисона Матфеефа не было, а была обезьянка Анфиска.

И Верин папа во всём признался, как он рисунок Анфисы вместе с детскими рисунками на выставку отправил. И тогда директор сказал:

— Значит, наша рисовальная школа очень хорошая, если у нас даже обезьянки рисуют не хуже, чем зарубежные школьники. И давайте нашей Анфисе похлопаем и хрустальную вазу ей заслуженно передадим. И давайте наполним её вкусными и интересными вещами. Вынимайте из карманов что у кого есть.

И ребята стали вынимать, и ваза быстро наполнилась конфетами, пряниками, ластиками, бусинками и другими интересными штучками.

Вечером у Веры и Анфисы был большой праздник. Они эти интересные вещи делили между собой и бабушкой.

Все были счастливы. А больше всего Анфисе кубок понравился «Хрустальная ваза с разводами». Анфиса этот кубок целых два дня облизывала!

СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ КОЛОБКИ

ДЕТЕКТИВНАЯ ПОВЕСТЬ

Художник Анна Ивашенцова

Следствие первое

КОЛОБОК ИДЕТ ПО СЛЕДУ

Однажды по радио в Москве передавали рекламу детского Краснопресненского парка. Диктор читал стихотворение:

Спеши сюда, не мешкай:
Здесь ослик есть
С тележкой,
Есть школа танцев в парке,
Кружок электросварки.
Здесь все, что
Людям надо:
Буфет, балет, эстрада,
Купальни для купанья,
И лодки для катанья.
Еще есть тир отменный,
Спортивный и военный.
И будьте в нашем тире
Как в собственной квартире.
На радость бабушек и дедов,
Здесь есть прокат
Велосипедов

И все радиослушатели, которые не выключили приемники, с удовольствием слушали. Одно сообщение было интереснее другого. Но особенно всех поразили такие строчки:

Там, где неведомые Д,
Есть неотложный ПДД.

Слушатели сразу задумались и стали спрашивать друг друга:

— Что это такое — «неведомое Д»? Не знаете? Жалко. А что такое — «неотложный ПДД»? Тоже не знаете? Тоже жалко.

Они звонили друг другу по телефону и выясняли этот загадочный вопрос. А все объяснялось очень просто. Неведомые Д — это Неведомые Дорожки. А неотложный ПДД — Неотложный Пункт Добрых Дел.

Да, в глубине парка на неведомых дорожках около фонтана стоял дом с вывеской:

НЕОТЛОЖНЫЙ ПУНКТ ДОБРЫХ ДЕЛ

Заведующий — Колобок.

Помощник заведующего — Булочкин.

Принимаются заявки на расследование пропаж, нарушений и небольших преступлений.

Разбираются ссоры и споры.

Телефон 217-218-219

Внутри дома, заложив руки за спину, нервно расхаживал сам Колобок, как небольших размеров тигр. Такой малогабаритный, игрушечный.

— Сегодня у нас будет много работы, — сказал Колобок. — Я это предвижу.

— Почему, товарищ начальник? — четко, по-военному, удивился Булочкин. Он был слегка военизирован — носил погончики на куртке и все делал строго по-армейски. — Есть какие-то неведомые причины?

— Потому что о нас только что по радио передавали. — И он с удовольствием повторил: — «Там, где неведомые Д, есть неотложный ПДД».

Только он это сказал, сразу зазвонил телефон.

— Слушаю! — сказал Колобок.

— Можно кого-нибудь из Колобоков? — спросил чей-то голос.

— Главный Колобок у аппарата.

— У нас в подъезде кто-то постоянно чертика рисует.

— Чем рисует?

— Всем рисует. Мелом рисует, углем рисует, стеклом царапает.

— На чем рисует?

— На всем рисует. На стенах рисует, на дверях рисует, на лифте царапает.

— Хорошо, — сказал Колобок. — Заказ принят. Принесите копию чертика. Отыщем преступного рисовальщика.

Только он положил трубку, вошел высокий гражданин очень элегантной внешности.

— Здравствуйте. Говорят, вы делаете чудеса.

— Стараемся, — скромно ответил Булочкин. — Служим делу. Которому служим.

— А что у вас? — спросил Колобок. — С чем вы пришли?

— Не можем сына оторвать от телевизора. Просто беда какая-то!

— Хорошо отрывали? — спросил Колобок. — Рыбками завлекали? На природу возили? К лыжному спорту приучали?

— Пробовали, — ответил гражданин. — Но все бесполезно. Он как загипнотизированный. Когда телевизор увидит — про рыбок, про лыжи, про все забывает. Вчера он на улице целый час стоял у витрины «Радиотоваров». «Увеличим поголовье кур» смотрел.

— Может, он хозяйственной птицей интересуется? — предположил Булочкин.

— Он «Спокойной ночи, малыши» интересуется. «Прогнозом погоды на завтра» интересуется. И даже циклом «Новый домостроительный комбинат — каждому городу» интересуется.

— Трудом воспитывали? — перебил гражданина Колобок. — Рабочее воспитание применяли?

— Применяли. Он картошку чистит без отрыва от телевизора. Полы моет тоже без отрыва от телевизора.

— Да, трудный случай! — задумался Колобок. Он снял с головы кожаную шляпу и вытер носовым платком лоб.

И тут у него на голове засверкала синяя милицейская лампа.

— И знаете, что интересно... — начал говорить посетитель. Но Булочкин остановил его:

— Когда он так сверкает, ничего говорить не надо. Начальник думает. Как перестанет сверкать — пожалуйста.

Как раз Колобок отсверкался.

— Вот что, — сказал он. — Сегодня к вам зайдет наш сотрудник в черной маске. Напугает всех пистолетом и совершит ограбление: вытащит из телевизора предохранители. Ваш телевизор умолкнет.

— Спасибо! — ответил элегантный папа. — Это прекрасный выход.

— Только проследите, пожалуйста, чтобы этот загипнотизированный ребенок нашего сотрудника утюгом не треснул.

— Не беспокойтесь, мы все утюги спрячем...

— И гантели, — добавил Булочкин.

— И гантели, — согласился элегантный папа. — Только...

— И сковородки, — перечислял Булочкин.

— И сковородки тоже. Только...

— И половники.

— И половники уберем, — пообещал родитель телемальчика. — Только выведите из строя телевизор. Мы будем очень счастливы.

Булочкин проводил папу до двери:

— И будильники спрячьте.

— Непременно. Одни шкафы останутся, — пообещал родитель телемальчика.

— Эх, — сказал Булочкин. — Нет у нас ни одного серьезного дела. Мой дедушка, парикмахер, часто говорил мне: «Будьте проще, и народ к вам потянется». Мы простые, мы очень простые, но никто не идет.

И тут послышался стук в дверь.

— Минутку! — сказал Колобок. Он сел за стол, взял в руки огромное увеличительное стекло и внимательно стал рассматривать какой-то окурочек. — Войдите.

Булочкин распахнул дверь, и вошла пожилая гражданка молодежно-спортивного типа. С судками.

Колобок посмотрел на нее пронизывающими глазами.

— Вы очень взволнованы! — сказал он.

— Как вы догадались?

— У вас пальто наизнанку и на голове кашпо.

— Батюшки! — закричала гражданка, снимая с головы пластмассовую подставку для цветов. — Это действительно так. Я очень взволнована. У меня ребенок пропал, внук, дошкольник. Его украли.

— Дошкольник? — удивился Колобок. — Кому он нужен?

Мама-бабушка спортивного типа загремела кастрюлями:

— Как — кому? Такой дошкольник всем нужен. Это гениальный мальчик. Будущий ученый, скрипач! Будущий академик! Будущая гордость страны! Это же тысячи научных открытий.

— Значит, его похитили... — догадался Булочкин. — Утечка мозгов!

Бабушка ошарашенно посмотрела на Булочкина:

— Я и сама это подозревала. Его украли...

— Инопланетяне, — стал развивать свою мысль Булочкин. — Инопланетянина. Летающие тарелки... Или еще хуже — летающие чайники.

Бабушка сразу согласилась с ним:

— Это дело рук летающих чайников. Смотрите, что я обнаружила на столе!

Она положила на стол перед Колобком записку. Он надел очки и стал похож уже не на мелкого тигра, а на уютную бабушку. Колобок прочитал, не отрываясь от увеличительного стекла:

«ПАЛАЖИТЕ ШЕСТ КАТЛЕТ ТРИ ПАКЕТ МАЛАКА И ОДИН ВИЛК НА БЕЛ. ПЛ. ОКОЛО НОВ. ГОР., А ТО ВАШЕМУ РИБЕНКУ БУДИТ ПЛ.»

— Видите, — сказала пожилая спортсменка. — Записка написана с явным незнанием языка. Наши так плохо писать не могут. Моего Лешу украли инопланетяне.

— Шеф, а зачем им понадобился шест? — спросил Булочкин.

— Это не шест, а шесть котлет, — ответил Колобок. — А вот что такое — БЕЛ. ПЛ.?

— Я думаю, это белый плов. Еда такая, — догадался Булочкин.

— Бедный мой Леша! — сказала гостя, и из ее глаз выкатились две крупногабаритные слезы.

— Не плачьте, гражданка... Как ваша фамилия?

— Четверухина... — ответила посетительница. — Вера Антоновна.

— Не плачьте, гражданка Вера Антоновна, — сказал Колобок. — Смело идите домой. Мы отыщем вашего Лешу. Вы правильно сделали, что пришли к нам.

— А продукты? — Бабушка растерянно посмотрела на кастрюли.

Тут вмешался Булочкин:

— Продукты смело оставляйте нам. Мы их будем смело исследовать. Вы пришли к нам, мы вам поможем!

Грустная-прегрустная Вера Антоновна отправилась домой. А Колобок и Булочкин сели за рабочий стол и начали мыслить.

В НППД было тепло и уютно. Журчал чайник на маленькой электроплитке. Зеленую карту детского парка на стене тронули первые сумерки. За окном тихо падали большие парковые листья.

— Хотелось бы знать, чем объект обычно занимался в течение дня, — высказал свое желание Колобок.

— Научная работа! Спорт! — предположил Булочкин. — Посещение библиотек.

— Хорошо бы знать точно.

— Шеф, — сказал Булочкин. — У меня есть идея. Давайте отправим меня в командировку на место проживания объекта. С заданием изучить его обычный день. Я бы все выяснил: что он ел, где он был и как его могли украсть. Свидетелей бы опросил.

— Прекрасная светлая мысль! — решил Колобок. — Отправляйтесь на место проживания объекта. Вот вам радиопереговорное устройство. О каждом шаге докладывайте.

Булочкин взял передатчик и стал надевать пальто шинельного типа.

— Сверим часы, шеф.

— Сверим.

Их часы шли нога в ногу. Булочкин твердым, решительным шагом направился по адресу пропавшего малыша. Колобок продолжал размышлять.

Он разложил на столе судки и продукты, которые принесла спортивная бабушка, и погрузился в раздумье.

— Здесь шесть штук котлет и одна вилка. Значит, похитителей шестеро. Вилка для главаря.

Погруженный в размышления, он незаметно для себя съел котлету. В это время раздался сигнал радиопередатчика. Из него донеслось:

— Я Булочкин. Я Булочкин. Прибыл на место проживания объекта. Гражданка Четверухина настаивает на укладывании в дошкольную кровать. Производить укладывание?

— Производите, производите, — распорядился Колобок.

И Булочкин, не споря, быстро нырнул в дошкольную кровать. Она была ему несколько мала, но он привык к суровым неожиданностям жизни. А бабушка Четверухина уютно пела ему:

Спи, моя радость, усни.
В доме погасли огни.
Птички умолкли в саду.
Рыбки уснули в пруду.

— Гражданка Четверухина, разрешите уточнить, — спросил Булочкин, — в какое именно время в саду замолкли птички?

— В двадцать один ноль-ноль! — давала показания бабушка.

— Запомним! — твердо решил Булочкин. И быстро уснул. Комната похищенного дошкольника Четверухина наполнилась чернотой ночи.

А Колобок не спал. Он думал:

— Почему три пакета молока? Почему три? Ключ в этих пакетах.

Он достал ножницы, разрезал пакет и налил молоко в стакан.

Потом посмотрел на него через увеличительное стекло. Молока стало больше. Машинально Колобок съел еще одну котлету. И тут его осенило:

— Один человек может съесть две котлеты. Значит, их трое. Вот почему три пакета. Вот в чем секрет.

Утомленный, он задремал, положив голову на стол. Но спал он недолго. Рано утром заговорил радиопередатчик на столе.

— Алло, Колобок? Это я, Булочкин. Произвожу вставание. Гражданка Четверухина предлагает бежать трусцой вокруг квартала. Какие будут указания?

— Трусите... То есть трусите... В общем, делайте все, что положено. Мы должны исследовать весь режим дошкольника от утра до глубокой ночи.

Булочкин и Вера Антоновна побежали. Сумерки лежали над кварталом. И Булочкин увидел, как много в городе ночных спортсменов. Они были в самых разных одеждах. Одни бежали в ботинках, другие в шлепанцах на босу ногу. И бежали они с разной скоростью и во все стороны.

Пробежав около километра, Булочкин и Вера Антоновна прибежали домой завтракать.

Завтрак был простой: мягкий хлеб, две котлеты и молоко.

— Мой Леша очень любил молоко! — сказала бабушка, подавая Булочкину передничек в горошек и очень симпатичный слюнявчик.

— А яйца всмятку он не любил? — намекнул Булочкин. — Или кашу рисовую?

— Терпеть не мог, — ответила бабушка.

— А сосиски? — продолжал свою линию Булочкин.

— Никаких сосисок! — сказала бабушка. — От них бывает потолстение. Уж в крайнем случае кефир.

После завтрака Булочкина повели в сквер в группу с английским языком. И он с большим интересом присоединился к десятку малышей в ярких и разных комбинезонах. Дети в группе все были вежливые, хорошо воспитанные, но какие-то кислые. Они разговаривали примерно так:

— Мальчик, мальчик, вы мешаете мне идти. Можно я стукну вас лопаткой?

— О, я буду просто счастлив!

— Маруся, Маруся! — строго говорила воспитательница с английским акцентом. — Прекратите вашу лопаточную агрессию.

Булочкин передал Колобку по рации:

— Алло, алло! Это я — Булочкин. Похищение ребенка из сквера летающим чайником невозможно. Вокруг отдыхают пенсионеры. Отобьют.

— Вас понял, — ответил Колобок. — Следуйте дальше по режиму дня.

Сам Колобок сидел в НППД и рассматривал котлету под микроскопом. В волнении он съел ее.

— Почему одна вилка? Почему одна вилка?

Тут ему в голову пришла простая мысль:

— Если я съел три котлеты, то и эти люди могут съесть каждый по три котлеты. Значит, их двое: мальчик и похититель. Вилка для похитителя. Ребенка он заставляет есть руками. Круг сужается.

А Булочкин уже был в музыкальном классе, где похищенный Леша приучался к большому искусству. Булочкин тоже играл на флейте. Не отрываясь от инструмента, он изредка спрашивал у строгой преподавательницы:

— Подходы у вас простреливаются? Места для посадки летающих чайников есть?

Преподавательница отвечала:

— Не отвлекайтесь, обучаемый. Все разговоры после того, как вы освоите гаммы. При чем тут летающие чайники? Вас должен интересовать полет шмеля.

Рядом с Булочкиным упоенно дули в обе щеки два мальчика. Они ему отвечали:

— Подходы у нас просматриваются, фью-фью. Чайники у нас не летали, фью-ю-ю-фр!

Только суровая, почти армейская дисциплина смогла удержать Булочкина у флейты. Он просидел как приклеенный около часа.

Преподавательница даже сказала Вере Антоновне:

— Ваш мальчик явно делает успехи! Он стал усидчивым.

Хотя Булочкин был далеко не мальчик, а человек средних лет. Видно, музыка настолько захлестывала учительницу, что она, кроме нот и клавиш, ничего другого просто не замечала.

В конце концов Булочкин положил флейту на пюпитр и на цыпочках подошел к окну. Он слез вниз по водосточной трубе. Осмотрелся и увидел Веру Антоновну.

— Куда теперь? — спросил он у спортивной бабушки.

— Фигурное катание! — ответила она. — Каток юных пионеров.

Все дальнейшее Булочкин помнил как во сне.

Они пришли на стадион. Булочкину вручили фигурные коньки. И пока бабушка в группе других родителей узнавала последние московские новости, Булочкин с детьми тренировался на будущего чемпиона мира.

— Делаем приседания, — говорила девушка-тренер. — Идем гусиным шагом.

Булочкин присел, а идти гусиным шагом уже не мог. Потому что он просто сидел на льду.

— А теперь делаем ласточку! — приказала девушка. — Новенький, новенький, когда делают ласточку, руками за лед не держатся.

Дети яркими пчелками катались вокруг Булочкина, а он никак не мог оторваться ото льда. Наконец на лед выбежала Вера Антоновна и утащила его в раздевалку.

И тут его вызвал по рации Колобок:

— Булочкин, Булочкин, спроси, пожалуйста, у бабушки, что любил есть внук Леша?

— А чего тут спрашивать, — ответил Булочкин. — Молоко и котлеты. В крайнем случае кефир.

— Отлично. Продолжайте исследовать режим. А почему я слышу треск? — спросил Колобок. — Это что, радиопомехи?

— Нет. Это я на стенку налетел.

— Ничего, держитесь! — приказал Колобок и выключил рацию.

— Что нам еще осталось? — спросил Булочкин, пытаясь снять конек.

— Рисование. Шедевры мировой культуры. Бассейн.

— И где эти шедевры? — спросил Булочкин.

— Во Дворце пионеров.

— Шедевров не будет! — решительно сказал Булочкин. — Отменяются. Из Дворца пионеров мальчика похитить не могли. Руки у чайников короткие, вернее, носики. Держим путь прямо в бассейн. По дороге Булочкин все выводывал у Веры Антоновны: глубоко ли в бассейне, есть ли там спасательные круги.

Боевой друг Колобка не умел плавать.

Вера Антоновна спросила:

— Сегодня у нас понедельник?

— Понедельник, — ответил Булочкин.

— Какая радость! — сказала Вера Антоновна. — Значит, Сергей Сергеевич свободен.

— А кто это — Сергей Сергеевич? — насторожился Булочкин.

— Учитель высшей математики. По дороге зайдем к нему на пару часиков. Будем решать задачи.

У Булочкина потемнело в глазах. Ему захотелось назад к Колобку — задерживать нарушителей дисциплины, перебираться по веревке через пропасти, исследовать копии чертиков.

Но отступать он не любил.

Тем временем в НПДД Колобок успешно исследовал котлеты. Их не осталось ни одной.

— Но если я один съел все котлеты, их мог съесть и этот инопланетянин... который похитил. То есть тот, которого похитили.

Сначала у Колобка в голове все затуманилось, а потом прояснилось. Все стало ясно. Именно в это время дверь НПДД распахнулась, и в комнату влетел Булочкин. На нем были ласты и плавки. В руках он держал пальто шинельного типа, куртку с погончиками и остальную одежду.

— Шеф, — сказал он. — У меня версия. Никакого мальчика

вообще не было. Ни один нормальный ребенок не может выдержать такой жизни. Он от нее сбежит.

Только Булочкин закончил фразу, в НППД вбежала Вера Антоновна.

— Караул! Украл! Все пропадает.

— Кого украл? — спокойно спросил Колобок.

— Вашего Батончикова.

— У нас нет такого сотрудника, — ответил Колобок.

— Значит, Ватрушкина.

— И такого нет.

— Значит, Курочкина.

— Вы хотите сказать, Булочкина, — вышел Булочкин из угла.

— Да, именно его украл.

— Как видите, он нашелся, — твердо сказал Колобок. — Скоро и вашего Лешу найдем. Осталось только выяснить, что это такое — БЕЛ. ПЛ. ОКОЛО НОВ. ГОР.?

— Я же говорил — это белый плов, — сказал Булочкин.

— Нет. Я думаю, это совсем другое.

Колобок наклонился к Булочкину и сказал ему на ухо:

— БЕЛ. ПЛ. — это белая плита. А НОВ. ГОР. — это новый горнист. Я недавно видел одного НОВ. ГОР. у одной ЛОД. СТАН.

— Где, где? — переспросил Булочкин.

— У одной лодочной станции.

Колобок повернулся к посетительнице.

— Гражданка Четверухина, вы остаетесь за старшую. Мы идем на операцию.

— А кого будут оперировать? — испуганно спросила Вера Антоновна. — Вы что — еще и врач?

— У нас версия, бабуся, — успокоил ее Булочкин. — Идти на операцию — значит кого-то задерживать. Давайте ваши кастрюли.

— Ничего не понимаю, — заволновалась бабуся. — Кого вы будете задерживать кастрюлями?

— Одного ПЛ. МЛ. То есть плохого мальчика.

— Отставить разговоры! — приказал Колобок. — Ждите нас, и мы вернемся. С поста никуда не уходить. На телефонные

звонки отвечать. Вот вам рация. Если она заскрипит, нажмите кнопку.

Они распахнули дверь и скрылись в вечеряющем воздухе.

В парке быстро темнело. И он быстро опустел. Только шуршали ежи на аллеях. Бабушки и деды сдавали велосипеды, которые они брали напрокат. В кружке электросварки догорали последние электроды. Ослик с тележкой был уже осликом без тележки. Его на поводке вел домой маленький осликовый ямщик.

— Шеф, — сказал Булочкин. — Если будет опасность, я вас прикрою.

— Опасностей не будет, — ответил Колобок. — Будет сырость. И надо прикрываться одеждой.

Поэтому они зашли в мастерские парка и вытащили из шкафчиков две телогрейки. В этой одежде они ничем не отличались от парковых ночных сторожей.

— А теперь к лодочной станции, — сказал Колобок. — Будем сидеть а засаде около нового горниста.

Они поставили на БЕЛ. ПЛ. (на белую плиту) кастрюли из-под котлет и последний пакет молока. Сами забрались в кусты и залегли. Тихо тикали сверенные часы. Кружились звезды. Колобка никто не трогал. А Булочкину не везло. Его кусали то комары, то муравьи. На него садились летучие мыши. Изредка по нему пробегали ежи.

— Внимание! — вдруг сказал Колобок. — Слышите?

— Что? — спросил Булочкин. Потому что он слышал множество разных звуков и шумов: звук тормозящего трамвая за забором парка, звуки музыки с танцплощадки, звук метлы дворника, подметающего парк, лай собаки, голос человека: «Развели тут собак!» и т. д.

— Весла плещут! — сказал Колобок.

И Булочкин точно услышал плеск весел и лишний раз поразился умению Колобка выделить из тысячи звуков самый нужный.

Послышался стук лодки о причал, и кто-то стал карабкаться вверх по склону берега.

— Когда он подойдет, задержите, — приказал Колобок. — Это Леша.

— Намек понял, — шепотом ответил Булочкин.

— Это не намек. Это приказ.

Сам Колобок отполз в сторону и исчез. Булочкин собрался, как стальная пружина перед взрывом.

Он увидел, как к БЕЛ ПЛ. около горниста подобралась какая-то тень. Она нагнулась, одной рукой взяла кастрюлю из-под котлет, а другой взяла пакет молока. Тень зубами надорвала пакет и стала пить молоко.

Под луной стояли две скульптуры: мальчик с горном и мальчик с пакетом.

Булочкин пружинистым прыжком вылетел из кустов и сказал:

— Ваша игра проиграна! Руки вверх!

Мальчик с пакетом от неожиданности вздрогнул, закричал: «Мама», стукнул Булочкина кастрюлей и полетел вниз к воде.

У Булочкина засверкало в глазах. Чтобы не упасть, он ухватился рукой за нового горниста. Постоял секунду, потом бросился вниз, в погоню. В два прыжка он достиг берега и кубарем рухнул вниз.

Он хотел сказать: «Стой. Держи его!»

Но получилось:

— Ой... буль-буль его!

Раздался плеск весел, и лодка с мальчиком отошла от берега.

«Ничего, далеко он не уйдет! — подумал Булочкин, погружаясь в воду. — Наше озеро круглое! Мы его выловим!»

А мальчик Леша тем временем сказал:

— Кажется, я ушел. Это была засада. Но вдруг сзади него в лодке поднялся Колобок. Он снял кожаную шляпу, и засверкала милицейская лампа.

— Кажется, вы не ушли. Кажется, вы задержаны. Весла вверх!

Колобок сам сел на весла и повел лодку к берегу. Еще секунда — и они уперлись в Булочкина.

— Поздравляю, шеф!

— Будем проводить опознание, — сказал Колобок. Он вклю-

чил рацию и вызвал Веру Антоновну. Потом осветил Лешу фонарем. — Алло, алло, это я — Колобок. Вы меня слышите?

— Слышу, — ответила Вера Антоновна.

— Скажите, у вашего мальчика глаза голубые?

— Голубые.

— Нос с веснушками?

— С веснушками.

— Удочка у него складная японская?

— Складная японская.

— Значит, этот мальчик ваш. Ждите, через десять минут доставим.

Колобок и Булочкин привязали лодку к пристани и пошли вместе с мальчиком в НПДД. По дороге Булочкин говорил и горевал:

— И чего не живется современной молодежи? И рысцей они бегают, и в английскую группу ходят, и на флейте играют.

— Однако один мой сотрудник не выдержал такой жизни, — заметил Колобок.

— Так я же взрослый. Мне это ни к чему.

— А по-моему, каждый ребенок взрослый, — сказал Колобок.

И Леша с ним согласился:

— Правильно, дядя Колобок.

В НПДД бабушка Вера Антоновна бегала из угла в угол и говорила:

— Я ему то, я ему се. А он... Я с ним бегаю, я с ним плаваю. Вся моя молодость прошла в песочнице...

— Как будем наказывать? — спросил Колобок у бабушки.

— Его надо посадить.

— Как посадить?

— Посадить за стол и заставить съесть все котлеты, которые я ему принесла.

— Нет, — сказал Колобок. — Это невозможно. Потому... потому... что я их...

— Потому что котлеты будут подшиты к делу! — закончил за него Булочкин.

— Верно, — согласился Колобок. — Я попрошу мальчика пройти в угол предварительного заключения и постоять там.

Он показал Леше на угол в комнате, отгороженный деревянными перилами, и мальчик направился туда.

— Я с ним, — решительно сказала бабушка.

— Но мы не можем, чтобы женщина... — сказал Булочкин.

— Можем, можем, — возразил Колобок. — Пусть постоит. В конце концов, они оба виноваты.

Уже начинало светать. Карту детского парка на стене постепенно охватывал дневной свет. Начинался новый рабочий день.

Следствие второе ПОХИЩЕНИЕ ВЕКА

Колобок был сова, а Булочкин — зяблик. Но Колобок был начальник, и поэтому они больше любили работать по вечерам. Только не думайте, что днем они не работали. Они работали и днем, и вечером, и утром... Просто больше всего они любили работать вечером.

Сегодняшний вечер был вялым и теплым. Телефон звонил редко — один раз в час.

Вот он опять зазвонил вялым безынициативным звонком. Булочкин немедленно цапнул трубку:

— Алло! Аппарат Колобка у аппарата! — бодро сказал он, пытаясь вдохнуть жизнь в вялое течение событий. Но ничего не вышло. Трубка сказала вялым женским голосом:

— Это НПДД?

— Так точно!

— НПДД, НПДД, у нас на чердаке кошка мяучит музыку Шаинского, а мы с внучкой Бетховена разучиваем. Помогите!

— Заказ принят! — сказал Булочкин. — Кошку поймаем и переучим. Сообщайте адрес.

Он записал адрес в книгу заказов и спросил Колобка:

— Шеф, можно отправляться?

— Подождите, Булочкин, еще не вечер! — сказал Колобок, хотя уже был вечер. — Думаю, что сегодня будут более интересные дела.

И точно — телефон зазвонил более инициативно. — Колобок, Колобок, — сказал мужской голос, — у нас пропала собака.

Колобок подвинул к себе печатную машинку:

— Давайте словесный портрет.

— Чей?

— Собаки, разумеется.

— Собака породы овчарка, — начал голос, — высокая, средней лохматости. По окраске брюнето-шатенка. Повышенной зубастости. Имеет шесть медалей. Охраняла здание вместе со сторожем. Кличка Рекс. Сторож тоже пропал.

Колобок все это быстро напечатал.

— Давайте словесный портрет.

— Чей? — спросил голос.

— Сторожа.

— Высокий, с уклоном в лысизм. Зовут дядя Коля. Характер рязанский, покладистый. Имеет сына десяти лет. Сын тоже пропал. Дать словесный портрет?

— Достаточно, — сказал Колобок голосу. — Мне все ясно. А кем вы ему доводитесь?

— Кому — сыну или сторожу?

— Рексу! Пропавшей собаке.

— Я — директор учреждения. Дать словесный портрет?

— Спасибо, не надо. Я все понял. Товарищ директор, берите свою жену и детей и поезжайте в наш парк. Сегодня здесь выставка служебно-сторожевых собак. Здесь вы найдете и вашего сторожа, и вашего Рекса.

Человек в телефоне ужасно обрадовался и долго повторял:

— Спасибо, товарищ Колобок. Спасибо, товарищ Колобок.

— Пожалуйста, товарищ директор склада, — сказал Колобок и повесил трубку.

Но телефон моментально зазвонил снова:

— А как вы догадались, что я директор склада? А не директор музея или театра?

— Очень просто. Театры у нас пока не охраняют собаки повышенной зубастости. Привет вашему дяде Коле.

Булочкин, как всегда, был потрясен железной логикой железного Колобка. Он взял книгу заказов и вписал туда, как было раскрыто это таинственное исчезновение, как была найдена сторожевая собака, буквально в присутствии заказчика. И даже более того, буквально без присутствия заказчика.

Но Колобок был недоволен:

— Это все семечки! Ничего интересного. Но чует мое сердце — где-то зреет серьезное преступление.

И оно зрело. Созревало и наливалось. В это время в другом конце города...

В это время в другом конце парка по аллее шел мороженщик. Каких много. Обыкновенный труженик тележки. Но шел он без тележки и кромко кричал:

— Караул! Преступление века!

Прохожие с любопытством смотрели на него. И он кричал дальше:

— Похищено сто пачек мороженого! Ограбление пенсионера. Милиция бессильна.

— Почему? — спрашивали прохожие.

— Они не очень любят мороженое. Если бы пельмени пропали...

И он гордо шел дальше в направлении НПДД, сообщая всем о происшедшем. Человек изъяснялся с людьми как бы заголовками газет:

— В городе действует организация!

— Сегодня мороженое, завтра — «Дом игрушки».

— Планета спрашивает: «Кто будет отвечать?»

Крико-вопли все больше приближались к НПДД, где нервно разгуливал Колобок в ожидании крупного дела. Он был в безрукавке, в мягких валенках, сделанных на заказ, в теплой кепке, потому что приближалась осень.

И вот на пороге возник мороженщик:

— Я говорю от имени тружеников планеты Земля! Мороженого больше не будет!

— А что? — спросил Колобок. — Закрыли ваш хладокомбинат?

— В городе действует шайка! Милиция бессильна.

— Будем вооружать население! — спокойно и с достоинством ответил Булочкин, показывая мороженщику, что есть... имеется выход, что не все еще потеряно.

— Фамилия? — строго спросил Колобок.

— Я — труженик планеты Земля.

— Фамилия, — повторил Колобок.

— Коржиков.

— Рассказывайте все по порядку, товарищ Коржиков, — приказал Колобок.

— И обращайтесь внимание на подозрительные подробности, — добавил Булочкин.

— Хорошо, — сказал мороженщик. — Дело было так. Светило солнце. Я шел и продавал мороженое. Кругом гуляли покупатели, целая улица покупателей.

— А подозрительные подробности? — напомнил Булочкин.

— Хорошо, — понял мороженщик. — Светило подозрительное солнце. Дул подозрительный такой ветер. Кругом гуляли подозрительные типы. Целая улица типов.

— Иностранных инопланетян не было?

— Были, — сразу согласился мороженщик. — Были подозрительные иностранные планетяне, замаскированные под наших неподозрительных прохожих.

— А дальше? — спросил Колобок.

— Вдруг замаякал подозрительный котенок. Я подозрительно пошел за ним. И кто-то украл мою подозрительную тележку.

Колобок выслушал все это и сказал:

— Еще раз, пожалуйста, все расскажите. Только подробнее, пожалуйста.

— Хорошо, — согласился мороженщик Коржиков. — Светило такое подробное солнце. Дул такой подробный ветер. Кругом подробно гуляли такие подробные прохожие. Потом замаякал такой подробный котенок. Я подробно за ним пошел. И кто-то украл мою подробную тележку.

— Не густо! — сказал Колобок.

— Точно! — согласился мороженщик. — Светило такое негустое солнце. Дул негустой такой подозрительный ветер. Кругом негусто гуляли такие негустые прохожие. Потом замяукал такой негустой котенок. Я негусто так пошел за ним, и кто-то украл мою негустую тележку.

— Ну что? — спросил Колобок у Булочкина.

— Туманно, шеф! — сказал тот.

Мороженщик тотчас же согласился:

— Светило такое туманное солнце. Дул такой туманный ветер. Кругом туманно так прогуливались прохожие. Потом замяукал такой затуманенный котенок. Я затуманенно пошел за ним. И кто-то в тумане украл мою тележку. Что теперь будет?

— Все будет в порядке, — сказал Колобок. — Дело поручаем лучшему специалисту. Булочкин, на выход.

— Есть! — ответил Булочкин. — Сверим часы.

— Сверим.

Все стали сверять часы. Часы Колобка и Булочкина бились секунда в секунду, а часы мороженщика остались лежать в тележке, в ящике для сдачи и денег.

— Куда сдать котенка? — спросил мороженщик.

— Какого котенка? — спросил Колобок.

— Которого я нашел на месте преступления, — сказал Коржигов. Он вынул из кармана фартука замечательного рыжего котенка.

Колобок посмотрел на котенка в увеличительное стекло.

— Сибирский! — сказал он.

— Может быть, преступник из Сибири? — предположил Булочкин. — И надо его оставить в деле.

— Забирайте его с собой! — приказал Колобок. — Может, он наведет вас на след.

Булочкин и мороженщик ушли. Опускавшееся за парк солнце заливало все золотом. Солнечный луч, попавший в затылок Колобка, наполнил его желтым свечением. Колобок напоминал подсвеченную изнутри головку сыра и чувствовал себя неловко.

Он задернул шторы, взял в руки балалайку и заиграл. Все, кто

давно знал Колобка, поняли — Колобок Думает. И затихло все вокруг НПДД.

Тем временем Булочкин и Коржиков приблизились к месту пропажи. В голове у Булочкина вертелись последние слова Колобка: «Он может привести вас на след». Поэтому он попросил у мороженщика котенка, пустил его на землю и приказал: «След!»

Котенок с места в карьер пробежал сто метров к ближайшей урне, сел и стал жевать селедочный хвост около нее.

— Ты неправильно нас понял, — сказал Булочкин. — Нам не нужна селедка. Нам нужна тележка.

Котенок с места не двигался и усиленно хрустел хвостом.

Вдруг мороженщик схватил за руку Булочкина:

— Смотрите!

По аллее шла дворничиха с метелкой и толкала перед собой тележку с мороженым.

— Это моя тележка! — сказал Коржиков.

Булочкин включил походную рацию:

— Колобок, Колобок, мы вышли на преступника. Будем брать.

— Берите, — шепотом сказал Колобок. — Но осторожнее, смотрите, чтобы не взяли вас.

— Преступник-ца вооружен! — тихим лозунгом сказал Коржиков Булочкину.

— Чем вооружен? — переспросил Булочкин.

— Метлой вооружен, — ответил мороженщик.

— Будем брать вместе с метлой! — решительно сказал Булочкин. — Применяю отвлекающий прием.

Он подошел вплотную к дворничихе с тележкой и сказал, показывая на небо:

— Смотрите, лопаты летят!

— Какие лопаты? Почему летят? — удивилась дворничиха и стала внимательно изучать небо.

В эту секунду Булочкин пристегнул ее цепочкой с почтовым замком к ручке тележки. Такими цепочками сельские велосипедисты приковывают свои велосипеды к поручням магазинов.

— Колобок, Колобок! — сразу же сообщил он в радиотелефон. — Опасная преступница задержана.

— Ваша игра проиграна! — обернулся он к дворничихе. — Будем вас сдавать в милицию.

— Какая игра? — удивилась дворничиха. — Я и сама шла сдавать эту тележку в милицию.

— Булочкин, Булочкин, немедленно освободите эту блондинку в очках и принесите ей извинения.

Булочкин счастливо огоропел. Вот это да! На таком расстоянии Колобок узнал, что дворничиха — блондинка. Он отстегнул дворничиху и произнес в микрофон:

— Продолжаем расследование.

— Ой! — вдруг сказала женщина Булочкину и Коржикову. — Смотрите, лопаты повернули и назад летят.

— Какие лопаты? — удивились потерпевший и расследующий. — Зачем повернули?

— Чтобы проучить кое-кого! — ответила дворничиха и махнула метлой по ногам двух мужчин. Они оба рухнули, как подкошенные.

— Продолжаем работу, — сказал неунывающий Булочкин.

— Работа продолжается! — оформил его мысль в лозунг мороженщик Коржиков. — Несмотря ни на что!

Они встали на ноги, и Булочкин приступил к осмотру тележки и составлению версий.

— Начинаем предварительный досмотр. Тележка цела? Колеса на месте?

— На месте, — ответил мороженщик Коржиков. — А где же им быть? Кому они нужны, такие кривоногие?

— Вы мне вопросов не задавайте, — одернул его Булочкин. — Отвечайте четко по-военному: «Так точно». Повторяю: «Тележка цела? Колеса на месте?»

— Так точно, по-военному. Кому они нужны, такие кривоногие?

— У вас есть версии?

— Так точно. Никаких.

— А у меня есть. Сразу видно, что вы не в нашей системе работаете. Скорее всего действовала шайка. Интересно, сколько их было. Сколько мороженого исчезло?

— Пятьдесят пачек. Остальные здесь, — ответил мороженщик. — И еще здесь лежит треугольная пуговица с двумя дырочками, металлический рубль и вязаная шапочка с помпончиком.

Булочкин включил рацию и доложил обо всем Колобку.

— Продолжайте поиски, — сказал Колобок. — Я буду разрабатывать свою версию.

Все ниже к закату склонялось подозрительное солнце. В парке стихало, и все сильнее слышен был шум города. Подозрительные прохожие покидали парк вместе с подозрительными детьми. Булочкин думал.

— Тележка отсутствовала полчаса. Сколько пачек мороженого может съесть один человеко-преступник за это время?

— Так точно, не знаю! — сказал мороженщик.

— Нужно узнать. Выяснив это, мы узнаем, сколько человеко-преступников было. Проведем следственный эксперимент.

— Можно принять участие в эксперименте? — спросил Коржигов.

— Вы все продумали?

— Все.

— Тогда разрешаю. Сверим часы.

Часы Булочкина показывали семь часов, часы Коржикова замерзли и ничего не показывали из-за инея. Тем не менее эксперимент начался. Надо было выяснить, сколько было человек — расхитителей государственного мороженого?

Освещенные подозрительным солнцем, Булочкин и Коржигов ели мороженое.

А Колобок играл на балалайке в уютном НПДД.

— Шапочка в тележке, что бы это значило?

Под веселую мелодию плясали комары на светлом окне. Телефон молчал. Очевидно, собака повышенной зубастости на-

шлаась вместе со своим брюнето-шатеновым сторожем. И тут Колобка осенило. Он включил переговорное устройство.

— Булочкин, Булочкин, что у вас на голове?

— Кепка, шеф. Фуражного типа.

— Очень хорошо. Попробуйте достать из тележки эту самую вязаную шапочку.

— Слушаюсь, шеф.

Послышался треск открываемой дверцы, потом голос Булочкина:

— Готово, шеф.

— Так. Что теперь у вас на голове?

— Вязаная шапочка, шеф.

— Почему?

— Потому что фуражка упала в тележку.

— Отлично, Булочкин. А как с вашими пуговицами? Все на месте?

— Нет, шеф, одна оторвалась и тоже упала.

— Спасибо, Булочкин.

— Можно продолжать эксперимент?

— Можно, продолжайте.

И Булочкин с Коржиковым смело углубились в мороженое.

— Я уже три пачки съел, — сказал Булочкин.

— А я четыре, — сказал Коржиков. — У меня опыта больше.

— Что-то стало холодать! — сказал Булочкин.

— Что-то стало нагреваться! — сказал Коржиков. — У меня жар!

— А у меня озноб!

— Мы заболели. Гибель на трудовом посту! — стал выкрикивать мороженщик. К нему вернулось газетно-заголовочное состояние. — Они не вернутся! Их было двое! Люди жертвуют собой!

Булочкин включил рацию:

— Колобок, ты слышишь нас?

— Внимание, — отвечает Колобок. — Вызываю для вас «скорую помощь». Держитесь.

Булочкин и Коржиков взялись друг за друга. Булочкин сурово молчал, а Коржиков выкрикивал:

— Эксперимент не удался! Их ждет больница! Планета плачет!

Он даже выкрикнул один лозунг, явно опережающий события:

— Медицина бессильна! Им поможет только чудо! В парк въехала «неотложка» с красным крестом на верхней фаре, и наших больных увезли.

И вот уже тихая больничная палата. Не совсем тихая, потому что Коржиков постоянно кричит:

— Колобок о нас забыл! Преступники на свободе! Мороженщики всего мира протестуют! Мы погибаем в больницах, а кое-кто даже не думает о нас!

И тут дверь в палату распахнулась и вошел Колобок. Он был в белом халате и в тапочках на босу ногу, с трубкой.

— Колобок ни о ком не забывает. Он знает все.

— Да?! — закричал неумный Коржиков. — А где же преступники?

— Преступники вокруг нас, — ответил Колобок. — Посмотрите, кто лежит на соседних койках.

И сразу на всех соседних койках встали мальчики:

— Мы больше не будем! — сказали они сиплыми голосами.

— Попались! — закричал мороженщик. — Как же вам не стыдно бесплатно брать государственное мороженое?

— А мы не бесплатно, — сказали мальчики. — Мы рубль положили.

— И котенка!

— Ха-ха-ха! — сказал Коржиков. — Это планета смеется. Но котят еще в банк не принимают! Живая валюта — нужна ли она нам?!

— Нас теперь арестуют? — спросили мальчики.

— Ни за что! — сказал мороженщик Коржиков. — Раз вы признались, я за вас заплачу. Но котенка я вам не отдам. Я к нему прирос. Продавцы покидают больницы! План ведет нас в путь!

Он быстро выздоровел и оделся. И ушел. Колобок и Булочкин

ласково смотрели ему вслед и думали: «Как хорошо, что ему хорошо. Значит, не зря мы несем тяжелую вахту. Пусть всегда будет солнце».

На своих кроватях сидели исправившиеся мальчики и восторженно смотрели на знаменитого Колобка.

— Шеф, — спросил Булочкин. — А как вы догадались, что дворничиха — блондинка в очках?

— Очень просто, — сказал Колобок. — Мой метод — внимание плюс память. Она же у нас в парке шестой год работает. Ее фотография на доске Почета у входа висит. Рядом с моей, между прочим, товарищ Булочкин.

Следствие третье

ОГРАБЛЕНИЕ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ

Однажды в комнате знаменитого Колобка телефон зазвенел как-то особенно тревожно. Все побросали свои важные дела и стали слушать, что говорит Колобок. А разговор Колобка с телефонным посетителем был таков:

- Алло! Это НПДД?
- Так точно. НПДД у телефона.
- С вами говорят из Третьяковской галереи. Можно позвать к аппарату знаменитого Колобка.
- Знаменитый Колобок у аппарата.
- Колобок, Колобок, здесь один подозрительный тип хочет украсть картину.
- Почему вы так решили?
- Потому что он несколько дней крутится рядом. Заглядывает в окна, залезает в подвалы, осматривает крышные подходы. А когда он проходит мимо, он подозрительно звенит.
- Объясните отчетливее. Что значит подозрительно звенит?
- Отмычки!
- Намек понял. И что вы хотите?
- Возьмите его с поличным. Хорошо?
- Хорошо, да не очень. На это у нас милиция. Обратитесь, пожалуйста, к ней.
- Не могу.

— Почему?

— Потому что я и есть милиция. Меня зовут милиционер Спицын.

— Вот и возьмите его с поличным.

— Не могу. Я дежурю только до шести. А после шести никого нет, милицейский пост закрывается.

— Да? А прихватить пару часиков после любимой работы для любимой рыботы?

— Не могу. После любимой работы я иду в любимый университет философизма. Мы, милиционеры, должны быть образованными людьми. Нас на это нацеливают.

— Спасибо, — сказал Колобок. — Сигнал принят. Будем работать.

Он положил трубку, но еще долго ворчал. Ворчала и лаборантка Колбочкина:

— Их на это нацеливают. Лучше бы их нацеливали по мишени стрелять. Или народные Третьяковские галереи беречь.

— Товарищ Колбочкина, — строго сказал Колобок, — не будем терять время на обсуждение действий милиции. Лучше займемся составлением плана по спасению дорогих народных картин, по захвату подозрительных преступников. Какие будут предложения?

— Спасти и захватить! — предложил Булочкин.

— Но как?

— Мое дело — предложить идею, — сказал Булочкин. — А как — это уже детали.

— Колобок, а что если нам взять и самим украсть эту картину, — предложила инициативная Колбочкина. — Им и воровать будет нечего.

— Интересная мысль! — сказал Колобок. — Борьба с хищениями при помощи хищений.

Так Колобок иронизировал. Но буквальный Булочкин не понял иронии.

— Шеф, — сказал он. — Эта мысль трудновыполнимая.

— Почему, Булочкин?

— Мы же не знаем, какую картину он хочет украсть.

— По-моему, мы зря теряем время! — сказал Колобок. — Чтобы составить план, мы прежде всего должны побывать на месте будущего преступления.

— Это где, шеф?

— В Третьяковской галерее.

Каждому, кто хоть раз бывал в Москве, знакомо здание Третьяковской галереи — оно находится рядом с кинотеатром «Ударник». Колбочкина, Булочкин и Колобок подошли к нему без пятнадцати шесть. Около входа в галерею, из которого выходили последние посетители, стоял грустный милиционер Спицын. Колобок подошел к нему:

— Здравствуйте, я — Колобок. Вот мое удостоверение.

— Очень приятно, — сказал милиционер, рассматривая красную книжку Колобка. — Но я почему-то думал, что оно у вас круглое.

— А у товарища Булочкина оно имеет форму батона! — ответил на это Колобок. — Только мне сейчас не до шуток. Показывайте, где наш предполагаемый преступник.

— Вон он, этот предполагаемый тип с чемоданчиком. Мне кажется, он уже созрел.

— А почему вы так решили?

— Он уже с чемоданом. Чемодан, надо думать, для картины.

— Ишь ты, какой горячий! — закричала Колбочкина. — А может быть, он с этим чемоданом в баню собрался или в лес за грибами.

— Можете мне не верить, — сказал милиционер Спицын, — только мне мое милицейское сердце подсказывает, что сегодня он попробует взять какой-нибудь самый главный третьяковский шедевр. Все, до свидания. Я пошел в свой любимый вечерний институт любимого философизма. — И милиционер, переложив тяжелую нравственную задачу на Колобка, легкой походкой отправился на занятия. А Колобок тяжелыми шагами командора направился ко входу в Третьяковскую галерею.

Такими же резко потяжелевшими шагами шли за ним Кол-

бочкина и Булочкин. Можно было подумать, что они несут на спине невидимые мешки с конфискованной картошкой или золотыми слитками.

У входа стоял седоватый и румяноватый работник галереи в форменном зеленом костюме. Чем-то он напоминал деда Мороза в отпуске. Очевидно, тем, что не имел мешка с игрушками. Он выпускал последних посетителей и готовился закрывать двери.

Колобок протянул ему свое служебное удостоверение и спросил:

— Вы — дежурный?

— Так точно.

— Сегодня мы будем дежурить вместе. Ожидается крупное ограбление... Почти налет.

— Я очень рад! — сказал седоватый и румяноватый дежурный. Хотя радоваться особенно было нечему. Он тут же поправился:

— Я не тому рад, что будет ограбление, а тому, что мы будем дежурить вместе. Я много о вас слышал, и мне надоело одному пить чай всю ночь.

— Будем пить чай вместе, — сказала Колбочкина. — У меня и варенье с собой.

— Прошу вас проследовать в служебное помещение! — сказал дежурный, и они проследовали в маленькую каморку под главной лестницей.

— Давайте теперь как следует знакомиться. Меня зовут Лука Лукич Сковородкин. Я из старинной рабоче-дворянской семьи.

— Меня зовут Колобок. Я из сельской местности.

— Меня — Колбочкина. Я из старинной подметальной семьи. Я дворником работала.

— А я — Булочкин. Я родился между молотом и наковальней в хлебопекарне. Мои родители были крупчатниками.

И Лука Лукич рассказал свою биографию. Он поступил в Третьяковскую галерею еще мальчиком вместе с нынешним ее директором. Они были ночными дежурными и протирались пылью. Только директор пошел в институт, окончил его и стал

директором. А Лука Лукич не захотел расставаться с любимой профессией. Так и остался ночным сторожем.

Тем временем ночь постепенно надвигалась на Третьяковскую галерею.

— Как вы думаете? — спросил Лука Лукич. — С какой стороны будет налет?

— Со всех сторон! — твердо ответил Булочкин.

— Булочкин, — возразил Колобок, — мне стыдно за вас. Мы ждем нападения одного малолетнего воришки, а вы говорите так, будто на нас будет выброшен целый парашютный преступный десант. Я думаю, преступник полезет через чердачное окно на крыше. Потому что оно выходит на сторону стройплощадки. И никто его не заметит, когда он будет залезать.

— И мы его сразу схватим около этого окошка? — спросил дежурный Сковородкин.

— Ни за что. Мы подождем, когда он выберет и упакует картину.

— А сигнализация? Ведь она может сработать и отпугнуть воришку.

— Я думаю, он не дурак. Он непременно отключит сигнализацию.

— Я ни разу в жизни не задерживал преступников, — признался Лука Лукич. — Я не подозревал, что это так сложно. А преступник вооружен?

— Безусловно, — согласился Колобок.

— Ножи? Пистолеты? — спросил Булочкин. — Слезоточивый глаз?

— Ничего подобного. Он вооружен юридическими знаниями. Если мы задержим его без картины, он скажет, что просто заблудился. Или что он забыл здесь свою шапку. Или он скажет, что сюда залетел его любимый попугай. И мы вынуждены будем его отпустить.

— Ни за что! — возразил решительный Булочкин. — Мы возьмем его вместе с попугаем.

Как раз в это время загрохотала железная крыша, и Колобок, освещая себе дорогу фонариком, двинулся в сторону чердака. Булочкин шел рядом, ни на минуту не выпуская шефа из поля зрения. С собой он прихватил коробку от торта.

— Зачем? — прошептала Колбочкина, которая оставалась внизу.

— Для попугая, — тихо ответил он.

Недалеко от лестницы, ведущей на чердак, Колобок залег позади старинной скульптуры «Дети держат земной шар».

— Шеф, а куда мне прятаться? — спросил верный помощник.

— Булочкин, Булочкин, идите себе пить чай. Когда вы понадобитесь, я вас вызову по рации.

Только в этот раз Булочкин решил послушаться приказа. Он не мог оставить шефа одного. Поэтому он подошел к скульптурной группе детей и тоже стал держать земной шар. Тем временем преступник открыл дверь, ведущую на чердак, и вошел в помещение третьего этажа. Луч добротного карманного фонаря-жужжалки освещал ему путь.

Земной шар оказался необычайно тяжелым, и Булочкин с ужасом думал, что больше трех минут ему этот шар не удержать. Ему все время хотелось поменять руки или хотя бы позу. Слава богу, что преступник быстро спустился на второй этаж.

«Все ясно! — понял Колобок. — Он направляется к малым голландцам».

«Все ясно! — подумал Булочкин. — Пошел связывать дежурного».

Но преступник не стал делать ни того, ни другого. Он открыл окно второго этажа и при свете уличных фонарей надел резиновые перчатки. Затем высунулся в открытое окно и портативными кусачками перекусил электрический провод, проходящий по стене галереи. Сигнализация больше не работала. А сам преступник пошел по залу и стал рассматривать шедевры на стенах. При этом его интересовало не столько содержание кар-

тины, сколько ее размер. Он подносил к картине чемодан и смотрел — поместится она в чемоданчике или нет.

Без особого интереса он прошел мимо знаменитой картины художника Васнецова «Аленушка», масло, холст, 173×121. Едва взглянул даже на картину «Бриг „Меркурий“, атакованный двумя турецкими кораблями», холст, масло, 212×339, привезенную из Феодосии на выставку художника Айвазовского. А на картину художника Налбандяна «Большая ширь», холст, масло, 583×300 даже смотреть не стал.

Зато картину художника Поленова «Московский дворик», масло, 64,5×80,1 он рассматривал очень долго. Точно так же, как и картину «Грачи прилетели» старинного художника Саврасова, холст, масло, 62×48,5.

Но больше всего его заинтересовала картина художника Ильи Ефимовича Репина «Портрет писателя Всеволода Михайловича Гаршина», холст, масло, 47,7×40,3. Она так его чем-то пленила, что он медленно стал снимать ее со стены и укладывать в чемодан.

«Уйдет! — думал Булочкин. — Уйдет!» Он хотел бросить свой земной шар и схватить преступника, но очень боялся, что земной шар со страшным шумом рухнет на пол, что дети одни не удержат его.

И тут сверкнула молния. Это Колобок при помощи фото-вспышки сделал снимок «Преступник, снимающий картину, на месте преступления», фотобумага, 9 на 12. И похититель молча поднял руки вверх.

— Вы задержаны! — строго сказал Колобок и стал укладывать фотоаппарат в футляр. Стоило ему только на секунду отвести глаза, как преступник сорвался с места и побежал ко входу на чердачную лестницу. Еще секунда, и он уйдет. Но не тут-то было. Когда он пробежал мимо Булочкина, Булочкин бросил, наконец, свой земной шар и вцепился в убегающего мертвой хваткой. Целых полчаса после этого Колобок и Колбочкина разжимали пальцы нашего, якобы, мягкого Булочкина.

— Фамилия у него мягкая, а сам он железный! — сказал

после этого Колобок про своего соратника. И фраза эта много лет потом ходила за Булочкиным, принося ему бессмертную славу.

— Итак, давайте знакомиться! — сказал Колобок преступнику. — Я — Колобок. А вы?

— А я — случайный прохожий, — ответил преступник. — Любитель живописи.

— Ага, — согласился Колобок, — вы настолько любите живопись, что не удержались и в ночное время полезли в музей знакомиться с шедеврами?

— Вы совершенно правильно меня поняли! — сказал ночной жулик.

— Ах ты, жалкий врунишка! — рассердилась Колбочкина. — Да я тебе за такое вранье!.. — она замахнулась на преступника металлической кружкой для заварки чая.

— Отставить, — приказал Колобок. — Товарищ Колбочкина, — строго сказал он, — прошу вас запомнить — подобные методы в нашей стране отменены еще в 1921 году. И больше мы к ним возвращаться не будем.

— А теперь выворачивайте карманы! — строго приказал Колобок. — Сдавайте оружие и отмычки.

Но ни оружия, ни отмычек у преступника не было. Было только пять рублей и чистое белье с сухарями в чемоданчике. Больше не было ничего. Даже носового платка.

И тут в разговор вмешался ночной дежурный Лука Лукич:

— Итак, вы любите живопись. А знаете ли вы, какую картину вы хотели похитить? Да это же портрет писателя Гаршина. Знаете вы такого? А писал портрет сам великий Репин!

Преступник задумался:

— Нет, не знаю я Гаршина. Да и Репина я не знаю.

— Великого Репина! — поправил его Лука Лукич.

— Вот именно, — согласился преступник. — Никогда не слышал.

— До чего докатились! — поразилась Колбочкина. — Репина не знают! И Гаршина! Какой позор!

— А вы их знаете? — спросил Колобок.

— По правде говоря, не очень, — призналась Колбочкина. — Репина еще туда сюда, а вот Гаршина — ну ни капельки.

— Вы как хотите, — сказал Лука Лукич, — я вас отсюда не выпущу, пока не расскажу вам об этом знаменитом художнике. И обо всех других.

Больше всех возмущался задержанный:

— Как так не выпустите! Да у меня кошка не кормлена. Да у меня билеты в кино на Штирлица. Да меня столько дел ждет.

— Вас сейчас ждет только одно дело, — строго одернул его Колобок, — дело о попытке похитить картину «Портрет писателя Гаршина» из Третьяковской галереи.

— Меня ждет семья!

— Да нет, — поправил его Колобок, — вас ждет скамья.

— Какая такая скамья?

— Такая, — не выдержала Колбочкина, — подсудимая, вот такая.

— Да, пожалуй, я никуда не тороплюсь, — согласился преступник и протянул всем руку. — Давайте знакомиться — Вася Углов. У меня было тяжелое детство. Безотцовщина. Голод... Отсутствие витаминов. Меня легко понять.

— Прекратить! — сказал Колобок и в гневе стукнул по рации кулаком. Рация испуганно сказала: «Вы слушаете „Голос Америки“. В Вашингтоне полночь. Передаем последние известия».

Тут испугался Булочкин и тоже стукнул по рации кулаком. Тогда она сразу исправилась и сказала: «Вы слушаете „Маяк“. Передаем новости с полей».

Но новости с полей они не услышали. Потому что Колобок провел с ними небольшую беседу на тему, как некоторые люди свои преступления сваливают на родителей, школу, улицу, плохих товарищей и западную пропаганду.

— Чтобы я больше этого не слышал! — сказал он Василию Углову. — Вы сами во всем виноваты и сами за все будете отвечать.

— Только это потом, — сказал Лука Лукич. — А сейчас мы начнем экскурсию. Итак, что мы видим в первом зале?

— Потресканные выпуклые доски с блестящими гражданами на них! — ответил преступный Вася.

— Караул! — схватился за голову ночной экскурсовод. — Потресканные доски с блестящими гражданами?! Откуда такая темнота? Да это же первые русские иконы. Это истоки живописи. Вот эта блестящая гражданка — это же Владимирская Божья мать. Ее писали еще в древней Византии. Потом она долго хранилась у киевских князей. Потом великий князь Андрей Боголюбский украл ее у киевлян и привез в город Суздаль.

«Ему можно!» — тихо подумал про себя Вася Углов.

— В тихой печали прильнули друг к другу младенец и мать. В сознании русских людей эта икона стала символом славы централизованного русского государства... — он был готов рассказывать об этой иконе часами.

Но тут наступило утро, и Лука Лукич прекратил дозволенные речи.

— Оставьте мне этого подростка на несколько дней, вы не узнаете его! — попросил он Колобка.

— Шеф, — сказал пристыженный Булочкин. — Мне тоже надо остаться на несколько дней, чтобы меня никто не узнавал. Пора менять внешность и набираться знаний.

— Мы все остаемся, — принял решение Колобок. — То есть нет. Мы оставляем этого подростка вам. А сами будем приходить сюда на ночные лекции каждый день. То есть каждую ночь. Днем мы будем на трудовом посту.

— Шеф, — спросил обеспокоенный Булочкин, — а он не убежит?

— Куда он денется! — сказала Колбочкина. — Мы его проволокой к батарее прикрутим.

— Ни за что. Мы не будем его прикручивать. Потому что это остается у нас, — Колобок показал Булочкину фотоаппарат. — И если он смоемся... то есть я хотел сказать, если он скроется, мы немедленно опубликуем фотографию «Преступный

Василий Углов крадет портрет писателя Гаршина». Нашего Василия через пять минут приведут. И никакое тяжкое детство не поможет.

— Еще и отлупят! — радостно сообщила Колбочкина.

— Да? А что я буду делать целый день? — спросил Вася.

— Подметать. Стирать пыль с шедевров. Читать популярную литературу. Проверять билеты, — сказал Лука Лукич.

— Колобок! — вдруг спохватилась Колбочкина. — А вдруг у него в самом деле дома кошка некормленная.

— Да? — спохватился похититель. — И две собаки!

— Колбочкина! Колбочкина! Нет у него никакой кошки.

— Шеф, а почему вы так решили? — спросил Булочкин.

— Очень просто. Помните, когда мы провели обыск, мы не нашли у него ключа от квартиры. Это значит, что у него квартиры нет. Или в ней живет еще кто-то, кто открывает ему дверь.

— Да? — закричал преступник. — А может, у меня ключ под ковриком?! Может быть, я такой весь открытый!

— А тогда вы скажите нам адрес, — предложила Колбочкина, — где ваш этот коврик. Мы поедем и накормим вашу кошку.

— И посмотрим заодно, нет ли там еще каких-либо украденных шедевров, — согласился Колобок.

— Колобок, — признался Вася, — нет у меня никаких украденных шедевров, и кошки у меня нет. А есть только очень строгий старший брат, который может меня очень строго наказать. Лучше я здесь останусь.

Как раз в это время подошел дневной милиционер Спицын, и Колобок сдал ему пост вместе с задержанным Васей.

С тех пор у Колобка, Колбочкиной, Булочкина и задержанного Васи началась новая жизнь. Днем Колобок с бригадой занимался разбором нарушений, мелких преступлений и краж. А вечером они отправлялись в Третьяковскую галерею слушать лекции ночного экскурсовода Луки Лукича Сковородкина.

— Итак, — говорил Лука Лукич, — в этом зале в основном собраны картины художника Брюллова. Что вы можете сказать, глядя на эту картину? Она называется «Всадница».

— Что мы можем сказать? — говорил Вася Углов. — Буржуазная женщина, участница конно-спортивных соревнований, подъехала к ресторану попросить стакан «Фанты» для себя и для своей лошади.

Лука Лукич даже за голову схватился:

— Почему вы так решили?

— Потому что наши женщины таких платьев не носят. И вообще сейчас лошади как средство транспорта отменены. Они только на соревнованиях бывают.

— А зачем лошади «Фанта»? — спросил Булочкин.

— Чтобы она блестела. Лошадей и собак перед соревнованием натирают напитками. Я об этом читал.

— Где вы читали такую ерунду? — спросил Колобок.

— В «Медицинской газете» и в газете «День», — ответил Углов.

— Я вам настоятельно рекомендую читать «Огонек» или другие более приличные издания, — предложил ему Колобок.

— Да при чем здесь «Фанта»? Да при чем здесь «Медицинская газета» и прочая чепуха?! — кричал Лука Лукич. — Перед вами знаменитая картина художника Брюллова, Карла Павловича, — «Всадница». Посмотрите внимательно. Это же просто гимн влюбленного в жизнь художника, пропетый им красоте, юности и радости жизни.

Колобок, Колбочкина и все остальные постояли пять минут и действительно действительность показалась им значительно более интересной. Только Вася Углов ничем не наполнился, а просто сам захотел выпить стакан «Фанты».

— Идем дальше, — говорил ночной экскурсовод. — Сейчас я вам покажу одну из своих самых любимых картин. Она называется «Московский дворик». Нарисовал ее художник Поленов. Как вы думаете, образцом чего может служить этот маленький пейзаж, напоенный светом и теплом?

— Этот маленький пейзаж может служить образцом бесхозяйственности в городском строительстве наших дней, — сказал Углов.

— Почему? — в ужасе закричал Лука Лукич.

— Как почему? — ответил Вася. — На переднем плане помойка. Значит вывоз и уборка мусора не автоматизированы. Рядом, в антисанитарных условиях, вращаются дети. Значит строительство детского сада еще и не начато. А если посмотреть внимательно, что мы видим на заднем плане, напоенном воздухом и теплом?

— Что? — спросили Булочкин и Колбочкина.

— Выстиранное белье, которое сушится на веревке. О чем это говорит?

— О хорошей погоде, — сказала Колбочкина, — раз белье сохнет.

— О том, что люди живут аккуратные, — сказал Булочкин.

— Это говорит о том, что прачечная тоже не работает. Что она не сдана в эксплуатацию.

— А что вы скажете? — спросил Лука Лукич у Колобка. — Вы-то, наверное, больше разбираетесь в искусстве.

— Я могу сказать, что в этом районе хорошо поставлена служба наблюдения за порядком. Милиция и дружинники на высоте.

— Это почему еще? — ахнул Лука Лукич.

— Потому что окна в доме даже на первом этаже не обрешечены. Значит жуликов нет.

— Да как вам не стыдно говорить об этой ерунде, когда вы видите перед собой одну из самых лучших картин Москвы. В интимно-лирической манере изображен кусочек старой Москвы с ее неторопливым патриархальным укладом. Здесь есть ощущение светлой радости бытия. Солнечным светом и воздухом буквально наполнен каждый кубический сантиметр пространства. А синеголубое небо, будто специально промытое к этому дню? Поленов работал над этой небольшой картиной около двух месяцев. А готовился к ней, как говорят в таких случаях, всю жизнь. Эх, вы! А вы говорите, детский сад не построен.

И они переходили к следующему шедевру.

— Что вы скажете об этой картине знаменитого художника Ге?

— Эта картина знаменитого художника Ге изображает разговор

большого человека, может быть, даже директора интерната, с его подчиненным, может быть, учителем младших классов, — предположил Вася Углов.

— Потрясающе! — воскликнул Лука Лукич. — А что вы можете добавить к этому блестящему наблюдению? — спросил он у Булочкина.

— Что разговор происходил в красном уголке, — сказал Булочкин.

— Почему?

— Потому что скатерть красная.

— А что вы скажете? — спросил Лука Лукич Колбочкину.

— А то и скажу, что этот директор очень похож на артиста Симонова Николая, который всегда Петра Первого в кино играл.

— Уже теплее, — сказал Лука Лукич. — Потому что это и есть Петр Первый. А картина называется «Петр Первый допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе».

— Я так и думал! — сказал Колобок. — Расскажите об этой картине поподробнее.

И Лука Лукич завел рассказ на полночи о Петре Первом, о его неудачном сыне, об их конфликте, о побеге царевича за рубеж. И тут наступило утро, и Лука Лукич прекратил дозволенные речи. Третья ночь преступника Углова заканчивалась.

Прошел день. Наступила четвертая ночь. В эту ночь внимание Луки Лукича было остановлено на трех картинах. Первая из них — картина художника Максимова «Все в прошлом». Он сказал:

— Прошу высказываться.

Первым, как всегда, стал высказываться Вася Углов:

— В картине художника Максимова, которую мы видим перед собой, в ярких фиолетово-розовых тонах пропет гимн пожилому возрасту в доме престарелых в светло-весеннее время. На переднем плане — передний план, который изображает женщину в переднике. Это бывшая передовичка чулочной фабрики.

Потому что она никак не может остановиться и до сих пор вяжет чулок.

— Чудесно! Нечего сказать! — воскликнул Лука Лукич. — А что вы добавите? — спросил он у Булочкина.

— Что проживающие в доме недовольны. У них плохое настроение.

— Это почему еще?

— Потому что на втором плане у них клуб на ремонте. Кино не показывают. Они скучают.

— Ишь ты, скучают! — сказала Колбочкина. — А может быть, у них телевизор цветной все показывает. А может быть, у них масовик-затейник из молодых да ранний. А может быть, им художественную самодеятельность показывают, этим двум бабушкам.

— Нет, — сказал Колобок. — Это не дом престарелых. Это старинная картина про помещиков. Тогда престарелых не было.

— Шеф, — спросил Булочкин. — А как вы расследовали, что эта картина про помещиков?

— Дом старинной архитектуры, стиля деревенского барокко. Медный самовар с серебряным кофейником, дулевский фарфор на столе.

— Почему вы видите только детали, а не видите картины в целом? Почему вы не видите настроения? — закричал Лука Лукич. — Ведь это картина не о кофейниках и самоварах. Это картина о прожитой жизни. О былом богатстве и беспечности, о жизни в окружении крепостных слуг и мастеров. Мы видим пожилую аристократку в чепце и длинном платье с интеллигентным и строгим лицом. А рядом с ней другую старую женщину в несколько уродливой позе. Одна из них погружена в мысли, а другая погружена в работу. А жизнь в лице зеленой травы и сиреневой сирени продолжает жить и бить ключом. Здесь налицо трагедия, а вы говорите «дом престарелых, клуб на ремонте»!

Вторая картина была «Неизвестная» художника Крамского. Об

этой картине никто особенно не высказывался. Все просто смотрели на нее, выпучив глаза.

— Вот это здорово! — сказал Булочкин. — Я бы тоже хотел быть художником!

— Это зачем? — удивилась Колбочкина.

— Я бы нарисовал нашего шефа тоже в такой же коляске, в такой шубе и с таким же выражением лица. «Мол, преступники, я вас всех насквозь вижу!»

— А я эту девушку видел в «Огоньке», — сказал Вася Углов. — Я еще тогда в «Огонек» письмо написал: давайте переписываться, меня зовут Вася.

— Ну и что? — спросил Колобок.

— Не ответила.

— Эта картина — буквально жемчужина Третьяковской галереи, — сказал Лука Лукич. — Многие люди едут сюда к нам из-за рубежа, чтобы посмотреть на нее. Одна эта картина сделала художника Крамского знаменитым. А ведь он написал много других шедевров. Но пора идти дальше.

Лука Лукич с трудом оторвал ночную экскурсию от «Неизвестной» и перешел к картине художника Серова «Девочка с персиками».

— Смотрите. Трудно назвать в русской и мировой живописи другое произведение, которое вызывало бы такие светлые, радостные чувства. Смуглолицая девочка-подросток с живыми глазами. За окном весенние тона. Чистый цвет, нежные переливы розовой кофточки. Все это создает образ светлой юности. А эта девочка... Вы знаете, чья она дочь?

— Мне кажется, это дочь большого начальника.

— Почему?

Вася Углов подошел к картине и указал на персики:

— Вот почему. Не догадываетесь?

— Ни капельки! — ответил Лука Лукич.

— За окном весенние тона, а здесь персики. Ведь не сезон.

— При чем тут персики?

— А при том, что их доставили в не сезон самолетом, значит,

девочка — дочь большого начальника. Может быть, директора овощного магазина, а может быть, даже овощной базы.

— Нет, эта публика загонит меня в гроб! Это же дочка Саввы Мамонтова — известного русского любителя искусств. Он столько художникам помог, столько талантов вывел в люди, сколько ни одному начальнику овощной базы и не снилось.

Он бы еще долго рассказывал об этой картине и о меценате Савве Мамонтове, но тут наступило утро, и он прекратил дозволенные речи.

Так продолжалось пять дней... десять... пятнадцать. Дело близилось к финалу. Больше картин в галерее не оставалось. И тут случилось ЧП.

Однажды вечером, как всегда после дневной работы, Колобок, Булочкин и Колбочкина, которых уже несколько пошатывало от большого количества искусства, проникшего в их головы, подошли к Третьяковской галерее.

— Караул! — встретил их Лука Лукич. — Преступник пропал. И картину унес.

— Не может быть! — ахнул Колобок. — Ведь он почти перековался.

— Почти не считается. Значит мы его не доковали. А вот он нас докует. Все, нам больше его не видать.

— Как не видать! — вскричал Колобок. — Да мы его в два дня отыщем. Да у нас же фотография есть 6 на 9. Не зря же мы его снимали на месте преступления.

— Конечно, не зря! — вскричал Булочкин. Он сразу вспомнил, как он вместе с ребятами держал шар земной. И тут же решил проверить при случае — не упал ли он.

— Колбочкина! — скомандовал Колобок. — Немедленно в лабораторию. Немедленно проявить пленку и напечатать сто фотографий. Булочкин, — продолжал он. — Приготовить текст: «Сбежал не очень опасный преступник, похитивший картину...» Как она называется?

— «Стакан с тремя розами», художник Чижиков-младший.

— «...Просим его задержать и вернуть в Третьяковскую галерею вместе с картиной».

— Будет сделано, шеф! — в один голос сказали Колбочкина и Булочкин.

— А я пока пойду по следу, — сказал Колобок. — Встречаемся здесь через три часа.

Три часа пролетели как три минуты. Колбочкина проявила пленки и напечатала фотографии. Булочкин напечатал на старинной машинке Колобка текст, и они развесили фотографии во всех прилегающих к Третьяковской галерее местах. И скоро вся группа подтянулась ко входу в галерею.

Там были: милиционер Спицын, ночной дежурный Сковородкин, Булочкин, Колобок, Колбочкина.

— Я обзвонил все комиссионные магазины, чтобы картину не продали, — сказал Колобок, — и все таможни, чтобы картину не вывезли за рубеж.

— Может быть, начнем бить большую всесоюзную тревогу! — предложил милиционер Спицын.

— Подождем! — возразил Колобок. — Незачем беспокоить всю страну. Справимся собственными силами.

— Смотрите! — вдруг вскричала Колбочкина. — Идет.

Все посмотрели в ту сторону, куда она показала, и в самом начале Лаврушинского переулка увидели Васю Углова с двумя свертками.

— Будем брать! — напружинился железный мягкий Булочкин.

— Не будем! — остановил его Колобок.

— Намек понял, — сказал Булочкин.

— Это не намек. Это приказ! — поправил его Колобок.

Тем временем Вася Углов одолел переулок и направился ко входу в Третьяковскую галерею. Наших он не видел, они стояли в стороне, в кустах. Он увидел только экскурсовода Сковородкина:

— Лука Лукич! — бросился он к экскурсоводу. — Это вам.

Он протянул ему картину «Стакан с тремя розами» и насто-

ящий стеклянный стакан с тремя розами. Их было практически невозможно отличить.

— Это вам, — сказал Вася Углов. — За ваш титанический воспитательный труд. Я никогда не забуду ваши лекции в светлых аквамариновых тонах, ночной набегающей темноте, когда синее романтически переплетается с зеленым и черным. Я теперь вижу мир по-другому. Вот скажите — что это?

— Это огнетушитель! — сказал Лука Лукич.

— Нет, это красный предмет на желтой стене. Это праздничное видение мира. Это радостный гимн пожарным и мощный оранжево-зовущий протест против огня!

— Bravo! — сказал Колобок, выходя из кустов. — Я поздравляю тебя, Вася. Отныне ты — свободный человек. У тебя нет ни задержаний, ни приводов, ни судимостей. Желаю тебе большого художественного счастья!

— А что? — закричал Вася. — Я теперь новую жизнь начну. Я в художники пойду, в скульпторы. Да знаете ли вы какой я умелец. Да я скульптуру любого ключа умею сделать от любого сейфа! Только теперь я со старым завязал. Я теперь — другой человек.

И счастливый, он пошел вдаль по направлению к училищу скульптурной культуры имени скульптора Юлии Устиновой.

— Шеф, — спросил Булочкин. — Но вы же говорили, что его сразу задержат по нашим фотографиям. А никто его не задержал. Почему, шеф?

— Булочкин, Булочкин! Разве вам непонятно? Ведь на той фотографии у него мрачное лицо преступника, нарушителя, хулигана. А сейчас — это же другой, светлый и чистый человек. Ничего общего! Понятно вам? Вот никто его и не узнал! И не мрачнейте так.

— Шеф, но у нас падают цифры задерживаемости и раскрываемости.

— Булочкин! Главное не цифры. Главное человек! А если вам так нужны цифры — заведите себе новую графу — перевоспитываемость.

— Шеф, это же выход! — радостно сказал Булочкин. И глаза его наполнились счастьем.

И зазвучала их походно-рабочая песня:

Колобок идет по следу,
Верим мы в его победу.
Если мы задумали преступника схватить,
Дорого преступнику придется заплатить.

Следствие четвертое

ОПЕРАЦИЯ «БРАКОНЬЕР»

Неотложный Пункт Добрых Дел. Именно это место стороной обходят самые отпетые бандиты и самые опытные нарушители трудовой и бытовой дисциплины. Потому что здесь работает сам Колобок — гроза преступного и нарушительского мира.

Вместе с ним славно трудится его верный и военизированный зам по хоз. и следств. работе Афанасий Булочкин. Сегодня он крупно занят хозяйственно-воспитательной деятельностью. Он растапливает камин рогатками.

Ему помогает лаборантка с подметальным уклоном Колбочкина. Она бросает в камин игральные карты, конфискованные у преступного мира. То и дело звонит телефон. Но Булочкин не спешит к нему подходить.

— А чего спешить? — объясняет Колбочкина. — Завтра мы всем нашим здоровым коллективом уходим на заслуженный отдых на 24 дня. А к нему подойдешь, тебе и сообщат... что где-то ограбили банк или украли верблюда. И прощай 24 дня отпуска, будет 24 дня поиска. «Если мы задумали преступника схватить, дорого преступнику придется заплатить».

Снова звонит телефон. И тут в комнате возникает Колобок. Он всегда неожиданно и тихо возникает в разных местах, будто его телепортировали сюда из другого конца света.

— Эх, Булочкин, — говорит он осуждающе. — Люди нашей

профессии должны гоняться за событиями, а не бегать от них. Вот вы сейчас не взяли трубку, а может быть, на том конце провода было ваше главное следственное счастье.

— Тоже мне, счастье! — иронически говорит Колбочкина. — Все время звонит какой-то тип и спрашивает: «Колобок ушоци? Колобок еще не пришоци?» Ерунда какая-то.

— Эх, Колбочкина, Колбочкина! Настоящий специалист по двум предложениям может многое узнать и понять. А понять — это значит раскрыть. Если человек говорит: «Пришоци, ушоци», значит он из Калининской области. А еще точнее из Вышнего Волочка. А в Вышнем Волочке есть большая тонкосуконная фабрика. Понятно?

— Не совсем, — ответил заинтересованный Булочкин.

— Много вы видели тонкого сукна, Булочкин?

— Совсем не видел. Я целый год ищу тонкое сукно себе для шинели с погончиками. Только на два погончика нашел.

— Вот и получается — фабрика есть, а сукна нет. Что это значит?

— Хищения?! — поразился Булочкин.

— Растаскивание государственного имущества, — возмущенно дала оценку этому Колбочкина.

— Вот то-то! — примирительно сказал Колобок. — А вы говорите «ушоци», а вы говорите «тип».

И тут снова зазвонил телефон.

— Пришоци, пришоци наш кругленький, — радостно прокричала Колбочкина. — Сейчас будем разоблачать.

— Нам не надо разоблачать, — сказал Колобку голос по телефону. — Нам надо помогать.

— А что у вас случилось?

— У нас браконьеры и туристы природу губят.

— Так вы обратитесь в милицию, — посоветовал Колобок.

— Э, уважаемый! Какая там милиция! У нас один милиционер на сто квадратных километров. У нас на милиционера надо, как на холодильник, открытку посылать.

— А много вреда от туристов?

— Очень много. Они костры жгут, сети ставят, динамитом рыбу глушат. Просто диверсанты.

— А где туристов больше всего?

— Да на Голубом озере.

— Все, — сказал Колобок. — Заказ принят. Мы выезжаем. Встречайте нас завтра на вечерней заре около берега, товарищ военный пенсионер.

— Ой, — сказал голос по телефону. — А как вы догадались, что я военный пенсионер?

— Очень просто, — ответил Колобок. — У нас о природе больше всего пенсионеры беспокоятся. А про диверсантов только военные сейчас говорят. Правильно я рассуждаю?

— Так точно, товарищ Колобок. До встречи у озера.

Колобок положил трубку и стал ходить по комнате из угла в угол, как вождь небольшой колониальной державы. Одновременно он отдавал распоряжения.

— Так, — говорил он, — берем палатку, спички, надувные матрасы, радиопереговорное устройство и...

— Гранаты, — добавил Булочкин.

— Консервы, — поправил его Колобок. — И выезжаем.

— Как я и говорила, — сказала Колбочкина, — вместо 24 дней отпуска у нас будет 24 дня поиска.

Вышний Волочек славится своей историей, своими каналами и своими озерами. Там всегда хорошая погода — и зимой, и летом, и в дождь, и в снег, и в мороз, и в слякоть, и в град, и в бурю. Потому что там леса, вода и луговые русские просторы. И все это привлекает большое количество туристов и еще большее количество интуристов. На озерах построено много гостиниц — две, много кафе — три и много кинотеатров — один.

Но Голубое озеро особое, заповедное. Туда туристов не пускают. На их пути стоит грозное препятствие — шлагбаум. Недавно какие-то хулиганы распилили его на дрова.

В лесу царит тишина. Вы слышите тихое пение, это поют соловьи.

Вы слышите плеск волн, вы слышите шум листьев. А это что? Пение соловья постепенно заглушается другой совсем не тихой песней.

Ах, до чего ж за городом
Прекрасно и красиво
От свежего от воздуха
Кружится голова.
В одной авоське — колбаса,
В другой авоське — пиво,
Вокруг растут березы
И прочие дрова.

Дружина и милиция
Нас в жизни не осият,
И люди деревенские
Недаром говорят:
«Поставь от них заборы,
Они их перепилят,
Пусти на них собаку,
Они ее съедят».

Нет ничего прекраснее
Природы среднерусской,
Когда у вас есть топоры,
И динамит, и тол.
Там будет речка за бугром
С прекрасною закуской,
Глуши ее, души ее,
Тащи ее на стол.

Дружина и милиция
Нас в жизни не осият,
И люди деревенские
Недаром говорят:
«Поставь от них заборы,
Они их перепилят,
Пусти на них собаку,
Они ее съедят».

Мы не должны ждать милости
От матушки природы.
Должна природа-матушка
Сама давать доход,
Трещите, трепещите,
Сады и огороды —
Туристы-гитаристы
Отправились в поход.

Не знаю, как там сады и огороды, но я при звуках этой песни начинаю трепетать всерьез. Давайте же познакомимся с исполнителями, подойдем к ним поближе.

— А чего с нами знакомиться? Зачем к нам подходить? Мы — простые вышневолоцкие люди.

— А что у вас, ребята, в рюкзаках? Нет ли у вас там динамита и сетей?

— Это не твое дело.

— Будешь много знать — скоро состаришься!

— Иди отсюда, пока цел!

— Как дам по очкам!

Ничего себе публика. И так они разговаривают с автором! Ну, ничего, есть и на них управа.

Колобок идет по следу.
Верим мы в его победу!
Если он задумает преступника схватить,
Дорого преступнику придется заплатить.

Как раз в это время гроза нарушителей и браконьеров тоже приближался к месту действия в составе небольшой оперативной группы: он сам, Булочкин, Колбочкина и военный пенсионер тов. Картонкин.

Колобок в этот раз был одет просто, без всяких фасонов. Китайские кеды на босу ногу, защитная плащ-палатка и большая зеленая шляпа. Булочкин как всегда был военизирован. Колбочкина была в спортивных брюках и в телогрейке, будто она оделась не на природу, а на овощную базу.

Судя по влажному запаху, озеро приближалось. На пути попался очередной шлагбаум. Его еще не успели спилить на дрова. Более того, он был свежеекрашен, и на нем висел большой плакат-лозунг:

**«МЫ ПРИВЕТСТВУЕМ ВСЕХ УЧАСТНИКОВ
РЫБНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ»**

— Интересно, — сказал Колобок, — кто этот лозунг написал? «Мы приветствуем», кто это «мы»?

— Шеф, — сказал Булочкин. — Я знаю кто это «мы». «Мы» — это те, кто написал лозунг.

— Булочкин, Булочкин, я это и без вас знаю. А кто эти «мы»?

— Группа товарищей, вот кто! — нашлась сметливая Колбочкина.

— Группа товарищей приветствует тогда, когда один товарищ умер. А здесь все здоровы и даже рыбу ловят, — отпарировал Колобок.

— Шеф, а стоит ли ломать голову над этой странной одиночной загадкой? — спросил Булочкин. — По-моему, нет.

— А по-моему — да, — сказал Колобок. — Потому что эти одиночные загадки попадают на каждом шагу. Вон видите, еще одна одиночная загадка.

Все посмотрели в направлении, указанном Колобком, и увидели лозунг:

«ВЫШЕ ЗНАМЯ НАШИХ ПОЛЕЙ И ЛЕСОВ»

— Вы когда-нибудь в жизни встречали знамя полей и лесов? Какого оно цвета? Какой оно формы? Треугольное, квадратное, круглое? И что значит выше? На десять метров? На один метр? Или его надо чуть-чуть приподнять, сантиметров на десять?

— Шеф, — сказал Булочкин. — Я знаю, надо взять средне-арифметическое.

Тут в разговор вмешался военный пенсионер тов. Картонкин.

— Тихо! — сказал он военным голосом. — Ползком вперед, шагом марш!

Бригада Колобка залегла и поползла.

— А почему ползком? — спросил Колобок ползя... то есть скользя... то есть двигаясь по-пластунски. — Почему?

— Мы можем спугнуть браконьеров. А они вооружены.

— Мне кажется, лучше их сразу и спугнуть, — сказала Колбочкина, — а то ведь они нас этим оружием перестрелять могут.

Но спугивать никого не пришлось. Впереди гремела музыка, раздавались песни. Шел рыбно-спортивный праздник. Играли вальс «Амурские волны», песню «С утра сидит на озере веселый рыболов» и все песни композитора Рыбникова.

Колобок вместе со своим отрядом подошел к гуляющим и спросил:

— По какому поводу гуляем, граждане? По какому случаю?

— По случаю Дня рыбака.

— По поводу рыбных соревнований.

— А почему соревнования в заповедной зоне?

— А потому что так решил товарищ Объезжалов.

Колобок запомнил эту фамилию. И пошел дальше. Он подошел к группе охотников.

— По какому случаю стреляем, товарищи охотники? По какой дичи? Ведь охота запрещена.

— По случаю Дня рыбака. Запрещена охота на птиц и зверей, а мы стреляем по рыбе.

— Кто же это так остроумно решил?

— Как кто? У нас один решающий — тов. Объезжалов.

Колобок еще раз запомнил эту фамилию. И снова двинулся со своим отрядом и с пенсионером Картонкиным. На берегу Голубого озера стоял плавучий домик с видом на озеро. Из окна домика доносился запах свежеежареной рыбы и вылетала громовая музыка. А от причала домика шла почти до середины озера цепочка поплавков. Кто-то поставил сеть. Около сети крутился какой-то товарищ, вернее гражданин. В синих трусах с лампасами.

— Гражданин, гражданин! — подозвал его Колобок. — Подойдите сюда. Вы арестованы.

— За что?

— За установку сетей в заповедной зоне.

— Да? — возмутился гражданин-товарищ. — А у меня разрешение есть от самого товарища Объезжалова. К нам на соревнование приедет комиссия из центра. Мы должны накормить ее всеми видами рыб, которые водятся в наших угодьях.

— Но если у вас будут рыбные соревнования, рыбные спортивные наловят рыбу. И можно ею накормить комиссию.

— А если не наловят? Мы не должны ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача. Так говорит товарищ Объезжалов.

— Колобок, — вскричала эмоциональная Колбочкина, — откудова им поймать рыбу, когда некоторые ставят сети?

Тут не выдержал военный пенсионер тов. Картонкин:

— А ну, позвать сюда этого Объезжалова! Если он, конечно, не ушоци.

— Никуда он не ушоци. Он отдыхаючи.

— Позвать его сюда. Мы сдадим его в милицию.

— В какую такую милицию? — сказал человек в трусах с лампасами. — Милиция — это я.

Он поднял с помоста милицейскую фуражку и надел на голову. Теперь, в фуражке и в трусах с лампасами, он сразу стал похож на представителя власти... в трусах и в фуражке.

— Так что идите отсюдова, пока я вас самих не арестовал.

— Ничего себе! — сказала потрясенная Колбочкина. — Некоторые на милиционера открытки посылают, а у некоторых есть личные милиционеры-рыбаки.

— Да вы знаете кто перед вами! — вскричал Булочкин. — Да это же сам Колобок. Немедленно позовите вашего Объезжалова товарища.

Тут в окошко плавучей гостиницы высунулся кучеряво-лысоватый товарищ лет сорока с хвостиком и сказал:

— Это кто хочет поговорить с товарищем Объезжаловым?

— Мы хотим! — смело ответил Колобок.

— Кто это мы? Из какой вы организации?

— Мы из организации НПДД.

— Это что-то железнодорожное?

— Нет, это неотложно-доброе.

— Тогда вы неотложно запишитесь ко мне на прием. Может быть, я вас приму в первом месяце второго квартала.

— А теперь вокруг! — скомандовал человек в трусах с лампасами. — Из заповедной зоны шагом марш!

— Колобок! — вскричал отчаянный Булочкин. — Давай возьмем их штурмом!

Военный пенсионер товарищ Картонкин удержал его.

— Нет! Штурмом мы их не возьмем. Мы возьмем их военной хитростью.

Но Колобок был не согласен.

— Нет, мы не будем брать их военной хитростью. Мы возьмем их народным гневом.

— Колобок! — сказала Колбочкина. — А где мы возьмем народный гнев? Тут и народа-то нет, одни туристы-гитаристы.

— А что? Туристы-гитаристы такие же люди, как и мы, только плохие. Если мы с ними поговорим как следует, они нам помогут.

— Шеф, — предложил Булочкин. — завтра будет рыбный праздник, народное гуляние, вот мы и обратимся к людям, вызовем народный гнев.

— Завтра все будут веселиться, и мы можем вызвать этот гнев на себя. Надо действовать сегодня.

Летучий отряд Колобка двинулся к стойбищу туристов-гитаристов. Там вовсю кипела жизнь: горели костры, ставили палатки, работали все радиостанции.

Колобок не стал терять времени даром. Он вскочил на ближайший пенек и произнес:

— Друзья!

— Тамбовские волки тебе друзья! — нестройно ответили туристы.

— Товарищи!

— Сибирские медведи тебе товарищи! — опять отозвались туристы.

— Верно! — вдруг согласился Колобок. — Тамбовские волки и сибирские медведи — это мои товарищи. Вся природа, все звери — мои товарищи. Да и ваши тоже. Они вас любят, они на вас надеются, они тянут к вам ручонки... с просьбой защитить.

— Какие ручонки! — сказал кто-то из туристов. — У них же лапы!

— Правильно, — подхватил Булочкин. — Правильно говорит этот товарищ с топором. У них лапы. Поэтому они тянут не ручонки, а лапчонки.

— И они говорят нам: «Друзья, на нас надвигаются ваши

новостройки, ваши дороги и фабрики, ваши школы и детские сады, в которых учатся и отдыхают ваши дети. А где учиться и отдыхать нашим детям?»

— Как где? Вон сколько у нас просторов, — сказал другой турист.

А Колобок подхватил: — Правильно, правильно говорит этот товарищ с пилой. Правильно, но неверно. Никаких почти просторов не осталось. Осталось лишь немного заповедников. Да и то есть отдельные отсталые начальники, которые нарушают заповедность заповедных мест. Они проводят там праздники, соревнования и даже ставят сети. Вон, видите сеть на половину озера.

— Так что завтра рыбы не будет и вы своим динамитом будете глушить не рыбу, а лесных комаров, — сказал военный пенсионер Картонкин.

— Хотите вы, чтобы на озере была рыба, а в лесу звери?

— Хотим! — закричали туристы.

— Хотим! — закричали рыбаки и охотники.

— Хотите ли вы нам помочь?

— Хотим!

— Есть у вас карты?

— Конечно есть! — вскричали туристы. — Вот они. Тридцать шесть штук — полная колода.

— Мне нужны карты местности! — ответил Колобок.

— Карты местности есть у меня, — сказал военный пенсионер Картонкин и раскрыл свою кожаную планшетку.

Они с Колобком на полчаса погрузились в карты. При этом они обменивались какими-то совершенно непонятными словами: «Ландшафт... пересеченная местность... горизонт... энтузиасты с веслами» и так далее.

— Все! — сказал наконец Колобок. — Решение созрело. Нам необходима лодка и два энтузиаста с веслами. Есть среди вас такие?

— Лодка есть, — ответили туристы, — весла есть, а вот энтих... зиастов нет. Кто это такие?

— Энтузиаст — это значит желающий, — объяснила Колбочкина.

— Это мы все желающие... смотря чего желать.

— Мне нужны помощники. Два помощника с веслами, — еще раз объяснил Колобок. — Будет небольшой заплыв километров на десять.

— Шеф, — удивился Булочкин, — а куда плыть-то? Озеро же круглое.

— Это озеро проточное! Сквозь него проходит речка Черная.

— Итак, товарищи туристы, — сказал Колобок теплым голосом. — Товарищи бывшие нарушители. Объясняю план действий. Ночью два энтузиаста с веслами, прикрываясь линией горизонта, воспользовавшись плавсредствами, плывут по водному ландшафту.

— Товарищ Колобок! — взмолились туристы. — Можно по-простому, по-народному?

— Можно. Ночью двое желающих с веслами незаметно подплывают на лодке к концу сети и закрепляют сеть на корме. И начинают тихо грести к выходу из озера к Черной речке. Так понятно?

— Так понятно.

— Один самый закаленный в трудах и походах человек...

— Это я! — вскричал военный пенсионер тов. Картонкин.

— Это вы... тихонько подкрадывается к причалу дома рыбака и отвязывает концы от берега. Ясно?

— Так точно.

— Остальные энтузиасты... то есть энту-туристы, берут длинные багры и шесты, встают вдоль берега Черной речки, и когда дом рыбака поплывет мимо, они будут изо всех сил...

— Колотить пассажиров шестами по голове!!!

— Ни в коем случае! Будут отталкивать плавучую гостиницу от берегов.

— Чтобы они, счастливые, скрылись в поворотах нашей матушки Тверцы! А потом затерялись в просторах нашей бабушки Волги, — поразилась лаборантка Колбочкина.

— Ни в каких просторах тетушек и бабушек они не скроются. Об этом уж лично позабочусь я сам.

— Ну, если сам.

— Если сам Колобок позаботится! — успокоенно заговорили туристы. — Второй раз заботиться уже не придется. Спасибо тебе, Колобок!

И вот наступил вечер. А потом и долгожданная ночь. Товарищ Объезжалов отдыхал. Его сон охранял человек в милицейской фуражке и в трусах с лампасами. На этот раз на нем была еще надета телогрейка с погонами.

— Эй, товарищ Самоваров, как там на посту. Все тихо?

— Все тихо. Спите, наш дорогой руководитель.

— А что это, я слышу — весла поют.

— Это не весла поют, это соловьи скрипят.

— Это хорошо, когда соловьи скрипят.

И он засыпал дальше.

— А что это, товарищ Самоваров, мне кажется, будто наш домик качается.

— Это не домик качается, это озеро раскачивается. Рыбы в нем много, вот она играет.

— Это хорошо, когда рыба играет. Доиграется. А рыбацкий домик все плыл по озеру к устью Черной речки. Колобок плыл в лодке с гребцами.

— Колобок, Колобок, мы устали, — говорили гребцы.

— Эх, вы. Давайте весла мне.

И Колобок, играя железными мышцами, повел лодку сам. И вот уже лодка вышла на широкий простор реки Тверцы, а за ней выплыл и рыбацкий домик с сетью. В домике крепким сном спали два человека: начальник — товарищ Объезжалов и его верный помощник и сопроводитель — товарищ Самоваров.

— Все, — сказал Колобок двум туристам-энтузиастам, — плывите обратно.

— А вы?

— А у меня еще есть дела. Мне срочно надо позвонить по телефону одному приятелю. Мы с ним вместе учились на юридическом факультете.

Неожиданно для всех Колобок вывалился за борт и широкими гребками направился к широкому берегу широкой реки.

И вот к удивлению заспанных телефонисток сельской телефонной станции Колобок вошел в помещение.

— Девушка, дайте мне быстро Торжок.

Заспанные девушки недовольно заволновались:

— Сначала надо просохнуть, потом поздороваться, потом конфеты подарить, а уж потом Торжок заказывать.

Но когда они узнали, кто перед ними, они без лишних слов соединили Колобка с городом.

— Алло, это Торжок? — спросил усталый Колобок.

— Торжок, — ответили те телефонистки.

— Дайте водную милицию.

— Алло, это водная милиция? Дайте Матвееенко.

— Алло, это Матвееенко? Это Колобок говорит. Слушай Матвееенко, как у тебя с планом по браконьерству?.. Не дотягиваешь? Десяти процентов не хватает? Вот что, высылай на реку ребят, к тебе эти десять процентов сами плывут. С огромной сетью. Понял. И передай им привет. От кого? От Колобка, разумеется.

Довольный и счастливый Колобок положил трубку и запел свою любимую антипреступническую песню:

Если мы задумали
Преступника схватить,
Дорого преступнику
Придется заплатить.
Поняли преступники —
Кончена игра,
Надо им, преступникам,
Выйти со двора.
Мчат по переулочкам, не жалея ног,
Колбочкина, Булочкин и Колобок.

Следствие пятое

ПРОПАЖА БЕЛОГО СЛОНА...

Неотложный Пункт Добрых Дел.

За этой суровой надписью скрывается довольно уютная комната. И если бы не микроскоп на столе, не радиотелефон, ни за что нельзя было бы догадаться, что здесь работает известный детский детектив — Колобок.

В соседней крошечной комнате размером с чемодан разместились вся погруженная в химию и фотографию лаборантка Колбочкина. Ее работа — отпечатки, фотоснимки, справочные данные.

Все при деле. Колобок изучает «Основы арифметики». Колбочкина готовит чай на спиртовке. Булочкин отвечает на телефонные звонки. Он говорит:

— Аппарат Колобка у аппарата.

— Аппарат, аппарат! — в трубку говорят сразу два старушечьих голоса. — У нас во дворе какие-то варвары в футбол играют. Не дают нам белье сушить. Примите меры. Вы слышите?

— Булочкин слушает.

— Булочкин их скушает! — удовлетворенно говорит одна старушка другой и кладет трубку.

— Кто звонил? — спросил Колобок.

— Какие-то бабушки.

— Что хотели?

— Хотели сушить белье. А им кто-то мешает.

— Как в деревне! — сердито передразнил Колобок. — Какие-то бабушки! Кто-то мешает! Пожалуйста, когда берете трубку, первым делом представляйтесь. А потом спрашивайте, кто вам звонит.

Телефон зазвонил снова. Колобок сам взял трубку:

— Алло, Колобок вас слушает. С кем я говорю?

Выслушав ответ, Колобок встал навытяжку:

— Так точно. Будет выполнено.

— Это кто, генерал? Посылает на задание?

— Это бабушка. Посылает в магазин. Прошу подежурить за меня. Вы, Булочкин, остаетесь за старшего.

Колобок надвинул кепку на лоб, поднял воротник плаща, взял авоську и пошел.

Булочкин немедленно сел за его стол и открыл «Основы арифметики». Но не успел он прочитать и первой главы «Сложение слагаемых», как пришли посетители. Вернее, прибежали в избу дети. Булочкин даже не успел им представиться, как они закричали:

— А у нас что-то случилось, произошло.

— Что-то свалилось и ушло.

— Спокойно! — приказал Булочкин. — Давайте по порядку. Что у вас произошло? Куда это свалилось? И почему оно ушло?

— Нам всю детскую площадку кто-то разломал.

— Кто разломал?

— Мы не видели. Мы попрятались.

— Совсем ничего не видели?

— Кое-что видели, — сказали дети.

— Я сидел за забором и видел четыре колеса, — сказал самый маленький.

— А я была в собачьей будке и видела крылья.

Лаборантка Колбочкина решила вмешаться в разговор:

— Ребята, вот вам карандаш, бумага. Нарисуйте каждый, что видел.

Ребята уселись вокруг стола Колобка и зарисовали. Видно

документальная живопись давалась им с трудом, потому что они рисовали целый час. Но в конце концов рисунки были готовы. Малыши попрощались и ушли.

— Спасибо! — сказал им вслед Булочкин. — Вы оказали следствию неоценимую услугу.

Он немедленно приступил к составлению из отдельных кусочков загадочного летающего предмета. Лаборантка Колбочкина ассистировала ему.

Он морщил лоб, перекладывал рисунки так и эдак и рассуждал:

— Так, четыре колеса. Четыре пушки, направленные вниз. Шланг для дозаправки топливом в полете. Два крыла.

— Что же получается? — спросила Колбочкина. — Раскройте мне скорее глаза.

— Получается неопознанный летающий объект типа «ЛЕТАЮЩИЙ БУЛЬДОЗЕР», предназначенный для ломания детских игровых площадок.

— Откуда? — спросила пораженная Колбочкина.

Булочкин показал пальцем вверх:

— Инопланетянина.

Как раз в эту минуту в НПДД вошел Колобок. Взглянув на рисунки, он все сразу понял:

— Это не инопланетянина! Это бестолковщина! Эх, Булочкин, Булочкин, сами вы неопознанный летающий объект типа «бульдозер», предназначенный для ломания дров.

Он быстро переставил рисунки местами и потрясенные Булочкин и Колбочкина увидели, как «летающий бульдозер с дозаправкой в воздухе» превратился в обыкновенного слона. Причем слон, как мухами, был окружен большими воздушными шарами.

— Что же это получается? — рухнул на стул Булочкин.

— Получается очень интересное дело, — Колобок достал из стола тоненькую картонную папку и написал на ней: «ДЕЛО О ПОХИЩЕНИИ БЕЛОГО СЛОНА ИЗ МОСКОВСКОГО ЗООПАРКА».

— Ну, это вы хватили, шеф! — возразил Булочкин. — Я в газетах ничего не читал и по радио ничего не передавали.

Колобок включил радиоточку и она сразу сказала:

— Внимание, внимание. Происшествие в Московском зоопарке! К сведению граждан, из зоопарка пропал слон. Будьте осторожны со слоном. Если вы что-либо знаете о расположении слона, сообщите нам немедленно. Не дразните слона, не кидайте в него разными предметами. Категорически не рекомендуется использовать слона на сельскохозяйственных работах. Школьники, если слон оказался у вас, не скрывайте его, а приведите обратно в зоопарк. Слоны — не игрушка. Передаем особые приметы слона: левое ухо больше правого, на нижний передний зуб надета золотая коронка. Передаем погоду на сейчас. Ветер северный, температура семь градусов, местами ниже нуля.

После этого сообщения Булочкин встал перед Колобком на вытяжку:

— Шеф, какие будут конкретные распоряжения?

— Немедленно отправляйтесь в Московский зоопарк, в отдел кадров, поздоровайтесь и попросите документы на слона. Личное дело. Родословную. Фотографии три на четыре в профиль.

— Три на четыре метра, шеф?

— Три на четыре сантиметра, мы их раздадим всем помощникам.

— Шеф, а если мне не дадут личное дело?

Вместо ответа Колобок достал из ящика стола спецпистолет, стреляющий палочками с присосками на конце. Причем палочки были на леске и их можно было притягивать обратно.

Колобок прицелился в книгу, стоявшую на другом конце комнаты, и выстрелил в нее. Присоска прилипла к обложке. Колобок покрутил маленькую ручку на корпусе пистолета и притянул книгу к себе.

— Поняли намек, товарищ Булочкин?

— Так точно, шеф.

Булочкин получил пистолет, расписался в получении оружия и удалился в сторону зоопарка.

Только он ушел, как снова прибежали в избу дети.

— Дядя Колобок, а у нас снова случилось. К нам гражданин прилетел на воздушных шарах.

— Где он? — спросил Колобок. — Введите.

— Он там на площадке, на проводах висит.

Колобок открыл ящик стола, схватил другой спецпистолет, на ходу расписался в книге о выдаче оружия, крикнул Колбочкиной: «Принимайте дежурство», вскочил в седло мотоцикла с коляской и помчался в сторону поломанной детской площадки.

Над детской площадкой был салют. В проводах качался человек в окружении воздушных шаров. При каждом качании провода касались друг друга, и сыпались разноцветные искры.

Колобок спрыгнул с мотоцикла:

— Прошу всех отойти.

Он прицелился из спецпистолета и выстрелил. Присоска метнулась ввысь и впилась человеку в самое надежное место. Колобок начал крутить ручку на рукоятке пистолета и подтягиваться все ближе и ближе к человеку на проводах. Потом Колобок лег животом на провода и, постепенно выпуская леску, опустил человека в коляску мотоцикла.

Дальше, пользуясь тем, что леска была перекинута через провода, Колобок, постепенно стравливая ее, опустился вниз сам. Он отцепил присоску от человека, смотал обратно леску в пистолет и помчался назад в НПДД.

— Итак, рассказывайте, что вы делали на проводах?

Человек сделал глоток чая из чашки, поставленной Колбочкиной, и начал издали:

— Я не хулиган. Я — сторож у зоопарка...

...Как обычно, в эту ночь он стоял на посту у ворот. Вернее, лежал, потому что обычно он стоял на посту у ворот, лежа на раскладушке.

Поздно ночью в ворота постучали.

— Кто там? — спросил сторож шепотом.

Ему тихо ответили:

— Гиппопотам.

Сторож повернулся на другой бок и снова заснул. Но стук повторился снова.

— Кто там?

В этот раз ответ был другой:

— Сто грамм!

Такой необычный ответ заинтересовал сторожа, и он открыл ворота. Никто не входил. Тогда он вышел на улицу. И тут его обстреляли воздушными шарами на присосках. Они прилипли к нему и подняли его в небо.

Взлетая, он увидел внизу двух человек. Одного белого во всем черном, другого черного во всем белом. Белый держал в руках автомат, стреляющий шариками. Черный возился с чемоданом.

— Шеф, — спросила Колбочкина. — Это радиостанция?

— Боюсь, что это компрессор. Он питает автомат шарами с присосками.

В эту секунду в НПДД вошел Булочкин:

— Шеф, — спросил он, увидев сторожа, — у нас новый сотрудник?

— Нет, Булочкин.

— Значит, вы задержали преступника?

— Ничего подобного, Булочкин. У вас странный взгляд на жизнь. По-вашему, люди или сотрудники, или преступники. Посмотрите на улицу. Видите, сколько народа идет. Кто они?

— Сотрудники? — спросил Булочкин.

— Нет.

— Преступники?

— Тоже нет. Это просто люди — труженики, дети, бабушки. И за их покой мы в ответе. Вы выполнили задание?

— Так точно. Вот документы на слона. Я их лично... взял... выкрал в отделе животных кадров зоопарка.

— Так кто вы — сотрудник или преступник?

Булочкин побелел:

— Не знаю, шеф.

— Ладно, давайте дело.

Колобок открыл папку и прочитал: «Слон индо-африканский,

белый. Кличка Балдахин. Подарен нам правительством дружественной страны. Конфискован у колонизатора. Характер спокойный, африканический. Имеет слониху и слоненка. Жена — слониха Авоська. Особые приметы слона: обожает грузинский чай и витамин С в таблетках. При звуках индийской флейты теряет волю и ведет себя как загипнотизированный».

Получив эти сведения, Колобок задумался. В его голове, как всегда, сначала затуманилось, потом прояснилось.

— Все ясно! — сказал он. — Бывший владелец слона, бывший колонизатор, проник в нашу страну. Скорее всего под видом интуриста. С ним помощник. У них есть устройство, стреляющее воздушными шарами на присосках. Они проникли в зоопарк путем обстреливания сторожа шарами и отправки его на провода. Потом они подошли к вольеру со слонами. Обстреляли шарами слона. Когда он немного взлетел, взяли его под уздцы и повели, как аэростат.

— Шеф, — спросил Булочкин. — А как он очутился на детской площадке?

— Этого я не знаю, — ответил Колобок. — И для следствия это не имеет никакого значения.

Колобок, как всегда, был прав. Для следствия это не имеет никакого значения. Но для любопытства имеет. И я вам, ребята, расскажу.

Похититель слона и его помощник, а точнее слуга, вели слона, как аэростат. Утреннее солнце нагревало шары и слон взлетал все выше и выше. Тогда слуга с чемоданом забрался ему на спину. Но и это не помогло, слон взлетал, набирал высоту по-прежнему. Наконец он совсем взмыл в небо. Он летел таким облаком над городом, а колониальный похититель летел за ним следом, держась рукой за хвост. Как Руслан за Черномором.

Иногда потоком воздуха их прижимало к земле, и тогда они ломали что-нибудь: гараж, беседку или детскую площадку. В конце концов они скрылись где-то в центре города.

— Начинаем действовать! — сказал Колобок.

— Сверим часы! — предложил Булочкин.

Часы шли так. Впереди часы Колобка, за ними с отставанием в одну секунду часы Булочкина, а следом тоже с отставанием в одну секунду часы Колбочкиной. Это их всех устраивало. Решили ничего не переводить.

— Вы, товарищ Колбочкина, обзвоните все гостиницы города и узнайте, не останавливался ли у них приезжий иностранец из Африки.

— Почему из Африки, шеф?

— У него слуга негритенок. Ясно?

— Так точно, шеф.

— А вы, товарищ Булочкин, соберите всех знакомых ребят и под видом сбора макулатуры прочешите весь город к северу от зоопарка.

— Зачем к северу? Мы прочедем во все стороны.

— Во все стороны не надо. Вспомните, какая на сегодня была объявлена погода.

— Ветер северный. Температура шесть-семь градусов выше нуля.

— Вопросы есть?

— Теперь нет. Под видом сбора макулатуры просмотрим весь город. Пылинка не скроется. И операция «Найти белого слона» началась. Булочкин пошел поднимать молодежь, а Колбочкина стала обзванивать гостиницы.

— Алло, это «Дом колхозника»? Скажите, не останавливался ли у вас колониальный иностранец со слугой? Нет, я не из МВД, я из НПДД. Спасибо.

— Алло! Это «Дом охотника»? Скажите, не останавливался ли у вас иностранный колонист со слугой? Нет, я не из КГБ, я из НПДД. Спасибо.

Город трудился и не подозревал, что Колобок включился в поиск. А если Колобок включался, выключить его не мог уже никто. Миллиметр за миллиметром продвигался он вперед к цели. В данном случае к слону по кличке Балдахин.

Колбочкина звонила в гостиницы. Булочкин с молодежью пяти-шести лет прочесывал город. А слон в это время стоял на

крыше Большого театра позади известной квадриги. Иностранный похититель рассчитал все точно. Деловые москвичи бежали по своим делам, не поднимая глаза к небесам. Да и зачем им было смотреть вверх на крышу Большого театра, когда они этих лошадей сто раз видели. А иностранные туристы смотрели вверх и думали: «Молодцы эти русские. Какую скульптурную группу придумали — слон и лошади! Нет, такое может быть только в заснеженной России».

Тем временем в самый большой и самый центральный коммиссионный магазин города вошел элегантный иностранец в сопровождении переводчика из «Интуриста».

— Хелло! — сказал иностранец.

— Хелло! — перевел переводчик.

Затем иностранец очень внимательно осмотрел все выставленные для продажи вещи: старинные самовары, люстры, сундуки, хрустальные вазы, фарфорового китайца, держащего зонтик вместо абажура над лампой, рыбу-пепельницу, набор театральных биноклей из перламутра и огромного фарфорового слона.

— Ето! — ткнул он пальцем в слона.

— Это! — перевел переводчик из «Интуриста».

— Завернитить! — продолжил иностранец.

— Завернуть! — объяснил переводчик.

После этого иностранец потребовал, чтобы слона ему доставили в гостиницу «Днепр» и чтобы ему выдали справку о покупке.

Справку ему написали быстро:

«Справка дана иностранному господину Хлорофосу в том, что слон приобретен в магазине. Слон — лучший подарок. Покупайте наших слонов». А с доставкой было сложнее.

— Переведите ему, — сказал продавец, — что у нас доставки нет.

Переводчик попытался перевести это иностранцу, но у него ничего не получилось.

— Он этого не понимает! Он говорит: «Моя твоя не понимай. Продавали — доставляй».

Они повернулись и вышли из магазина.

В НПДД Колбочкина докладывала Колобку.

— Шеф, я навела справки. В гостинице «Днепр» проживает белый иностранец, очень похожий на колонизатора, с черным слугой. Сегодня они собираются улететь в 14.00 из аэропорта Домодедово.

— Установите наблюдение за гостиницей «Днепр».

— Наблюдение установлено, шеф.

— Когда это вы успели?

— А тут и успевать нечего. Ее видно из окна.

И верно, двадцатидевятиэтажное здание гостиницы «Днепр» видно было из любой точки города.

— Что сообщает Булочкин?

— Булочкин ничего не сообщает, помалкивает.

— Что это значит?

— Это значит, что он забыл радиоспикер.

Тут зазвонил обычный телефон на столе у Колобка.

— У аппарата Колобок.

— Колобок, Колобок! — раздался бодрый голос Булочкина. — Прочесали всю Москву. Чешем дальше в сторону Ярославля.

— Что слышно о слоне?

— Слона нет. Но макулатуры завались. Три машины собрали. Какие будут указания?

— Прекратить чесание... причесывание... Отставить прочесывание! Булочкин, немедленно перебирайтесь в сторону аэропорта Домодедово.

— Есть! — ответил бодрый Булочкин и моментально изменил направление движения.

— Шеф, — спросила Колбочкина. — Вы уже их раскусили?

— Нет, — ответил Колобок. — В моей версии не хватает одной детали.

— Шеф, — вскричала Колбочкина. — Из окна гостиницы

«Днепр» на двадцатом этаже вылетела зеленая ракета. Теперь хватает?

— Почти! — сказал Колобок. — Заводите мотоцикл. Едем.

— В Домодедово? — спросила Колбочкина.

— Нет, в аптеку.

И тут зазвонил телефон. Колобок бросился к трубке.

— Колобок, Колобок, у нас пропажа! — сказал растерянный голос.

— Ценная?

— Очень.

— Так звоните в милицию.

— Колобок, Колобок. Но она какая-то странная. У нас не говар пропал. У нас клиент пропал. Купил фарфоровое изделие и исчез.

— Слона? — закричал Колобок. — Он купил слона?!

— Совершенно верно. Слона фарфорового уцененного.

— Найдется ваш покупатель. Звоните вечером... Нет, нет, не так. Хватайте вашего слона и срочно приезжайте в аэропорт Домодедово!

Он бросил трубку и бросился в мотоцикл.

— В аптеку? — спросила Колбочкина, которая была за рулем.

— В Домодедово!

Мотоцикл взревел и побежал по парку.

А по небу бежало облако в виде слона. На облаке сидело другое облако в виде человека с чемоданом. У облака в виде человека с чемоданом в руках было облако в виде автомата, стреляющего облачками в виде шариков. Это слуга белого человека по сигналу зеленой ракеты перегонял слона с крыши Большого театра в аэропорт Домодедово.

В Химках Колобка задержало огромное колхозное стадо, переходившее дорогу. Колобок не раздражался, а радовался.

— Поднимается сельское хозяйство!

Перед Домодедово они подхватили Булочкина на шоссе. У въезда в аэропорт Колобок на секунду соскочил с седла.

— Я на секунду, в аптеку.

— Наверное, будет горячая схватка! — вычислил Булочкин. — За бинтами побежал. Будем врагов бинтовать и в гипс укладывать.

Но Колобок выбежал из аптеки с большой стеклянной банкой с витаминными таблетками.

— Ему витаминов захотелось, а мы время теряем! — тихо сказал Булочкин Колбочкиной. — Есть слабости у шефа. — Это не слабости, — ответила Колбочкина. — Это силы. Таблетки нужны для слона.

В это время в аэропорту шла посадка на самолет. Пассажиры проходили таможенный досмотр.

— Что у вас? А что у вас? — вежливо спрашивали вежливые таможенники иностранцев. Самым дотошным был пожилой работник с золотым зубом.

— А у нас ничего! Совсем ничего! — вежливо отвечали вежливые иностранцы вежливым таможенникам. — Так, мелочи.

— А конкретнее?

— Я чай грузинский везу для своих. Два ящика.

— А я матрешек пятьдесят штук для детишек.

— А я запасные части для трактора!

— Очень хорошо. Проходите, пожалуйста.

— А что у вас? Почему вы тикаете?

— Я везу будильники. Это лучшие в мире будильники «Заря». Я закупил их для продажи в своем магазине в Швейцарии.

— Очень хорошо. Тикайте на здоровье. Чем больше вы заберете у нас будильников, тем лучше.

— А что у вас?

— А у меня лучший в мире слон. Я закупил его для продажи в своем зоомагазине в Ньюсландии. Там большая нехватка слонов.

«Ничего себе! — подумал таможенник. — Тридцать лет здесь стою, а такого не видел».

— А есть у вас справка на приобретение слона?

— А как же! Бой! — иностранец в черном костюме протянул руку, и слуга-мальчик в белом костюме подал ему бумагу.

Таможенник снял фуражку с головы и стал ею обмахиваться. Слон, мирно стоявший сзади, поймал фуражку и сжевал. Тамо-

женник достал огромный платок. Слон взял его за кончик и тоже сжевал. Таможенник совсем растерялся. Он стал обмахиваться справкой. Слон ухватил за кончик справку и тоже запихнул ее в рот.

— А там не было круглой печати! — сказал таможенник. — Она недействительна.

— Там была круглая печать! — спорил иностранец.

Они спорили, кричали, заглядывали слону в пасть. Но постепенно таможенник стал сдаваться. Он увидел у слона большой золотой зуб и хотел закричать:

— А есть у вас справка на золотой зуб? На его вывоз? Но потом вспомнил, что у него самого есть золотой зуб без всякой справки, и замолчал.

— Проходите! — понуро сказал он.

Иностранец гордо прошеествовал со слоном в зал для вылетающих пассажиров. За ним, волоча огромный чемодан на колесиках, прошел мальчик-слуга. Около ларька с мороженым слуга остановился, но хозяин грубо толкнул его носком ботинка.

В это самое время мотоцикл Колобка подлетал к площади около аэропорта. Колбочкина вела его с недозволенной скоростью. Поэтому дежурный дружинник перед площадью кинулся наперерез и встал, преграждая спецжезлом путь Колобку.

Жезл был сделан в виде метрополитеновской лопаточки с красным кружком посередине. Колобок выхватил пистолет с присосками и, почти не целясь, выстрелил в эту лопаточку. Он быстро потянул за леску и вытащил лопаточку из рук дружинника. Путь был свободен.

И вот уже перед нами встает такая картина. Трап у самолета. Пассажиры начинают посадку. У трапа стоит иностранец, поставив ногу на чемодан-компрессор, и черный слуга чистит ему ботинки. Под уздцы Хлорофос держит белого слона. Представители Аэрофлота со страхом глядят на трап — выдержит ли. Хлорофос не сомневается. Он уверен, Аэрофлот все выдержит.

А около забора бегают Булочкин с банкой, полной витамина С в таблетках. Он старается привлечь внимание слона.

— Кис! Кис! Кис! — кричит Булочкин. — Цып! Цып!
Слон не реагирует.

— Слон! Слон! Слон! — кричит Булочкин. — Рыб! Рыб! Рыб!
Тогда Колобок выхватил свой пистолет, выстрелил Балдахину прямо в золотой зуб и тихонько повернул голову слона в сторону Булочкина.

Затем он схватил банку с витамином С и бросил таблетки длинной дорожкой к слону.

Слон радостно затрубил и от таблетки к таблетке двинулся к выходу с летного поля. Еще секунда, и он у нас.

Но колонизатор не так-то прост. Он выхватил из нагрудного кармана флейту и стал играть на ней. Слон притормозил, замер и как загипнотизированный пошел за импортным господином. Спиной вперед он идет шаг за шагом по передвижному трапу в самолет.

Свой спецпистолет выхватил Булочкин:

— Эх, во флейту я не попаду! Прوماжу!

Он выстрелил в основание трапа и присоска впилась в нижнюю ступеньку. Булочкин стал накручивать леску. И трап стал отъезжать от самолета. Когда иностранец собрался сделать последний шаг в самолет, он рухнул вниз со своей флейтой. И слон снова побежал к таблеткам. Все на аэродроме замерли. Хлорофос, хромая, встал и снова заиграл на флейте. Полилась прихрамывающая музыка, и слон, прихрамывая, опять повернулся к Хлорофосу.

Хлорофос подвинул трап к самолету. Показал дежурному у трапа кулак и опять направился вверх.

Еще секунда и он уйдет. И слон уйдет. И будет подорвана репутация Колобка. Но тут мальчик-слуга раскрыл чемодан-компрессор, достал автомат и на глазах у всех изумленных дал очередь из воздушных шаров по своему господину.

Облепленный шарами угнетатель под собственную музыку плыл по воздуху. За ним погнались вертолеты.

Слон подхватил мальчишку-слугу хоботом и радостно помчал-

ся к выходу с аэродрома. А на аэродром прибыл продавец фарфоровых слонов с фарфоровым слоном.

В этот день многие видели, как из аэропорта Домодедово в сторону Москвы шел слон, ведя на прицепе мотоцикл. На большом слоне сидели: Колобок, Булочкин, Колбочкина и мальчик-негритенок с шарикострелятельным чемоданом.

А когда вертолеты догнали и приземлили Хлорофоса, таможенник с большим удовольствием вручил Хлорофосу фарфорового слона.

Потом, когда иностранец снова проходил таможенный до-смотр, в животе у слона рентгеном обнаружили большую коллекцию марок, монет и японской старинной скульптуры.

Но об этом уже отдельный рассказ с участием Колобка.

Следствие шестое

КОЛОБОК ПРОТИВ ДЕБИЛЕНКО

По всей Москве уже давно наступило раннее летнее утро и только в Краснопресненском детском парке запутались остатки темноты.

Знаменитый сыщик Колобок проводил в НПДД совещание с сотрудниками. Если вы не забыли, НПДД — Неотложный Пункт Добрых Дел. Колобок — великий сыщик, друг детей. Его сотрудники Колобки — это военизированный помощник Булочкин и лаборантка с химическим уклоном Колбочкина.

Колобку было тесно. По нем плакала Европа, а он занимался в Москве мелочами. Он тигриным шагом метался из угла в угол помещения, которое было совсем небольшим. Весь НПДД был размером с кабину лифта из хорошего дома.

В комнате было тепло и уютно, как-то очень по-домашнему. Пахло кофе и подожженной манной кашей. Однако Колобок был очень сух и чрезвычайно официален:

— Удивительное дело, — говорил он. — Преступность в нашем парке с каждым днем падает, а преступников становится все больше и больше.

— Что же тут удивительного! — сказала Колбочкина. — Преступностью в нашем парке командует директор товарищ Надежный. Он пишет на главной доске, что она падает. А преступниками командуем мы, мы их ловим. Вот их все больше и больше становится.

— Не очень-то мы их ловим, — добродушно проворчал Колобок. — Кривоватый тип Дебиленко, который кошек и собак на шапки переводит, до сих пор еще не найден. Из музея боевой славы нашего парка похищена боевая шашка командира товарища Крылатенко. Нет ни шашки, ни преступника.

Колобок сделал несколько мягких, тигриных, почти неслышных шагов. Неслышных потому, что он был в валенках.

— Скажите мне, товарищ Булочкин, как вы будете смотреть в честные глаза наследников нашего командира? Они, можно сказать, оторвали шашку от семьи для нашего музея, а мы за ней не уследили.

Дисциплинированный Булочкин покраснел. Он не знал, как ему смотреть в честные глаза наследников.

— А вы как будете смотреть, товарищ Колбочкина?

— Зажмурившись, — нашлась верная помощница.

— Разве что, — сказал Колобок. — Да, — печально подвел он итоги, — нет ни острой шашки, ни преступника.

— Их надо брать по отдельности, — твердо сказал Булочкин.

— Почему, — удивился Колобок.

— Вместе они очень опасны.

И тут в дверь позвонили. Колобок схватил большое увеличительное стекло и стал рассматривать разбитую форточку, лежавшую у него на столе.

— Войдите.

Вошла строгая сухощавая гражданка пенсионерно-спортивного вида. Она была в кедах, в тренировочном костюме и с открытым зонтом.

— Караул! — тихо кричала она. — Двойной караул!

— Почему двойной? — поразился Колобок.

— Ребенка украли, — объяснила продуктовая спортсменка. — Уже второй раз.

— Гражданка Четверухина, — строго сказал Колобок. — Мы уже с вами знакомы по аналогичному делу. Вы уверены, что его украли? Может быть, он сам от вас сбежал.

— Уверена, уверена.

— Но кому он нужен?

— Такой ребенок всем нужен. Это же будущий Эйнштейн. Будущий академик, гордость страны. Тысячи научных открытий в оборонной сфере.

— Почему в оборонной сфере? — спросил Колобок.

— Он с танками не расстается.

— Шеф, — сказал военизированный Булочкин, — я чувствую руку иностранной военщины.

— Да? — ехидно сказал Колобок. — В прошлый раз вы чувствовали руку инопланетянки и что же оказалось?

Булочкин виновато заморгал глазами, но продовольственная спортсменка поддержала его:

— Этот долговатенький товарищ прав. Ребенка украла военщина.

— Отставить споры! — сурово приказал Колобок. — Начинаем действия. У нас есть три преступления. Похищение мальчика — раз. Это вы, Булочкин, берете на себя. Пропажа сабли товарища Крылатенко — это два. Это я беру на себя. И кривоватый тип Дебиленко, который переводит собак и кошек на шапки, — это три. Это для вас, товарищ Колбочкина. И имейте в виду, это очень опасный тип. По нему давно уже плачет милиция.

— Шеф, я имею план. Я прикрепляюсь к гражданке Четверухиной, — сказал Булочкин. — Мы вместе ведем поиски.

— Отлично.

— Я отправлюсь в командировку по всем помойкам, — сказала Колбочкина. — Там больше всего собак. И там будет этот кривоватый тип.

— Отлично, — согласился Колобок. — А я отправлюсь в музей боевой славы нашего парка на пару часов.

— Шеф, вы будете там экспонат? — спросил верный Булочкин. — Я буду заседант. То есть я буду там сидеть в засаде.

— Ага, — поняла Колбочкина. — Преступник всегда возвращается на место преступления. И тут-то вы его цап и хватаете за обе руки!

— Ничего подобного! — возразил Колобок. — Следите за моей мыслью. Преступник похитил саблю товарища Крылатенко. Сабля очень опасная штука. Ею можно порезаться. А ножны он не взял. Значит, он придет за ножнами. Вот тут-то я его и задержу.

— Колобок, Колобок, — сказал Булочкин. — А может быть, сабля тупая.

— Булочкин, Булочкин, вы когда-нибудь рубили капусту? Разве можно рубить капусту тупой саблей?

— Нельзя. Ничего не выйдет.

— А товарищ Крылатенко рубил не капусту, а головы врагам революции, которой он верно служил, пока его не расстреляли. Так что сабля у него должна быть в сто раз острее.

— Его расстреляли белые? — спросил Булочкин. — Которым он рубил головы?

— Нет. Красные. Но к сабле это не имеет отношение.

— Шеф, — прервала свою задумчивость Колбочкина, — а как я узнаю преступника Дебиленко, по которому плачет милиция?

— У него такие приметы. Правое ухо больше левого. На груди татуировка: «Как мало прожито, как много сделато!». И от него сильно пахнет псиной.

— Я никогда не нюхала псину, — сказала Колбочкина. — Эх, была бы у нас служебно-розыскная собака, нам было бы много легче.

— Булочкин, сколько стоит сейчас на рынке хорошая собака? Лучше всего щенок.

— Дорого, шеф, рубля три. Я приценялся.

— Ой, — закричала гражданка Четверухина, — у моего мальчика Леши есть замечательная собака. Я ее все время хотела выбросить из дома. Теперь я ее вам подарю.

— Немедленно дарите, — сказал Колобок.

— Немедленно не могу. Ее украли вместе с мальчиком.

— Ладно. Все по рабочим местам! — приказал Колобок. И

запел вполголоса свою любимую песню, песню о силах разума в Москве.

Когда общественность слаба,
Когда уже бессильна пресса,
Тогда для нас трубят труба,
Для нас — защитников прогресса.

В этой песне был такой припев:

Если спросят, мы ответим,
Что желаем счастья детям,
Каруселей и зверей
И незапертых дверей.

Лаборантка Колбочкина уже третий час исследовала помойки и антисанитарные ларьки, но все безрезультатно. Ее постепенно охватывала грусть, переходящая в печаль.

— Три часа жизни долой и никаких результатов. Колобок меня за это по головке не погладит.

И верно, из своего пионерского детства Колобок вынес всего один лозунг, но какой: «Пионер, не теряй ни минуты!». А она потеряла уже целых сто восемьдесят минут.

И тут ей навстречу вышел мороженщик Коржииков с тележкой.

— Товарищ мороженщик, — спросила Колбочкина, — где вы приобрели такую красивую шапку?

Мороженщик Коржииков считал себя человеком России, более того, человеком Земли и даже человеком Вселенной. Он всегда говорил так, словно на него смотрят все жители Москвы одновременно. Он говорил заголовками газет:

— Шапки шьют люди! К следующему году дадим каждому человеку по шапке! Не шапка красит человека, а человек красит шапку!

— Вот я и спрашиваю вас — кто красил эта шапку? — спросила Колбочкина. — Назовите фамилию.

— Краска не валится с неба! Животных красит природа. Это же натуральный соболь или типичный бобер!

— Сами вы, гражданин, натуральный соболь или типичный бобер. Это же типичная собака, крашенная под соболя.

Продавец Коржиков снял шапку, внимательно рассмотрел ее, даже лизнул ее и завопил на весь парк заголовками криминальной хроники:

— Мафия проникла в народ! Обман подстерегает нас на каждом шагу. Преступники среди нас. Берегите ваших четвероногих друзей!

— Не кричите так громко, — сказала Колбочкина. — Лучше опишите этого человека. Как он выглядит, какие у него уши, во что одет, что у него написано на груди?

— Что у него написано на груди, я не знаю, — сказал Коржиков нормальным голосом. — Я его не читал. Уши у него холодные. На лице у него написано, что он жулик. И выглядит он так же. Он все время трется здесь, около помоек.

— Зачем же вы у него покупали шапку?

— А затем, что он продает очень дешево. Не то что в магазинах. Магазины сошли с ума! Лучше растить цены, чем урожай!

С этими многозначительными словами он укатил свою тележку в глубь парка. — Все ясно, это действует кривоватый Дебиленко, — поняла Колбочкина и твердо решила, что никуда не уйдет из помоек, пока не задержит и не обезвредит этого кривоватого Дебиленко.

Тем временем постепенно закончился день и к парку подступил мокроватый вечер. Посетители покидали аллеи и детские площадки. В лотках и палатках гасли огни. А в музее боевой славы, наоборот, зажегся яркий свет. Ночной сторож — продавец мороженого Коржиков — обходил помещение. Он сторожил музей за полставки и поэтому готовился ко сну на всю катушку. Он тихонько напевал свою любимую сторожевую песню:

Наши экспонаты —
Пушки и гранаты,
Седла лошадиные,
Сабли, кивера...

И картины славные,
Где солдаты справные
На врага бросаются
С криками «Ура!».

Дальше шел припев, который особенно нравился Коржикову:

Мы, сотрудники музея,
Не устанем повторять,
Что не пустим ротозея
Экспонаты охранять.

Во втором куплете Коржиков был согласен с каждым словом:

Ох как портит нервы
То, что есть шедевры,
Что к сигнализации
Не подключены.
И администрации
О сигнализации
Мы сигнализировать
День и ночь должны.

А третий куплет ему совсем не нравился, он был какой-то каркающий:

Мне без прекращения
Чудятся хищенья,
И под подозреньем
Каждый, кто вошел...
Если пионерчики
Стащат револьверчики,
Как же это кончится
Все нехорошо...

Не зря он беспокоился. Пока он пел, к нему в тележку залез какой-то тип.

Едва он допел последний куплет, как в помещение неслышными рысьими шагами вошел Колобок.

— Насчет пионерчиков я не уверен, — сказал он, — а вот таких людей, как кривоватый тип Дебиленко, вам опасаться стоит.

— Стой, кто идет! — закричал заголовками Коржиков. — Му-

зей — это звучит гордо! Музей — это не кабаре! Документы на полку! Почему люди приходят по ночам!

— Я Колобок! — сказал Колобок. — Вот мое удостоверение. А прихожу я ночью потому, что имею ключи от всех помещений. И по моим сведениям, в ваш музей собирается явиться один очень опасный преступник.

— Сам Колобок! — закричал Коржиков. — Событие московского масштаба! Гиганты идут к простому народу! Человек-легенда посещает музей.

— А вы почему здесь? — спросил Колобок. — Вы же по утрам торгуете мороженым.

— Это верно, — согласился Коржиков незаголовочным голосом. — Вон стоит моя тележка. Здесь я на полставки. Внуку на «варенку» коплю.

Все-таки он не удержался и снова закричал заголовками:

— Дети наших детей — это наши дети. «Варенка» — двигатель прогресса. Пенсия хорошо, а зарплата лучше. — Но закончил он совсем уж пессимистически: — Наши внуки — это наш путь на кладбище.

— Отставить разговоры! — приказал ему Колобок. — Скажите лучше, кто это подставил лестницу к вашему окну?

— Я не ставил.

— Кто подпилил затворы на окнах?

— Я не пилил. Тут крутился один ремонтник.

— Все ясно. На вас готовится нападение, это не ремонтник, а жулик. А вы песни поете. Немедленно гасим свет и сидим в засаде. Есть у вас оружие?

— Да тут полны стены оружия. Мы же музей боевой славы.

— Это экспонаты, их трогать нельзя, — сказал Колобок.

— Некоторые можно, — возразил Коржиков. — Вон, например, лежат гантели славного русского полководца Суворова. Их можно трогать сколько хочешь. Или вот, например, чугунный утюг генерала Багратиона. Да тресни ты им жулика по башке, он сразу шелковым станет.

— Ой, слышу лестница скрипит! — закричал Колобок. — Выключаю свет. Ложись.

Свет погас и в неярком свете луны стало видно, как какая-то тень как-то несколько коревато проникла сквозь окно в помещение музея.

— Ага, попался! — закричал сторож Коржиков и бросился вперед.

Он вступил в бой с тенью, подставил вошедшему ножку и все время подбадривал себя криками:

— Шестьдесят лет на боевом посту не пропали даром! Ни шагу назад, позади Москва! Преступники не уйдут от расплаты!

Коржиков хоть и был почти пенсионер, но был здоров как бык. — Сам ты преступник! — вдруг послышался голос Булочкина. — И еще балда!

Колобок опешил и немедленно зажег свет.

— Товарищ Булочкин, что вы здесь делаете? — строго спросил он.

— Преступника ловлю, — ответил Булочкин. — Мы с гражданкой Четверухиной бежали ради жизни перед сном. Вдруг я вижу — в музее свет горит. К окну лестница приставлена. Вот я и подумал, что здесь преступник, и полез его задерживать. А этот мороженный тип как стукнет меня чем-то.

— Не мороженный тип, а типичный мороженщик! — возразил Коржиков. — И не чем-то, а гантелями полководца Суворова.

— А потом как добавит какой-то железякой!

— Не железякой, а утюгом генерала Багратиона, — сказал он. — Теперь его придется в починку нести.

— Я боюсь, что в починку нести придется товарища Булочкина, — сказал Колобок. — Я его понесу в перевязку в НПДД, а вы сидите здесь и ждите настоящего преступника.

Когда Колобок и Булочкин удалились, Коржиков подумал про себя: «Чего это я буду сидеть и ждать преступника здесь, когда я его боюсь. Я буду сидеть и караулить его на улице. Там, по крайней мере, народ ходит».

И он вышел из помещения на улицу. А как только он вышел, из его тележки вылез какой-то замороженный тип с черным чулком, натянутым на лицо. В чулке были только прорезы для глаз и ушей. Он вытряхнул из-за шивороты иней, вынул из кармана мешок и приступил к осмотру музея.

— Так, дорогие начальники, — говорил он, — посмотрим, что у вас здесь имеется. Во-первых, ножны для сабли. Это мы берем. Это нам необходимо. Во-вторых, я вижу чугунную пушечку. Нет, ее мы не возьмем. Это огнестрельное оружие, за него дают десять лет. Вот орденов мы наберем целый карман. И на грудь повесим сколько влезет.

Кривоватый тип Дебиленко, а это, как вы догадались, безусловно был он, нацепил себе полную грудь орденов. Среди них был орден за взятие Измаила в... году и три медали «Мать-героиня». Получалось, что он, кривоватый тип Дебиленко, лично нарожал двадцать семь человек детей. Да, не зря у него на груди была нарисована надпись: «Как мало прожито, как много сделано!».

И тут на его беду в окне появилась вечерняя спортсменка гражданка Четверухина. С криком: «Товарищ Булочкин, куда это вы подевались?» — она просто упала на растерянного Дебиленко.

— Я не Булочкин, — ответил он ей.

— А кто вы такой? — подозрительно спросила она. — И что вы делаете в нашем парковом музее?

— Я здесь экспонат, — ответил Дебиленко. — Вон у меня сколько орденов на груди.

— Интересный экспонат, — сказала гражданка Четверухина. — Экспонат в женском чулке! От кого вы скрываете свое лицо?

— А может, я застенчивый, — говорит кривоватый тип. — Может, я не хочу красоваться перед посетителями. А может, я олицетворяю неизвестного героя. А может, я памятник неизвестному солдату.

Но гражданку Четверухину провести было не так-то просто. Она схватила со стены казацкую пику и закричала во весь голос:

— Руки вверх.

А потом добавила:

— И ноги тоже!

Кривоватый тип без всякого спора рухнул на пол и поднял вверх руки и ноги. На шум с улицы прибежал продавец-сторож Коржиков.

— Ага, попался, дорогой товарищ! — радостно закричал он.

— Тамбовский волк тебе товарищ, — мрачновато ответил Дебиленко.

И тут только Коржиков рассмотрел его. Он снова закричал лозунгами:

— Негритянский преступник похищает боевую славу! Америка шлет к нам своих худших сынов! Сегодня грабят парковые музеи, завтра начнут грабить школы!

— Никакой он не негритянский, — сказала гражданка Четверухина. — Он просто матерый. Надо сдать его в милицию. Для начала надо приковать его к этой вот чугунной пушке.

— Вот и отлично, — согласился сторож. — Мы прикуем его наручниками маршала Рокосовского.

Он взял наручники, в которых когда-то водили знаменитого маршала, и приковал ими Дебиленко к пушке.

— Вы стойте здесь и охраняйте его, — приказала гражданка Четверухина. — А я пойду пока позову милицию, если она не спит.

Она вышла из музея быстрыми спортивными шагами, а сторож Коржиков подумал про себя: «Чего это я буду караулить его здесь, когда я его боюсь. Лучше я буду караулить его на улице. Там хотя бы народ ходит».

Потом он произнес вслух, чтобы нейтрализовать преступника:

— Пойду-ка я покурю на свежем воздухе. Этот тип все равно никуда не денется. С пушечкой он далеко не уйдет. Он просто с места не сдвинется.

«Да? — решил про себя преступник. — Не уйдет? Не сдвинется? А вот еще как и уйдет. Не хотел я брать эту огнестрельную штуку, да сама жизнь заставляет».

Пушка была вовсе не тяжелой. Он легко поднял ее, взвалил на плечо и вместе с пушкой ступил на лестницу. Лестница сразу же сломалась, и Дебиленко с пушкой и со страшным треском упал на мягкий газон.

Как только он упал на мягкий газон, в музей вошло много милиции, сторож Коржиков, гражданка Четверухина и даже сам Колобок.

— Упустили! Упустили! — схватился за волосы Колобок. — Позор на мою седую голову!

И тут за голову схватился сторож Коржиков:

— Пушка пропала.

И все сразу поняли, что с этого момента ситуация чрезвычайно осложнилась. Вместе с пушкой и саблей преступник становился в три раза опасней.

Ночь кривоватый Дебиленко провел в кустах. Было холодно и мокро. Тени жались по углам. Но теней он не боялся. У него в руках была пушка. Когда наступило утро, Дебиленко выбрался из кустов и направился в сторону ближайшей мастерской металлоремонта.

Первым человеком, который шел ему навстречу, была Колбочкина. Она шла на утреннее совещание в НПДД и ничего не знала о ночных событиях.

— Гражданин, гражданин! — строго сказала она. — Почему вы разгуливаете с огнестрельной пушкой по улицам?

— Я не разгуливаю, — нахально сказал Дебиленко. — Я несу ее в ремонт. Это экспонат. Видите, пушка уже совсем износилась.

И святая Колбочкина поверила проходимцу.

На совещании Колобок был сердитым, А Булочкин перебинтованным. Присутствовала и гражданка Четверухина.

— Подведем итоги, — говорил Колобок. — Похвастаться нечем. Кривоватый тип Дебиленко не обнаружен. Ножны сабли

товарища Крылатенко на месте, но пропала знаменитая пушка крестьянских волнений имени Степана Разина. Пропавший мальчик Леша даже нигде не проявился.

Он своим любимым тигриным шагом прошелся по комнате.

— Булочкин, доложите о проведенной операционной работе. Чем вы занимались?

— Бегал ради жизни.

— Это мы уже проходили, — сказал Колобок.

— Получил записку: «Принесите в парк на пристань хлеб и яблоки жаркур».

— И что такое жаркур? — спросил Колобок.

— Не знаю точно, но думаю, что это Железный Армейский Курок.

— Жаркур — это жареная курица, — вмешалась лаборантка Колбочкина.

— Потрясающе, — сказала гражданка Четверухина. — Я срочно пойду домой готовить жаркур. Это может спасти моего мальчика от военщины. Булочкин, за мной.

— Булочкин, — тихо позвал Колобок. — Когда жаркур будет готов, вы устроите засаду около пристани. Как только военщина придет за жаркуром, схватите ее и доставьте сюда.

— Шеф, а если военщина схватит меня?

— Тогда не сдавайтесь и пускайте вверх ракеты. Вот вам ракетница, которую я незаметно взял из музея боевой славы нашего парка.

— Шеф, а разве можно брать оружие из нашего музея.

— Не только можно, но и нужно, — сказал Колобок. — Наш музей так плохо охраняется, что из него скоро все растащат. Пусть уж лучше оружие попадет в наши руки, чем в руки преступников.

Как только Булочкин и Четверухина вышли из комнаты, в разговор вступила лаборантка Колбочкина:

— Шеф, а пушка крестьянских волнений не пропала. Я сама видела утром, как ее несли в ремонт.

— Кто нес? — впился в нее Колобок. — Особые приметы, рост, вес?

— Я не помню точно, — сказала Колбочкина. — Но может быть, кто-нибудь еще, кроме меня, видел этого типа с пушкой.

— Отличная мысль. Немедленно отыщите мне мороженщика Коржикова, — приказал Колобок. — Он лично приковывал этого типа к пушке наручниками маршала Рокосовского.

Скоро Колбочкина вернулась в НПДД вместе с Коржиковым, и Колобок снова приступил к допросу.

— Мне кажется, вы оба видели одного и того же человека. Только вы, товарищ Коржиков, видели его в музее, прикованного к пушке, а вы, товарищ Колбочкина, видели его на улице с пушкой в руках. Будем составлять словесный портрет. Готовы?

— Готовы.

— Лицо у него было такое? — Колобок показал обложку служебного журнала.

— Нет. Совсем нет, — сказали свидетели.

— Такое? — Колобок показал кувшин, расширяющийся кверху.

— Нет.

— Так может быть, такое? — Колобок вытащил помойное ведро и перевернул его вверх дном. На пол посыпался мусор, но зато в этот раз пришла удача.

— Точно, — закричала Колбочкина.

— Во-во. У него была такая морда, — сказал Коржиков.

— Не надо крепких выражений, товарищ Коржиков, — сказал Колобок. — Ведь мы с вами воспитанные люди. Теперь поговорим об ушах.

Он приставил к ведру по бокам две обеденные тарелки.

— Уши у него были такие?

— Нет, — в один голос закричали свидетели.

— Так может быть, такие? — Колобок приставил к ведру два чайных блюдца.

— Нет, — снова сказали Коржиков и Колбочкина.

— Так может быть, такие? — Колобок приставил с одной стороны ведра тарелку, а с другой — чайное блюдо.

— Точно! — в голос завопили свидетели.

— Это он, — закричала Колбочкина. — Я узнаю его.

— Все ясно, — подвел итоги Колобок. — Это есть кривоватый тип Дебиленко, по которому плачет милиция. И который кошек и собак на шапки переводит. Как вы помните, у него одно ухо больше другого. — Колобок подвел итоги: — Следственный эксперимент закончен. Теперь осталось самое легкое — надо поймать этого дважды преступника.

— Трижды преступника, — сказал Коржиков. — Он, пока сидел у меня в тележке, бесплатно пятьдесят пачек мороженого съел. И всю тележку пропах псиной.

— И самое печальное, — сказала Колбочкина, — что этот преступник хорошо вооружен: саблей и целой пушкой.

Колобок и Колбочкина остались в НПДД продумывать план операции по захвату кривоватого Дебиленко, а Коржиков пошел по парку со своей тележкой, выкрикивая лозунги:

— Преступники едят мороженое на глазах у милиции!

— Артиллерия на службе уголовщины!

— Авторитет Колобка висит на волоске!

В это время в другом конце парка, около пристани, на берегу сидел с удочкой маленький мальчик. Рядом с ним сидела маленькая собачка Бобик.

— Бобик, Бобик, как есть хочется, — говорил мальчик.

Бобик слегка подскуливал ему.

— А что, Бобик, — спрашивал мальчик, — может, вернемся к бабушке?

Бобик испуганно оглядывался.

— Не хочешь, Бобик? Вот и я не хочу. Давай вместе терпеть. Я думаю, сегодня моя записка сработает и бабушка принесет еду в парк.

Сзади мальчика около мусорных бачков что-то загремело, почти загрохотало. Это появился кривоватый Дебиленко с пушкой. Он буквально весь шатался от усталости.

Дебиленко зашел на пристань и сказал:

— Ну все. Надоела мне эта пушка. Сейчас бросаю ее и все, и концы в воду.

И конечно же, он сам полетел в воду вслед за пушкой, потому что крепко-накрепко был прикован к ней наручниками.

— Караул! — закричал Дебиленко. — Тону!

Хотя вода была ему всего-навсего по колено.

— Дядя, дядя, — сказал Леша, — держитесь за мою удочку.

Он помог дяде выбраться из воды.

— Ой, дядя, а я где-то вас видел.

— Все так говорят, — ответил Дебиленко. — «Это не вас ли разыскивает милиция?». «Это не вас ли разыскивает милиция?» И все потому, что я много снимаюсь в кино.

Он тут же перешел к делу:

— Ой, какая собачка. Она очень похожа на шапку. Отдай ее мне.

— Ни за что. Это мой Бобик.

— «Мой, мое, моя, мне!» — передразнил Дебиленко. — Все всё к себе тянут. Эх, Россия, до чего тебя докатили! Давай уходи отсюда!

— Почему? Я здесь рыбачу.

— А я здесь охочусь. Это мое место.

— Интересно, — спросил интеллигентный мальчик Леша, — на кого это вы охотитесь и из чего? Из пушки?

— На кого надо, на того и охочусь, — сказал Дебиленко. — И не из пушки, а из капканов. У меня и сабля здесь спрятана.

Он вытащил из-под мусорного бачка большую длинную саблю товарища Крылатенко.

— Ой, — сказал Леша, — знаете на кого вы теперь похожи с пушкой и саблей?

— На кого? — гордо спросил Дебиленко.

— На Бармалея из книжки Чуковского.

— Эх, если бы не пушка, я бы тебе показал, — сказал Дебиленко. — Я бы тебя догнал и отлупил. Слушай, как ты думаешь, что крепче — сабля или наручники?

— Я думаю, сабля крепче, — сказал Леша.

— А вот мы сейчас проверим, — сказал Дебиленко. — А ну-ка вдарь саблей по наручникам. Я сам никак не могу, у меня правая рука пушкой занята.

Леша взял саблю, как следует размахнулся и вдарил по цепочке наручников. Конечно, она перерубилась.

— Что я говорил? — сказал Леша. — Сабля крепче.

— А теперь, мальчик, — заявил Дебиленко, — беги отсюда, пока я тебя самого саблей не вдарил. И забирай своего недорезанного Бобика. Понял?

Он говорил очень зло, и Леша понял, что он не шутит. Мальчик собрался уходить, но тут послышался газетно-плакатный голос Коржикова:

— Московское мороженое — лучшее мороженое в Москве. Человек сильнее судьбы! Судьба сильнее человека!

Коржиков остановился и даже удивился сам:

— Ничего себе! И так и так правильно получается.

Кривоватый тип Дебиленко схватил Бобика за ошейник и спрятался за помойку. Он тихо сказал Леше:

— Если про меня будут спрашивать, смотри помалкивай! А то от твоего Бобика одна шкурка останется.

Он приставил саблю к шее Бобика, показав, как он с ним поступит, и засунулся с головой в мусорный бачок. А подошедший продавец Коржиков стал спрашивать у Леша:

— Мальчик, а мальчик, ты здесь не видел такого типа, по которому давно плачет милиция?

— А как он выглядит? — спросил Леша.

— Очень просто. Его легко узнать. Он выглядит, как ведро с ушами.

— Нет, — ответил Леша. — А почему о нем плачет милиция?

— Он из музея саблю украл и пушку крестьянских волнений

имени Степана Разина. А я этот музей по ночам охраняю. И теперь с меня спросят в десятикратном размере.

— А почему вы сюда пришли?

— Я буду здесь засаду устраивать, — объяснил Коржиков. — Пушка ему совсем ни к чему. Он наверняка сюда придет, ее на помойку выбрасывать.

— А это не ваша пушка? — спросил Леша.

— Ой, конечно, моя! — радостно завопил Коржиков. — Вещи обретают хозяев! Сюрприз на помойке! Помойки помогают людям! Слушай, мальчик, — обратился он к Леше. — Я оставляю здесь тележку с мороженым. Ты покарауль ее. А сам я быстро добегу до музея, оттащу эту пушку. Хорошо?

— Хорошо, — ответил Леша.

Радостный Коржиков убежал, держа пушку как маленького запеленутого ребенка. И тут из помойки вылез кривоватый Дебиленко весь в очистках и шелухе.

— На получай свою мочалку, — бросил он Бобика мальчику. — И сиди теперь здесь сколько хочешь. А я пойду отвезу тележку этому достойному труженику эскимо. Этому славному гражданину полусторожу-полупродавцу.

Он на секунду задержался и предостерег:

— Только вот сюда, за эти бачки, не заходи. У меня тут кое-что приготовлено для опасных бродячих собак.

Это были волчьи и лисьи капканы.

Колобок тем временем проводил очередное оперативное совещание. На совещании было не очень много народа. Всего двое — Колобок и Колбочкина.

— Прошло уже двадцать четыре полновесных часа, — говорил Колобок, — а преступники все еще на свободе. И мальчик Леша не найден. Какие у вас мысли по этому поводу, товарищ Колбочкина.

— У меня такие мысли по этому поводу, — сказала Колбочкина. — Пойти в милицию, взять взаймы служебную собаку

Мухтара и посадить ее около парковых помоек. Когда преступник придет туда ловить собак и кошек для перевода их на шапки, собака Мухтар схватит преступника Дебиленко.

— Хороший план, — сказал Колобок. — Но не забывайте, что преступник вооружен саблей и пушкой, а Мухтар вооружен только зубами.

— Значит, вместе с Мухтаром мы возьмем взаймы милиционера с пистолетом.

— Ни за что. Мы должны действовать сами. Это наш уровень. У милиции есть дела посложнее.

Как раз в эту секунду в НППД влетел заголовочный Коржиков с новыми заголовками:

— Караул! Сегодня пропала тележка, завтра пропадет страна! Преступность выходит из помоек!

— Объясните спокойно, что случилось, — попросил Колобок.

— Спокойно не могу! — кричал Коржиков. — Тележка пропала с моим любимым мороженым-эскимо. Ее украли.

— Кто украл?

— Не знаю. Я оставил ее с мальчиком на помойке. А когда вернулся, мальчик был, тележка исчезла.

— Опять помойка! — задумался Колобок. — Это слово что-то слишком часто стало встречаться в нашем следствии. Надо эту помойку как следует обдумать.

Дверь НППД снова распахнулась. На пороге стояли Булочкин и гражданка Четверухина.

— Докладывайте, — попросил Колобок.

— Докладываем, — сказал Булочкин. — Жаркур готов!

Он произнес это с таким повышенным энтузиазмом, что Колобку вспомнилось пионерское детство. Ему захотелось встать, сделать салют и ответить: «Всегда готов!» Но Колобок сдержался и сухо сказал:

— Отлично. Берите жаркур и отправляйтесь на пристань в засаду. Если на вас нападут, не забывайте про ракетницу. Кстати, скажите, Булочкин, где находится эта пристань?

— Как где? — вмешалась гражданка Четверухина. — Да около

парковых помоек. Там она и находится. Оттуда мусор забирают на специальную мусорную баржу.

— Помойки, опять помойки, — простонал Колобок. — Чует мое предчувствие — там происходит что-то очень нехорошее. Пожалуй, я лично должен осмотреть это загадочное место.

На пристани было тихо. Леша и Бобик, как только слышали шаги Булочкина и бабушки, сгибавшейся под тяжестью курицы, залегли в высокой траве.

— Вот мы и пришли, — сказал Коржиков. — Будем делать засаду на военщину.

— Странное место они выбрали для передачи продуктов. Кругом помойки, значит, крысы бегают.

— Чего же вы хотите, — сказал умный Булочкин. — Военщина и шпионщина всегда связаны с помойщиной и крысинщиной.

— Ракетница у вас заряжена? — спросила гражданка Четверухина.

— Заряжена.

— Тогда кладите курицу на пристань и прячемся за этими бачками.

Как только они положили жаркур на доски пристани и удалились, Леша шепотом приказал Бобику: «Взять!».

Бобик подбежал к курице, схватил ее зубами и поволок в сторону от пристани.

Булочкин и бабушка Четверухина хотела побежать за ним, но не смогли, оба попали в капканы, поставленные Дебиленко на собак.

— Стой, стрелять буду! — закричал Булочкин. И выстрелил в Бобика из ракетницы. Конечно, он промахнулся. А бабушка Четверухина кинула в Бобика свободной от капкана туфлей и конечно же попала. Бобик бросил курицу, и вдвоем с Лешей они уползли в другую часть парка по высокой траве.

— До чего враг хитер! — сказал Булочкин. — Под собаку замаскировался.

— Это не враг хитер, это мой внук хитер, — ответила бабушка. — Это он собаку научил. Гениальный ребенок. Зря я ему запрещала собаку заводить.

Колобок был прав своим предчувствием. Около пристани разворачивались очень серьезные события. Булочкин и гражданка Четверухина сидели в капканах, прикованных к бачкам, и нюхали помоечный воздух. Кривоватый тип Дебиленко направлялся туда же с украденной у Коржикова тележкой. И был он тщательно замаскирован: имел усы и бороду и был с замотанной щекой, как известный подпольщик Иванов-Ленин в 1917 году.

— Так, — говорил Дебиленко, — мороженое я продал. Другой бы на моем месте эту тележку выкинул бы. А я ни за что. Мне эта тележка сто раз пригодится. Я буду в ней пойманных собак перевозить. А чтоб ее никто не узнал, я ее перекрасил. Теперь она незнакомого фиолетового цвета и написано на ней «Пиражки».

Он был так доволен собой, что почти плясал от радости:

— Купил я в аптеке яду, насовал в эти пирожки. Буду около помоек разбрасывать. Теперь все собаки и кошки мои.

Мальчик Леша шел ему навстречу и говорил Бобику:

— Ой, Бобик, как есть хочется. Ой, смотри, Бобик, тележка с пирожками. Дяденька, вы не дадите пирожки в долг?

— Это как в долг? — удивился Дебиленко.

— А так. Скоро моя бабушка принесет жареную курицу и я вам отдам.

— Послушай, мальчик, — спросил Дебиленко. — А ты меня не узнаешь?

— Нет, — ответил Леша. — А вы кто?

— Я дедушка Мазай. А здесь, в тележке, мои пирожки с зайчатиной. Тебе я, пожалуй, не дам, а вот Бобика твоего угощу.

— Мой Бобик не будет есть пирожки с зайчатиной, — сказал Леша. — Ему зайчатину жалко. То есть зайцев.

— А вот мы сейчас проверим, — сказал замаскированный Дебиленко и бросил Бобику два пирожка.

— Бобик, нельзя брать у чужих! — приказал Леша. Но Бобик не послушал и быстро проглотил пирожок.

Бобику стало плохо. Он заскулил, заплакал и стал ложиться на землю.

— Бабушка! — заревел Леша, как пароход, который приезжал по утрам за мусором. И тут раздался жуткий гром. Это прибежали гражданка Четверухина и Булочкин вместе с прикованными к ним бачками.

— Держись, Леша! — кричала бабушка.

— Караул! — сказал сам себе кривоватый Дебиленко. — Надо сматываться.

Он быстро покати́л свою «пиражковую» тележку к выходу из парка.

Около самого выхода из парка навстречу ему выступила встревоженная Колбочкина.

— Гражданин с тележкой, а гражданин с тележкой!

— Ну что? Ну я гражданин с тележкой.

— Предъявите документы! — сурово сказала она.

— Почему?

— Потому что вы очень похожи на одного типа, которого разыскивает милиция.

— Чем похож?

— Головой похожи. Ушами похожи.

— Ничего общего, — возразил Дебиленко, — ваш тип без тележки, а я с тележкой. Я пирожки продаю. Вот возьмите. Видали вы бандитов, которые продают пирожки.

Колбочкина взяла пирожок, понюхала его, но все равно сказала:

— И все-таки предъявите документы.

— Да я ветеран! — закричал Дебиленко. Он распахнул пальто. — Вон у меня сколько орденов на груди. Да я весь изра-

ненный. Вон у меня сколько ран на груди. — Он распахнул рубашку.

— А что это у вас на груди написано, товарищ ветеран?

— «Как мало прожито, как много сделато!» — прочитал сам себя Дебиленко. Он схватил тележку и побежал дальше к выходу из парка.

А Колбочкина стояла и думала: «Какой-то странный лозунг типа призыва. Где-то я его уже видела».

Она думала целых десять минут и она вспомнила: «Да это же я читала на стенде „ИХ РАЗЫСКИВАЕТ МИЛИЦИЯ“».

Колбочкина достала радиопереговорное устройство и сказала в микрофон:

— Колобок, Колобок. Я только что упустила кривоватого Дебиленко. Я стою около ворот парка, рядом с объявительной доской.

— Ждите меня! — закричал Колобок. — Считайте до пятидесяти. Я иду к вам вместе с Мухтаром.—Колбочкина не успела досчитать и до сорока девяти с половиной, как появился Колобок с Мухтаром на поводке.

— Вот, — гордо сказал Колобок, — взял взаймы у милиции на пару недель. У них с кормами плохо. Докладывайте.

Колбочкина доложила о происшедшем и показала Колобку вещественное доказательство — «пирожок». Колобок бросил пирожок на землю и скомандовал:

— Мухтар, нюхай! Мухтар, след! Мухтар, взять!

Но Мухтар не понял приказа. Он съел пирожок и облизываясь радостно смотрел на Колобка. Вдруг он заскулил, закрутился на месте и изо рта у него пошла пена.

Колобок вытащил рацию и закричал:

— Скорая ветеринарная помощь! Скорая ветеринарная помощь! Экстренный вызов, отравление служебной собаки.

Как раз в это время подошел мальчик Леша с Бобиком на руках. И ветеринарная скорая помощь забрала собак вместе.

Прошло два дня.

В этот раз на производственном совещании Колобок был мрачнее тучи. Он докладывал сотрудникам:

— Хвастаться нечем. Мухтар в больнице, Бобик при смерти, преступник Дебиленко на свободе.

— Шеф, — сказал Булочкин. — Это поражение. Нам придется уходить в отставку или переходить в другой парк, где нас еще не знают.

— Ни за что! — возразил Колобок. — От постоянных поражений мы становимся все крепче и крепче. Потому что постоянно учимся.

— Я абсолютно согласна с Колобком, — сказала Колбочкина. — На ошибках учатся. А мы так хорошо учимся, что у нас одни ошибки.

— Сегодня Дебиленко будет взят! — сказал Колобок.

— Будет поголовная облава? — спросил Булочкин. — Будем брать всех?

— Будет хорошо продуманная операция под названием «Доктор Колобков». Преступник будет доставлен на дом.

— Кем? Милицией? — спросил Булочкин.

— Нет. Самим собой.

— Но почему, шеф? — спросил Булочкин.

Вместо ответа Колобок протянул ему центральную московскую газету «Вечерний парк».

— Читайте. — Всю? — испугался Булочкин.

— Нет. Объявление в игривой рамке на последней странице. Булочкин прочитал:

«Вывожу надписи-татуировки специальной жидкостью. Особенно на груди. Исправляю ошибки. Доктор Колобков. Обращаться в кооператив „Звездочки“ в Краснопресненском парке».

— Шеф, но ведь это обман, — сказал Булочкин. — Мы же не умеем выводить татуировки.

— Это не обман. Это военная хитрость. Зато когда его посадят в тюрьму, он сможет в окошко видеть звездочки. И это будет правда. И у нас теперь вывеска над дверью другая!

— Шеф, а почему он придет?

— Потому что за ним много преступлений. Внешность можно менять. А надпись на груди — особая примета. В первой же бане его захватят наши боевые товарищи пенсионеры.

Раздался стук в дверь.

— Ну что, будем брать или будем либеральничать? — спросил Колобок.

— Будем брать, — решился Булочкин.

Дверь открылась и вошла гражданка Четверухина с судками. Все как навалилось на нее. Судки так и покатались во все стороны. Особенно разлился суп.

— Вы что, с ума сошли? — закричала Четверухина. — Я вас полюбила как родных, я вам еду принесла. И котлеты для Бобика. Я его иду навещать, а вы на меня набросились.

— Это мы не на вас набросились, — объяснила Колбочкина. — Это мы на опасного преступника набросились. Мы в засаде сидим. Он сейчас придет. Это кривоватый Дебиленко с саблей.

— А вы смело идите навещать Бобика, — предложил Булочкин.

— Нет, уж лучше теперь я смело останусь здесь. Я никуда не пойду. Я боюсь этого вашего кривоватого Дебиленко с саблей.

В дверь снова постучали. На этот раз вошел такой уютноватый дедушка в валенках на босу ногу и с усами а ля «молодой Буденный, вьетнамский вариант». Он обратился к присутствующим с таким особым кино-крестьянским акцентом:

— Скажите любезные уважаемые господа, здесь проживает дохтур Колобков?

— Проживает он дома, а работает он здесь! — смело и решительно ответил Булочкин. — А вы кто такой?

— У меня надпись на груди.

— И что же у вас там написано?

— Это военная тайна. Ее нельзя читать посторонним. Что надо, то и написано. Дайте мне специальную жидкость на дом.

— Да что же у вас там такое написано? — удивилась Колбочкина. — Может быть, «Не забуду мать родную», а может быть, вообще что-нибудь ругательное?

— У меня написана шифровка генерального штаба. Ее писали для конницы Буденного. Это когда я служил личным шифровальщиком товарища Ворошилова.

— Протяните руки, товарищ шифровальщик! — сурово приказал Колобок.

— Зачем? Вы дадите мне жидкость?

— Я вам надену наручники, гражданин Дебиленко. Ваша игра проиграна!

Гражданин Дебиленко, а это именно он скрывался под видом уютного дедушки, прыгнул вверх и каратистским ударом разбил настольную лампу Колобка.

Все начали скользить и падать на пролитом супе. А кривоватый Дебиленко кричал:

— Не подходите ко мне, я психованный. У меня сабля.

Когда наконец в домике снова зажегся свет, все увидели кривоватого Дебиленко, крепко-накрепко привязанного к стулу резиновыми подтяжками. А Колобок ходил, придерживая штаны руками.

— Унести его в милицию и сдать там вместе со стулом! — приказал Колобок. — Операция «Доктор Колобков» окончена.

Колбочкина и гражданка Четверухина с удовольствием потащили кривоватого Дебиленко в участок.

Булочкин был в очередной раз потрясен:

— Шеф, я все в жизни понимаю. Но я не могу понять, как это вы не испугались подойти к нему и связать его, ведь у него была сабля, засунутая в валенок.

— Булочкин, Булочкин, думать надо. Ведь у него была не простая сабля, а сабля товарища Крылатенко. А товарищ Крылатенко был боевой командир, он шутить не любил. У него была сабля полуторного размера. Ею не то что рубить в НПДД невозможно, ее из ножен-то вытащить нельзя: потолок мешает.

А через несколько часов в НПДД зашли мальчик Леша и гражданка Четверухина с большим тортом в руках. Она сказала:

— Колобок, Колобок, мы хотим подарить вам то, что больше всего необходимо вам в вашей опасной и сложной работе.

— Торт! — сразу понял решительный Булочкин.

— Да ничего подобного! — закричала гражданка Четверухина и открыла крышку.

Под крышкой сидела живая и здоровая собака Бобик. Она радостно и во весь голос сказала:

— ГАВ!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРО ВЕРУ И АНФИСУ

История первая
ОТКУДА АНФИСА ВЗЯЛАСЬ
7

История вторая
ПЕРВЫЙ РАЗ В ДЕТСКИЙ САД
13

История третья
КАК ВЕРА И АНФИСА В ПОЛИКЛИНИКУ ХОДИЛИ
22

История четвертая
ВЕРА И АНФИСА ИДУТ В ШКОЛУ
28

История пятая
ВЕРА И АНФИСА ЗАБЛУДИЛИСЬ
36

История шестая
КАК ВЕРА И АНФИСА СЛУЖИЛИ УЧЕБНЫМ ПОСОБИЕМ
43

История седьмая
ВЕРА И АНФИСА ТУШАТ ПОЖАР
(НО СНАЧАЛА ОНИ ЕГО УСТРАИВАЮТ)
49

История восьмая
ВЕРА И АНФИСА ОТКРЫВАЮТ СТАРИННУЮ ДВЕРЬ
54

История девятая
ТРУДОВОЙ ДЕНЬ В ДЕТСКОМ САДУ
59

История десятая
ВЕРА И АНФИСА ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ В СПЕКТАКЛЕ
«ТРИ МУШКЕТЁРА»
64

История одиннадцатая
ВЕРА И АНФИСА УЧАСТВУЮТ В ВЫСТАВКЕ ДЕТСКОГО РИСУНКА
72

СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ КОЛОБКИ

Следствие первое
КОЛОБОК ИДЕТ ПО СЛЕДУ
81

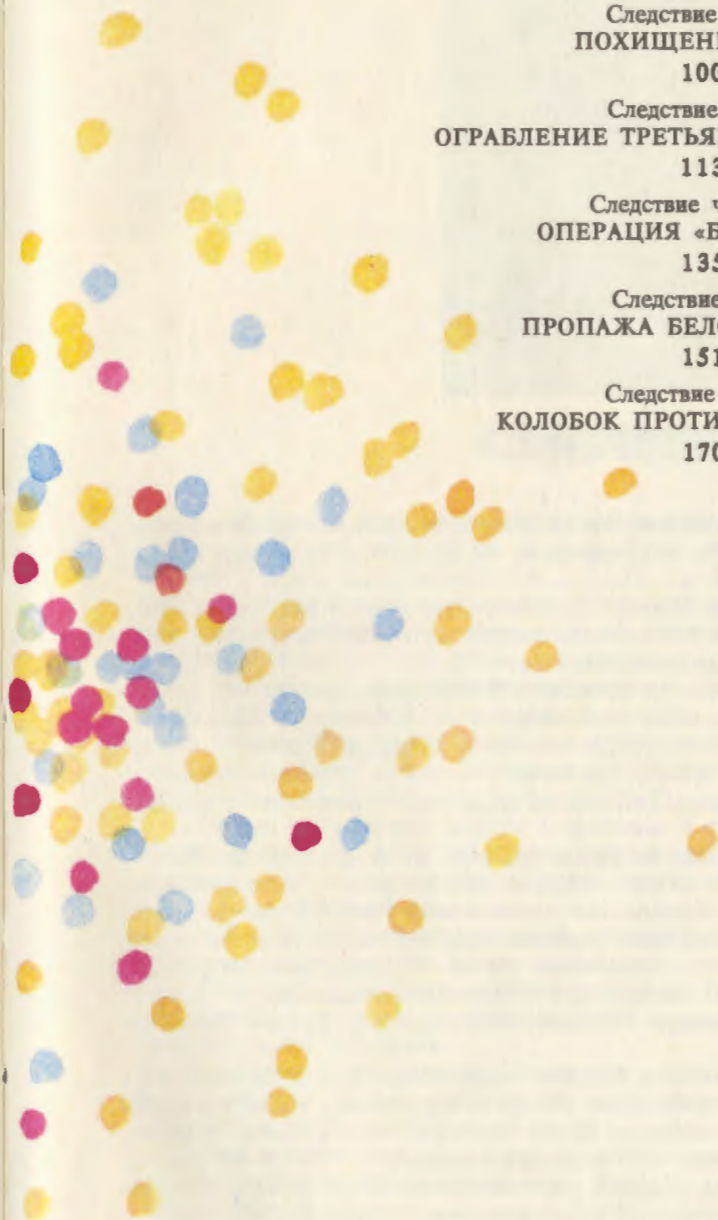
Следствие второе
ПОХИЩЕНИЕ ВЕКА
100

Следствие третье
ОГРАБЛЕНИЕ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ
113

Следствие четвертое
ОПЕРАЦИЯ «БРАКОНЬЕР»
135

Следствие пятое
ПРОПАЖА БЕЛОГО СЛОНА...
151

Следствие шестое
КОЛОБОК ПРОТИВ ДЕБИЛЕНКО
170

художник этой книги

ГАЛИНА ЛАВРЕНКО

Как много в детстве случается. Неприятного. Потому что за все случаи, которые просто валяются на голову, здорово влетает от взрослых. А ведь не специально чашка выпадает из рук, рвутся о гвоздь брюки, приходит бездомный щенок.

«Мне очень нравится Успенский, — говорит Галина Борисовна Лавренко, — тем, что у него, что бы ни валилось на голову ребенку — из-за этого ничего плохого не случается, его понимают и не наказывают взрослые. Я нашла в нём единомышленника».

Действительно, в доме появилась обезьянка — тут бы всем и запаниковать, но нет, вся семья девочки Веры в хорошем настроении. Обезьянка всё в доме перепортила. В понимании взрослых — это стихийное бедствие. Но в семье девочки Веры всё обошлось. «У Эдуарда Успенского никто не страдает, его доброта спасает мир, — считает художница, — дети в его произведениях счастливы, потому что их понимают, а взрослые видят, что не специально происходят с детьми разные случаи».

Добавим к словам Лавренко, что мир спасает не только доброта, но и красота, так считал замечательный писатель прошлого века Достоевский. «Красота спасет мир», — так думаешь, когда смотришь рисунки Лавренко. Художнице повезло, она сделала много книжек для детей. И, пожалуй, главное в них — красота. Линий, оттенков цвета, красота мира, в котором живут её герои.

Одни рисуют акварельными красками, другие — масляными, третьи — тушью, способов разных много. Галя рисует карандашами, которые дают особый цвет. Немножко прерывистый, от соприкосновения грифеля с бумагой, немножко сверкающий, в бликах, отбрасывающих свет, и бесконечно разный в своих оттенках.

Галя Лавренко и Аня Ивашенцова учились вместе в Академии художеств (в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина) на одном курсе, на одном отделении, у одних учителей. Окончили Академию в один год, в 1979-м. За истекшее время пробовали себя в разных жанрах. Лавренко больше всего работала в детской книге, а Ивашенцова освоила за это время ещё и лаковую живопись. И вот они снова встретились в одной детской книжке. Такие разные и такие замечательные художники.

Фото Александра Китаева

художник этой книги

АННА ИВАШЕНЦОВА

У художницы Анны Владимировны Ивашенцовой в детстве была мечта, наверное, как и у всех детей: иметь волшебную палочку. Каждому она нужна для исполнения разных желаний. Одним – чтобы иметь интересные игрушки, другим – чтобы получать одни пятерки не трудясь, третьим, чтобы одеваться в красивые платья и ни в чем не знать нужды. Ане необходима была волшебная палочка, чтобы путешествовать. Раз – и ты в одной точке земного шара, раз – и в другой. Посмеиваясь над собой, Аня объясняет. «Потому что я очень ленивая, не люблю слезать со своего дивана. А оказаться где-нибудь в неведомых краях так хочется, ведь наш шарик такой маленький и всё на нем увидеть надо».

А диван у Ани удивительный – в подушках, в изголовье – ковер, на нем старинная шпага её предка. Вокруг цветы. Тянутся к её дивану из разных углов. И вправду, трудно с такого убаюкивающего дивана, наверное, спускаться и куда-то спешить, торопиться, что-то делать.

Толстые папки хранят работы художницы. А в них – пейзажи Камчатки, виды Енисея, Крыма, акварели улиц Гданьска, зарисовки Самарканда, портреты людей, встреченных в разных странах. Наверное, всё же есть у Ивашенцовой волшебная палочка, если она столько красивого успела посмотреть на нашей земле.

Особенно интересны иллюстрации художницы в детских книжках, в детских журналах «Костер», «Веселые картинки». Что бы ни происходило с героями сказок, которые она рисует, где бы они ни находились, причудливо вплетает Аня в свою композицию цветы, травы. Будто каждую картинку её стремятся украсить диковинные растения из её домашнего сада. Получается и пейзаж, и замечательное украшение.

Аня считает, что рисовать Успенского очень трудно, так как у него такое зримое и ёмкое слово, которое само по себе играет и светится, и смешит, и заставляет задуматься, и уже не хочется украшать текст больше ничем.

Но если рассмотреть иллюстрации к «Колобкам...», можно удивиться, как тонко сумела художница понять и увидеть героев Успенского – почувствовать их характеры, выразить портретное сходство. Ведь герои её иллюстраций именно такие, какими их создал Эдуард Успенский.

Закончив иллюстрации к этой книжке, Аня уезжала в деревню к своим питомцам: колли, пуделю, коту Дыму, предводителю всей этой честной компании. Её торопил в путешествие ещё один жилец этого дома – кот Мурзик. Собрав рюкзак, они оглядели квартиру. Всё ли остается в порядке. Всё оставалось в порядке – в полумраке, под лампой, воткнутое среди разных карандашей и рабочих инструментов зеркало отполированное бесконечными прикосновениями пальцев художницы деревянное основание кисточки. Волшебная палочка художника.

Фото Александра Китаева

Литературно-художественное издание

Эдуард Николаевич Успенский

**Общее собрание
героев повестей, рассказов,
стихотворений и пьес**

В десяти томах

Том девятый

Про Веру и Анфису

Следствие ведут Колобки

Ответственный редактор
О. Т. Ковалевская

Художник-редактор серии
Л. Д. Каминский

Художественный редактор
В. С. Итальянцев

Технический редактор и корректор
Т. П. Княжицкая

Формат бумаги 84x108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 18.
Тираж 150 000 экз. Цена договорная.
Заказ № 3—2231

Торгово-издательское товарищество «Комета».
191002 Санкт-Петербург, Загородный пр., 10, офис 37.

Лицензия № 061683 от 14 октября 1992 г.

ПРОСТОКВАШИННО

алёна

А
Б
В
Г
Д
Е
Ж
З
И
Й
К
Л
М
Н
О
П
Р
С
Т
У
Ф
Х
Ц
Ч
Ш
Щ
Ъ
Ь
Э
Ю
Я

Люблю
мармелад

ИИ-22-44
ИИ-22-44
ИИ-22-44

